

ТАИСИЯ ДЗАБАЕВА-КЕСАОНОВА

**ИВА
ПЛАКУЧАЯ**

Владикавказ 2013

Отсканировано
в марте 2016 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2016 азы мартыйы
сæрмагондæй паблик
«Бæрзæфцæг»-ы чиныгдонæн.

<http://vk.com/barzafcag>

ТАИСИЯ ДЗАБАЕВА-КЕСАОНОВА

ИВА ПЛАЖУЧАЯ

Владикавказ 2013

ББК 82-3

Дзабаева-Кесаонова Т. Т. Ива плакучая: Роман. Владикавказ, 2013. – 267 с.

Перевод – *И.М. Булкаты*
Редактор – *Т. Техов*

© Дзабаева-Кесаонова Т. Т., 2013

Литературно-художественное издание

ДЗАБАЕВА-КЕСАОНОВА Таисия Тамбиевна

ИВА ПЛАКУЧАЯ

Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*
Оформление обложки *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 18.08.2013. Печать цифровая. Бум. офс.
Гарнитура шрифта «Myriad». Усл. п.л. 15,5.
Тираж 200 экз. Заказ №64.

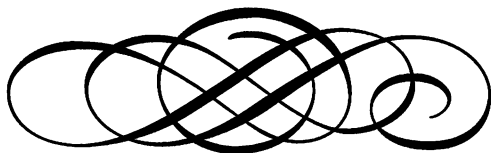
Издательско-полиграфический комплекс «Литера»

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, Владикавказ, пер. Павловский, 10.

*Если Господь Бог одаривает
человека мужеством, то потом
за этот дар строго спрашивает*

ЧАСТЬ I

ВСАДНИК

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Роман Таисии Тамбиевны «Ива плакучая» я читал дважды и со всем вниманием, на какое только способен. Скажу сразу же: роман на меня произвел хорошее впечатление.

На мой взгляд, роман заслуживает отдельной публикации. Роман, надо сказать, не страдает растянутостью. Все в нем изложено компактно, деловито, все связано и с персонажами произведения, и с историческим временем, в коем живут и действуют люди, населяющие роман. Ненужных авторских отступлений нет.

Роман состоит из двух частей. В нем жизнь и судьбы двух поколений. Хронологические рамки действия – середина 30-х годов и послевоенное десятилетие, завершается все встречей главных лиц романа на Орловщине¹ и поминанием воинов погибших в Великой Отечественной войне.

Первая часть повествования посвящена молодым людям предвоенных, лет. Их образу жизни, природе их характеров, моральному состоянию, и деятельности. Это – люди по призванию создатели, не только любят жизнь, но и создают ее: по законам красоты и добра, трудолюбия и человеколюбия, чести и высокого личного достоинства. Поразительна также их преданность любви и справедливости, стойкости в трудных ситуациях, в преданности Родине, родной земле без всякого высокопарного разглагольствования, коего в нашей литературе сверх всякой меры...

Главные герои романа – Сослан Дзодзиков, Асят, Мадина Доциева, Анна, Артур, Диана, Лазарь Байсонгуров и другие выписаны довольно подробно. Они убедительны в своих поступках, в отношениях к окружающей среде (людской и природной), как психологически и нравственно, так и идеологически. Они все верны в любви и дружбе, ни шагу не могут сделать вопреки своей чистой нравственной природе,

¹ д.Улемец Орловской области. Ныне – Калужская обл.

ради личной выгоды. Они совестливы и прямодушны, и в трудных ситуациях, и в благополучное время.

Таисия Тамбиевна умеет и повествовать, и изображать, и размышлять. Это естественные качества любого даровитого литератора. Но особенность искусства Таисии Тамбиевны заключается в том, что она повествует, изображает и размышляет на пределе лирической исповеди. Она как бы не знает никакой литературной условности. Все, что она пишет, говорит и сообщает, все делается с какой-то первоначальной, я бы сказал даже – детской, исповедальной искренностью. И она это делает так убедительно, словно рассказывает перед самыми близкими друзьями свои воспоминания о пережитом, о горестном и радостном опыте жизни, реальной, а не вымышленной жизни людей осетинского села в 30-40-е и 50-е годы XX века.

Таисия Тамбиевна отлично знает то, о чем повествует. Это тоже важное качество романа «Ива плакучая». Однако, самое главное художественное качество произведения – исповедальная искренность повествования.

Еще раз возвращаюсь к своей аттестации романа: «Иву плакучую» следует издать...

15 ноября 2009 года

Нафи Джусойты, народный писатель Осетии,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Юго-Осетинского НИИ им. В.Н.Ванеева

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В предгорьях Северной Осетии весна всегда непредсказуема капризна. Солнце то по-летнему ярко светит, а то по утрам индевет, и темные, лохматые тучи прячут от глаз снежные вершины Кавказских гор. Впрочем, несмотря на переменчивость погоды, весна вступает в права, и природа просыпается. В огородах из земли пробиваются зеленые стрелки чеснока и бледные перышки лука. Кое-где у плетней набухают и раскрываются почки крыжовника. В труднодоступных для плуга уголках огородов можно встретить темно-зеленые, с коричневым отливом, с жгучими листочками крапивы. За лесом, на прогретых солнцем южных склонах, вдоль берегов речушки, среди прошлогодней жухлости редкотравья пробивается свежая поросль. С крыши на крышу перелетает пестрый удод. Он стучит по черепицам изогнутым клювом, тем самым, своим ни с чем не сравнимым, красивым хохолом на голове, описывает на небосклоне фигуры, похожие на луну при ее последней фазе, словно извещает людей о приходе весны. «Гу-гу-кук-пхх, гу-гу-гукк-пхх!..» – разносится его зов по всему селу. И действительно, с появлением этой птицы люди как будто просыпаются и принимаются за весенние хлопоты. В это время в их руках можно увидеть самые разнообразные орудия труда: лопаты, грабли, вилы, ножовки, садовые ножницы, топоры, тяпки... Одни собирают граблями в огороде сухие листья и ветки, другие поправляют плетень, третьи чинят старый забор, а иные делают обрезку деревьев. Воздух полон весенних ароматов. С огородов тянет дымком от сжигаемой прошлогодней травы и мусора. И этот дым особенно приятен человеку. Весенняя суeta – птичий гомон, перестук топоров, веселые крики людей – все сливается в один сплошной гул... и на душе легко и весело.

Инал Астанов и его семнадцатилетняя дочь Асят тоже копались в огороде. Они собрали в кучу бурьян, сгребли навоз и разожгли костер. Повалил дым, но костер не разгорался, так

как кукурузные стебли и листья были еще влажными. Прошло некоторое время, пока огонь занялся. Черные клубы пыхнули прямо в лицо Асят. Девушка отскочила в сторону, однако едкий дым устремился за ней следом...

– Дочка, все-таки ветер северо-восточный. Смотри, вроде как он дует с востока, но северный ветер сильнее и гонит дым к югу, – сказал Инал.

– Да с севера он дует, с севера, – отозвалась дочь.

– Дождь будет. Надо успеть обрезать ветки с груши, что в огороде, а мне пора на работу. Справишься без меня?

– Конечно! – кивнула Асят и побежала в сарай за инструментами. Через минуту вернулась, неся в руках ножовку и ножницы. Не успел отец выйти со двора, как девушка очутилась на дереве. Она внимательно осмотрела ветки и наметила, какие из них следует обрезать, а какие нет. Сухие, будто бы покрашенные в терракотовый цвет. Тут же, рядом, виднелись молодые побеги.

– Смотри, дочка, осторожнее – предупредил ее отец.

– Не бойся, папа, – ответила Асят и неспешно окинула взглядом село.

На проселочной дороге играли дети. У плетня в пыли копошились куры. Толстый, важный индюк, красуясь перед индюшкой, распустил хвост и прохаживался перед ней взад-вперед. У забора нежилась соседская свинья и, блаженно похрюкивая, кормила своих поросят. Поросята, толкаясь и повизгивая, тыкались розовыми пяточками в брюхо матери и теребили соски. За околицей, на пологом склоне, телята щипали едва пробившуюся зелень травы. Взгляд девушки упал на крышу родного дома. Крыша прохудилась, прогнулась посередине, словно на нее взгромоздился великан. Она принялась за работу. Послышался звук секатора и ножовки, вниз посыпались кривые, корявые сучки, и даже толстые ветки. С сухим треском они падали на землю, образуя кучу...

Ветка с хрустом отделилась от дерева, и как букет нераспустившихся цветов, стукаясь о ствол и задевая счастливых своих

сестер и братьев, оставшихся на дереве, упала на кучу таких же, как сама, неудачниц. Она дернулась разок, будто хотела напоследок взглянуть на тех, кому суждено было природой продолжить жизнь, и успокоилась. «Хыр-хыр-хыр, клац– клац-клац!» – слышалось с дерева. Асят старалась. Немудрено – весна. Чем аккуратнее и прилежнее работа весной, тем богаче урожай осенью.

Дом Инала стоял слева от улицы, если смотреть на лес. Три окна выходили на север, а с южной стороны был вход со двора. За забором – огород. Виноград, цепляясь усиками за ограду, перевалил через него и повис козырьком. За домом находились сараи, а также хлев.

Инал, тяжело ступая, шел на работу. Он сторожил колхозный сад и одновременно ухаживал за деревьями. Перейдя мост, перекинутый через реку Урсдон, Инал оглянулся назад – село осталось далеко позади. Его не покидали думы о дочери...

Когда Асят исполнилось семь лет, умерла ее мать. Инал долго не допускал мыслей о второй женитьбе. Но жизнь есть жизнь... Через два года он привел в дом Дзерассу – дочь бывших богачей Астемировых. Это была высокая, красивая, подвижная и властная женщина. Хотя она и не заменила Асят матери и Инал вспомнил слова самой близкой соседки Дибы Арсаговой, которая, войдя как-то в дом и оглядев комнаты, сказала: «Что ни говори, а дом без женщины не дом. Какой бы она ни была... Выражение Дибы «какой бы она ни была» больно кольнуло его сердце, только теперь он понял, что та имела в виду...

Присматривать за детьми Дзерассе не хотелось. Стоило родить ребенка, как она тут же бросала его на попечение Асят, а сама уходила на полевые работы. С иголкой и нитками не в ладах. К тому же она готова была день и ночь вкалывать в поле, лишь бы не стряпать. Инал вспомнил своих детей и улыбнулся. В первый год их совместной жизни жена родила ему сына – Фидара. Затем дочку Анису, потом снова сына – Бибо...

Инал задумчиво оглядывал весенние поля. С пашни шел густой пар, словно кто-то запалил костер под землей и поставил

вариться мясо. Взгляд его задержался на деревьях, растущих вдоль оврага. Это были дикий орешник, груша и плакучая ива. Вот удивительно, подумал он, – одна ива не боится холода, потому и оделась раньше других в свой зеленый наряд. Выражение лица Инала менялось – он то хмурился, то смотрел приветливо. Ему почудился пронзительный плач новорожденного ребенка и вспомнился такой случай... Тогда Дзерасса по ночам провеивала пшеницу на колхозном току и домой приходила под утро. В ту ночь ее тоже не ждали. Дело было за полночь, как вдруг она появилась в доме. Заглянув в комнату, увидела, что Асят грела над керосиновой лампой бутылку с молоком, чтобы накормить Бибо. Ребенок плакал. Внезапно женщина разозлилась, подошла к Асят и ударила по лицу. От неожиданности девушка отпрянула назад и чуть не упала, и выронила бутылку из рук. Молоко разлилось по столу. Несмотря на боль и обиду, Асят, прижав к себе ребенка, молча сносила хлесткие удары тяжелой руки мачехи. На шум из другой комнаты выбежал Инал.

– Что случилось?!. – громко спросил он, защищая дочь от мачехи.

– Я ей постоянно твержу, чтобы она держала бутылку с молоком на груди, а эта дрянь делает все по-своему!.. – в гневе прокричала разъяренная женщина. Затем выхватила из её рук ребенка и тыльной стороной правой руки вновь ударила ее. Девушка качнулась и упала навзничь. Инал не смог простить ни жене, ни себе обид и побоев, перенесенных девочкой-сиротой...

Астановы и Арсаговы жили по соседству. Часто получалось так, что их сын Таймураз немедля находил какую-нибудь работу у себя во дворе, стоило только ему заприметить в огороде Асят. Вот и сейчас, увидев ее, он принялся обрезать ветки у яблони, быстро управился и теперь просто сидел на дереве. Девушка не обращала на него никакого внимания. Таймураз был известным в колхозе кукурузоводом. Его бригада в прошлом году завоевала первое место среди других бригад колхоза. А в этом году его

бригада претендовала на первое место в районе. И добьется своего: парень он трудолюбивый, подвижный. Самого Таймураза ставили другим в пример. Если же в колхозе хотели отметить чью-либо инициативу, то говорили: «Остро, как лезвие тяпки Таймураза!..»

– Смотри не шлепнись на землю! – Перебросил ей Таймураз с своего дерева с выражением озабоченности.

– Не беспокойся, – ответила она, – тем более, как раз и спускаюсь слишком много собралась веток под деревом, как лесная делянка.

Только она вступила на землю, ножовку положила под виноградник и тут же начала тащить ветвистые ветки ближе к тлеющему костру...

Таймураз, не долго думая, слез с дерева и с топором в руке подошел к ней, сказав: «Бог в помощь» и принялся за ветки.

– Не надо! – запротестовала она – у самого много работы. Я сама...

– Все-то, сама, да сама... Я тоже могу, даже обязан, помочь соседям...

Вскоре, срубленные, большие и что помельче ветки, двумя кучами стояли около забора. Таймураз воткнул топор в деревянный обрубок, со временем и под действием топора, принявший контур седла, и начал граблями собирать мелкие веточки и мусор. А Асят носила их охапками и подбрасывала к лениво дымившемуся костру...

И вот парень поставил грабли у забора, повернулся к девушке. Своими прекрасными карими глазами посмотрел на её милое лицо и осмелился уж который раз сказать:

– Асят, прошу тебя – выйди за меня замуж... Сколько времени прошу. В прошлую осень в поле на уборке кукурузы говорил и под новый год послал своих сватов к твоему отцу...

– И чего их посылаешь?...

– В надежде! Может изменишь свое отношение ко мне. И вновь собираюсь! – с уверенностью промолвил он.

– Не посылай. Я хочу учиться... Это я тебе говорила не раз...

– У меня выучишься. У Дзерассы не очень-то легко образование получить. И школу – то оканчиваешь с горем пополам. Ведь ты прекрасно знаешь, что мои родители души в тебе не чают. А мое мнение ты знаешь...

– Хочу в медицинское училище, а еще лучше зубоврачебный техникум, правда, он далеко, в Майкопе. Говорят с семиклассным образованием тоже принимают.

– Выходи за меня и вместе поедem в Майкоп.

– Ты очень хороший, многие девушки на тебя смотрят с надеждой. Вот Аза, с другой улицы, ведь она и красивая. Вы же вместе учились на трехмесячных курсах трактористов и шоферов в нашем сельхозинституте. Она хорошая и любит тебя. А я... а я... тебя люблю, как брата...

Лицо парня помрачнело.

– Такая любовь абсолютно меня не устраивает, – и после многозначительной паузы продолжил – такая любовь мне не нужна – жди сватов моих... – нежно тронул её руку, и ловко перепрыгнул через забор и зашел домой...

Асят подумала минуту-другую и взяла ножовку, вскарабкалась на летнюю грушу, которая росла со стороны улицы. И снова в её руках засверкала ножовка и с клацаньем, и легким шумом начали падать ветки: одни – под деревья, другие, повисев на плетеном заборе на улицу...

Против воли, в голову лезли слова Таймураза... Была довольна собой тем, что последнее время не говорит: «Вон, сколько девушек в селе... Женись на другой».

Тогда она не понимала, почему он не хочет жениться на другой. И чтобы не обидеть парня, осторожно пыталась ему внушить, чтобы он искал свое счастье в другом доме, что сердце ее принадлежит вовсе не ему. А Таймураз мысленно перебрал всех парней села, гадая, кто же мог покорить Асят. Припомнил и недавно приехавшего к ним из города тракториста Сослана. Однако тот был вне подозрений, поскольку был женат.

Судя по тому, как клубы дыма с огородов извивались в разные стороны, ветер менял направление. Откуда-то из-за села доносился приглушенный рокот двигателя. Это в колхозную контору гнали новый трактор «Универсал». Звук двигателя извещал, что он на подходе. «Новый трактор, новый трактор!» – новость облетела село за считанные минуты, наполняя сердца радостью и надеждами. Люди выбегали из домов, перелезали прямо через плетень или забор, выскакивали с огородов и бежали по большаку – кто в чем. А хозяйки, отложив хлопоты, выходили с грудными детьми на руках. Большак заполнялся людьми. Особенно много было ребятишек... Совсем крохотные, те, что не могли ничего понять, испуганно цеплялись за юбки матерей и смотрели в ту же сторону, откуда доносился рокот машины, нетерпеливо спрашивая – что это такое? Волнение людей передалось животным. Толстые важные индюки подняли клекот. Петухи старались перекричать один другого. Свинья, лежавшая под забором, поднялась и вместе с поросятами спустилась к речке.

Мысли Асят были настолько заняты Сосланом, что она ничего не слышала и не видела, хотя вот уже неделю нетерпеливо всматривалась в конец улицы, откуда должен был появиться трактор. Заметив скопление людей, она хотела спросить, что же такое случилось, но тут отчетливо услышала шум приближающейся машины, и ее передернуло. Рокот мотора был непривычен, впрочем, он сулил столько нового и неизведанного. Нет, это был не стук сердца стального коня, это был стук сердца самого Сослана. Асят, словно прыгающая с ветки на ветку белка, легко и быстро спустилась на землю. Добежала до калитки и, только хотела выскочить на улицу, как ее остановил резкий окрик Дзержассы: «Куда? А ну вернись и живо принимайся за работу!». А сама пошла со двора. Девушка опустила голову и, глотая слезы обиды, вернулась в огород. Собрала под деревом срезанные сучья и бросила в огонь. Потом взяла вилы, прислоненные к стволу дерева, и поворошила костер. Пламя охватило ветки. Ро-

кот трактора слышен был все ближе и ближе. Она привсталла на цыпочки, стараясь заглянуть за плетень, но испугалась, что ее заметит мачеха, и вернулась к работе.

Взгляд ее упал на ножовку и садовые ножницы. Она задумалась. Вдруг глаза ее радостно блеснули, лицо просветлело, и она проворно взобралась на дерево. Сверху ей было видно все. Улица лежала перед ней, как на ладони. Собралось сколько народу, будто через село должны были провести слона. Сердце ее то сладостно замирало, а то билось так, будто готово было выпрыгнуть из груди. На сверкающем под утренним солнцем зеленом радиаторе трактора алел шелковый красный флаг. Трактор сопровождал эскорт всадников. Лошади шли, гарцуя. Впереди, по бокам и сзади трактора, путаясь под ногами коней, бежали ребятишки. Стальным же конем управлял Сослан Дзодзиков. Асят казалось, что все село любит только им.

Мальчишки ожесточенно спорили о том, сколько плугов сможет заменить трактор. Одни говорили – три плуга, другие утверждали, что все пять.

Трактор сбавил скорость, а доехав до дома Астановых, вовсе остановился – прямо напротив груши. Сослан спрыгнул и поздоровался со всеми. Не успел он дойти до группы женщин, как Диба Дзерассе подала гармонь!

Плясовая музыка гармошки, звонкое хлопанье в ладоши в такт музыке, топот ног танцующих, храп встревоженных коней, – все эти звуки эхом отражались в окрестностях. Сослан обошел свой трактор и досадливо нахмурился. Столько народу встречает его, а Асят не удосужилась даже за калитку выглянуть. Он же стоит возле ее дома, в надежде видеть её и переминается с ноги на ногу. А почему, собственно говоря, она должна выйти к нему?.. Сослан тяжело вздохнул. Сейчас же надо бежать от тех, кто готов носить его на руках. Дернуть бы стального коня за уздечку, чтобы она привсталла на дыбы, да унести её куда глаза глядят. Он глянул еще раз исподлобья на двор Астановых и вдруг заметил ее на дереве. Их глаза встретились, да разве могли они

не встретиться. Сослан едва не расплылся в счастливой улыбке, но сдержался, сомкнул брови на переносице.

– Ах! – воскликнул он и ринулся в пляс, перебирая ногами. Затем подскочил к Дибе и завертелся юлой.

Гармонь заиграла с новой силой, молодежь громче захлопала в ладоши. Мынци, брат Инала, шепнул на ухо Кудзой:

– Славно танцует городской, с твоей-то женой, а?!.

Отец Сослана погиб в гражданскую войну. Мать умерла от тифа. Четырнадцатилетним парнишкой он нанялся к торговцу тканями. У владельца магазина была единственная дочь Сафят. Хозяин видел, что его работник вынослив, трудолюбив и скромн, как настоящий осетин. Чем не зять! Парень и хорош собой, и добродушен, к тому же – сирота, сын красноармейца, погибшего в борьбе за Советскую власть. Он прекрасно понимал, что нынешнее руководство отметит его стремление приютить сироту. То, что парень был на два года младше дочери, для него не имело никакого значения. Он поделился с дочерью своими мыслями. Дочь с радостью восприняла его слова.

Между тем Сослан не любил богатую белоручку и отказывался на ней жениться, ссылаясь на то, что относится к ней, как к сестре. Однако, в конце концов, не выдержал натиска отца и дочери. Хотел было пойти на завод, но ему не хотелось обижать человека, приютившего его к трудное время. Если бы хозяин хоть раз попрекнул его куском хлеба, Сослану было бы легче с ним разговаривать. Но старик был хитер и умен. Таким образом, парень в восемнадцать лет оказался повязан узами брака. Через год тесть умер. Сослан, не спросив согласия жены, сдал магазин государству. Но Сафят в тайне от Сослана припрятала немало денег и драгоценностей. Многое в поведении Сослана не нравилось ей. Без сожаления выдворила бы и сожительницу отца Анну, но не хотела заниматься домашним хозяйством, поэтому вынуждена была терпеть ее присутствие. С первых дней их совместной жизни муж просил о ребенке, но Сафят ссыла-лась на болезнь отца, якобы малыш будет мешать ему, потом на

траур по отцу, позже придумала, что боится умереть при родах, и, наконец, заявила, что не хочет портить фигуру.

– Ну, если ты боишься испортить свою фигуру, нам нет смысла жить вместе, – не вытерпел Сослан.

Жена, хоть и была недовольна мужем, расставаться с ним не собиралась, поэтому поставила ему условие: «Не буду стирать грязные пеленки».

– Какая такая грязь может быть у ребенка? – удивился Сослан.

– Узнаешь! – со значением проговорила жена. – Если Анна не захочет за ним смотреть.

Так и жили в ожидании первенца, пока однажды Сослан не познакомился с Асят.

... В тот день он впервые вывел свой трактор в колхозный сад пахать между рядами яблонь. Народу было – тьма. Сослану даже показалось, что все село собралось в саду, будто ни один человек не остался дома. Мужчины прореживали кроны деревьев, женщины белили стволы известью. К обеду все собрались у сторожки Инала. Когда трактор проезжал мимо, Сослану стали махать руками, приглашая его на обед. Трактор остановился, он ловко соскочил с него и направился к ним.

– Тебе полагается встречный бокал, – протянул ему Инал чашу с пивом.

– Пусть бокал твой всегда будет полон, и чтоб подавали вы его по радостному поводу, – ответил Сослан, принимая бокал. – Слава тому святому, в честь которого сварено это пиво. Дай бог всем крепкого здоровья.

Когда Сослан поднес чашу к губам и хотел уже отхлебнуть пива, то заметил возле шалаша красивую девушку. От взгляда его не укрылось, что черные глаза девушки задержались на его лице. Сослан отвернулся... Он извинившись, вернул чашу и направился к трактору. Поставив ногу на подножку, он еще раз оглянулся. Она смотрела на него... Сердце парня беспомощно затрепыхалось в груди перед девичьим взглядом.

– Все! – твердо сказал Сослан, берясь за руль трактора. – Даже оглядываться не буду.

Трактор он заглушил лишь поздним вечером, у колхозной конторы...

Картофельные бурты колхоза «Заря» находились в поле. Один из них облепили женщины, старики и молодежь. Все перебирали картошку. Людей было много, и с высоты птичьего полета бурт походил на гигантскую мохнатую гусеницу, шевелящую разноцветными лапками. Рядом стояла арба, запряженная волами. На ней высокая сапетка-короб без дна, плетеная из прутьев орешника, специально для повозок. Над краем короба периодически появлялось то ведро, то лукошко, полное картошки, опрокидывалось в ненасытное чрево его, затем возвращалось обратно к бурту. Как только наполнялась одна арба, она отъезжала, а вместо него вставала другая. Груженная картофелем повозка, поскрипывая и крепясь на ухабах, направлялась в новоспаханное поле. За полем начинался лес, с южной стороны он упирался в подножие гор. От окраины села далеко на запад, зеленели колхозные поля озимой пшеницы, словно кто-то устал землю темно-зеленым ковром. А за картофельными буртами начиналась пашня, простиравшаяся вплоть до обочины леса. Вдалеке виднелись два пахаря. Они, едва ли не у околицы у села пахали на лошадях. Пахал поодаль и трактор. Легкий ветерок доносил до колхозников шум мотора и звонкий голос понукающего коней.

На душе у Асят было светло и весело, поэтому и работа радовала ее. Она копала лунки для картофельных семян. Ровный ряд тянулся до самого леса. И девушка ушла в перед... Семена в ямки бросал отец Таймураза Кудзой. Следом шел сам Таймураз и засыпал землей лунки с семенами...

Таймураз женился на Азе, трактористке. Две недели он прятался от соседских стариков. Вот только сегодня, надвинув мохнатую папаху чуть ли не до подбородка, работал вместе с отцом. Не смея поднять глаз, Таймураз видел лишь кирзовые сапоги да мозолистые руки отца.

Асят остановилась на краю поля и окинула взглядом колхозников. Разноцветная их одежда пестрела на фоне вспаханного поля, будто полевые цветы. И двигались они, как стебельки, колеблемые легким ветерком. Лопаты и ведра поблескивали на солнце. Веселые голоса людей, звон лопат, грохот вёдер, шум трактора, понуканье коней, щебетанье птиц, крики удода – все слилось в один сплошной гул, который наполнял душу радостью... Сердце Асят сладко замирало, когда ветер доносил до нее звуки работающего трактора. Ряд её ямок шел вдоль кромки пашни, недалеко от того места, где пахал трактор. И когда машина приближалась к девушке, Сослан изо всех сил старался не заговорить с ней.

Но однажды он увидел, что Асят стоит одна на краю поля, и сердце его затрепетало. Девушка еле заметно кивнула ему головой. Трактор удалялся, шум его двигателя становился все глуше и глуше. Асят начала рвать цветы одуванчика... и неожиданно услышала за спиной мягкий сигнал. Оглянувшись, она увидела стоящий на краю пашни трактор. Сам Сослан сидел на водительском кресле и, подперев ладонями щеки, смотрел на девушку. Она, положив цветы в карман халата, отошла в сторону, вынула из-за пазухи носовой платочек и расстелила на земле возле зарослей крапивы. Чтобы платочек не сдуло ветром, она прижала один конец маленьким камешком. Потом оглянулась на Сослана и, словно перепуганный зайчик, кинулась к своей лопате.

Асят встала супротив Таймураза и, не поднимая головы, принялась копать лунки. Эх, как ей хотелось подсмотреть – заметил ли Сослан подарок под камешком у кустов крапивы или нет. Если нет, то, когда стихнет шум трактора, она вернется за платком. Но Сослан спокойно спрыгнул с трактора, обошел его для видимости кругом, заглянул в мотор, пнул ногой колесо, и только после этого спокойным шагом направился к манящему его белому пятнышку у кустов. Присел на корточки лицом к лесу, осторожно достал из-под камешка белоснежный носовой платочек и прижал его к губам. Кто знает, сколько бы он так про-

сидел, хмельной от счастья, с теснящими голову мыслями, если бы ветер не донес до него крики пахарей. Сослан вздрогнул. Сунул платочек за пазуху и встал. Наклонился и пощупал ладонью теплую землю у крапивы. Затем поднял камешек, который прижимал платок к земле, внимательно осмотрел его, положил в карман и вскочил на трактор. Асят, хоть и не видела Сослана, все же мысленно была с ним. Она даже не заметила, как ее лопата стукнулась с лопатой Таймураза.

Девушка боялась, как бы он чего не заподозрил.

Словно бы прочитав ее мысли, парень сказал:

– Ты правильно сделала, что не задержалась с городским. Она покраснела, но промолчала. Тогда Таймураз продолжил. – На моей свадьбе тебя видел один мой родственник. Ты ему очень понравилась. Хочет заслать сватов. Слышишь?!

– Конечно. Только передай своему родственнику, чтобы зря не старался.

– Постой, постой, – рассердился он. – За меня не согласилась выйти, и я грешным делом подумал, что тебе нравится тракторист из города. Но сегодня я убедился, что это не так.

– А в чем это ты убедился?

– Стоило ему остановить трактор возле тебя, как ты сбежала от него, словно ошпаренная. Ведь ты могла продолжить рвать цветы.

Колени ее задрожали от страха, когда она представила, что платочек все еще может лежать под камушком.

В селе отмечали Первое мая. Дым из труб домов ласкал утреннее солнце, осветившее вершины гор. Через некоторое время зеленое поле от западной окраины села до самой опушки леса заполнилось празднично одетыми сельчанами. Обгоняя своих матерей, вприпрыжку бежали и дети.

К празднику готовилась и Дзерасса.

Зашла Аза, невестка Дибы и, извинившись, попросила Дзерассу отпустить с ней Асят.

– Куда?! – спросила Дзерасса. Рядом на спинке стула висело

ее праздничное платье. Под стулом сверкали черные лаковые туфли. – Ты тоже идешь?

– Да, – ответила Аза.

– Ладно, пусть идет, – бросил она взгляд на падчерицу. – Только чтобы засветло были дома.

Когда Дзерасса с детьми вышли из дома, Асят убрала в комнатах и быстренько принарядилась сама. Затем загнала во двор квочку и индюшку с цыплятами, заперла калитку и вышла на улицу. Там ее уже ждала Аза. При виде Асят у нее от восхищения отвисла челюсть. Та была в белой кофточке с длинными рукавами, подчеркивающей ее статную фигуру, в черной юбке и черных же, до блеска начищенных, стареньких туфлях. Две толстые тяжелые косы лежали на спине и чуть заметно подрагивали в такт ходьбы...

Аза была одета в длинное голубое платье, на ногах белые туфли на высоком каблуке. Из-под белой шелковой косынки ниспадали две косы цвета майского меда. Она облокотилась о калитку.

– Асят, надень мои туфли.

– Нет, – смутилась Асят. Она не ожидала такого великодушного предложения. Никогда ее прежде так не баловали, и она не привыкла к этому. Увидев, что предложение Азы не возымело действия, взяла соседку под руку и они тоже направились на поляну. Миновав околицу, подруги не стали догонять сельчан, а пошли поодаль. Азе не терпелось поговорить с Асят, но она не знала, с чего начать. Наконец у нее вырвалось:

– Умираю от любопытства, чего это ты за Таймураза не вышла?!

– Чтобы ты была счастлива, – просто ответила Асят.

– Один парень, наш родственник, готов за тебя жизнь отдать. Разве ты не видела его вчера вечером?

– Видела...

– Он не посмел с тобой заговорить. Робость его одолела...

– И он поручил тебе поговорить со мной? Прекрасно...

– Да.

– Ничего не выйдет.

– Почему?

– Я замуж не собираюсь. Учиться хочу. – А у самой сердце затрепетало в груди. Интересно, где сейчас Сослан? И взглянула на Азу.

Хотела было спросить у нее, где вчера пахали, да не посмела.

– Ты слишком замкнутая, – сдержанно сказала Аза.

– Я уже слышала этот упрек и не раз...

– С тобой на пару не один пуд, а все десять пудов соли съешь, все одно не узнаешь, что у тебя на душе. Никогда не поверю, что ты никого не любишь.

Сердце Асят замерло. Интересно, куда он дел платочек? Может, выбросил? А может, ветер унес? Но и камешка там не оказалось. Камешек-то ему на что понадобился интересно знать? Так, в раздумьях, Асят и не заметила, как они дошли до поляны.

Асят окинула взглядом родное село. Казалось, что оно нежится под цветущими садами. Взгляд остановился на односельчанах. Они стояли и смотрели на всадников, нетерпеливо гарцевавшихся на своих скакунах. Сегодня колхоз устраивает праздничные скачки, в которых будет участвовать и соседний колхоз.

– Аза, может, пойдём домой? – спросила Асят.

– Домой? Да ты что?!. Мы только пришли.

– Давай посмотрим скачки. Наш тракторист тоже будет участвовать, – сказала Аза.

Сердце Асят зашло от радости. И, хотя она прекрасно знала, кто подразумевается под «нашим трактористом», все же спросила с наивной улыбкой:

– Какой, тракторист?!

– От нашего колхоза, говорю, будут участвовать тракторист Сослан, бригадир шестой бригады, дояр и твой сосед...

– Таймураз? – удивилась Асят.

– Да.

Первые ряды зрителей вытянулись вдоль села, остальных

не было видно за деревьями. Всадники выехали со стороны леса... Глаза Асят искали Сослана. Красивые кони разных мастей под праздничной сбруей гарцевали, перебирая тонкими ногами. Всадники гордо сидели в седлах, сдерживая не на шутку разошедшихся скакунов. Сердце Асят екнуло, когда она заметила вороного коня с отметиной на левой задней ноге – будто кто-то надел на него белый носок. Вороной показался девушке самым красивым. Он блестел, словно утренняя роса на молодой траве.

– Асят, – улыбнувшись, сказала Аза, – смотри, на гнедом коне мой сидит.

Асят, немного стесняясь Азы, теперь уже смело стала наблюдать за вороным. Она увидела, что вороной приблизился к зрителям, однако, не дойдя несколько шагов, повернул обратно и поскакал к старту.

– Не видишь? – спросила Аза.

– Вижу, – ответила Асят.

Вороной вернулся к зрителям. Всадник поприветствовал знакомых взмахом руки и неспешно поехал вдоль рядов. Будто синичка выпорхнула из сердца Сослана и, залетев в сердечко Асят, начирикала ему, что именно ее ищет всадник на вороном коне. Она почувствовала, как жар любви охватил ее грудь, опалил щеки и лоб. Асят покраснела. Девушка опустила голову. Лицо ее пылало как факел, и ей казалось, будто все смотрят на нее. На ее счастье, Аза не заметила этого, так как любовалась своим мужем. Всадник на вороном приблизился к тому месту, где стояли соседки. Асят увидела мускулистые ноги Сослана в стремянах, широкие плечи. Осетинская верховая одежда ладно сидела на нем. Ей не забыть ласкающего взгляда его чистых голубых глаз. Голубые зрачки плескались в белоснежном озере, окаймленном ежевичными зарослями длинных ресниц, густые черные брови сошлись на переносице, нос красивый, особенно в профиль, расплывшиеся в улыбке губы обнажили белые, крепкие зубы, а на щеках чуть заметная щетина.

– Добрый день, Аза! С праздником тебя! – услышала Асят знакомый голос. Она не посмела взглянуть на Сослана.

– Пусть успех сопутствует тебе в скачках, – поблагодарила Аза.

Они говорили что-то еще, но Асят уже не слышала ничего. Рядом был всадник. Под ним резвился конь. Она чувствовала на себе его взгляд, но не могла поднять глаз. Щеки пылали. Взгляд ее был устремлен под ноги коню. Но, осмелев, медленно, словно крадучись, поднялся до уровня ступни, обтянутой блестящей кожей царского сапога. Ступня покоилась в стремях и прижималась к горячему боку коня. Взгляд стал подниматься выше... Но вдруг Сослан хлопнул себя рукой по колену, и от этого хлопка взгляд её, словно испуганный заяц, опрометью кинулся вниз и затаился за белым «носском» вороного.

– И красавица здесь?! – возле них остановился гнедой конь. Всадник Таймураз перегнувшись с коня, шепнул что-то на ухо жене и секунду-другую ускакал... Сослан прекрасно видел замешательство Асят, что та не смеет даже взглянуть на него, а ему хотелось уловить ее взгляд. Конь танцевал под ним. И вдруг молнией сверкнула в голове Сослана догадка, и он, как бы случайно, выронил плеть.

– Девушка, – услышала Асят его голос, – если тебе не трудно, то подай, пожалуйста, мне плеть...

С замиранием сердца она нагнулась и подняла плеть. Рука мгновенно ощутила на рукоятке тепло его ладони. Смущаясь, подала её хозяину. И тут глаза их встретились. Асят заметила, что между газырями черной черкески Сослана белеет ее платочек.

Она улыбнулась, глаза ее блеснули счастьем.

Подошла Аза, в ее светящихся от радости глазах читалась нежность. Сослан посмотрел на нее и сказал:

– Аза, твоя подруга случайно не немая?

– Моя подруга, к твоему сведению, не такая уж девушка.

– Да что она, совсем не умеет говорить, что ли?!.

– Умеет. Но разговаривать станет только с тем человеком, кому откроет свое сердце.

– Со мной она молчит, – сказал Сослан. – Что ж, до свидания, сейчас начнутся скачки.

– Удачи! – сказала Аза.

«Победы тебе!» – проследила нежным взглядом за ним Асят. Внезапно Аза спросила ее:

– Ты не заметила этот платочек?..

– Какой платочек? Нет, я ничего не заметила, – ответила Асят, словно и впрямь никакого отношения не имела к платку.

– Между газырями. Видно, жена подарила ему перед отъездом. Недавно я хотела выхватить его, почти завладела им, да оказалась, что он основательно пришит к карману.

– Неужели?! – вымолвила Асят, и подумав минуту-другую продолжила:

– Пойдем домой...

– Как это пойдем? – удивилась Аза. – Сейчас скачки начнутся.

– Пусть начинаются. Дома мои цыплята уже, наверное, с голоду подышают.

– Ну, погоди немножко, – попросила Аза. – Вон матушки наши идут.

Действительно, мимо них прошли женщины, соседки, а с ними Дзерасса и Дибя.

– Дзерасса их накормит.

– Нет, я все же побегу. И так задержалась...

Покормив цыплят, Асят принялась за уборку в комнатах. Стекло керосиновой лампы, стоящей на подоконнике закоптело, и девушке стало стыдно за то, что она не успела утром ее протереть. Она выдвинула ящик комода, достала тряпку и стала протирать лампу. Асят продолжала водить тряпкой по стеклу, а сама думала о Сослане... Вот стремительно несется вороной к финишу, но внезапно спотыкается...

– А-а-а! – вскрикнула, забывшись, она.

Стекло рыбкой выскользнуло у нее из ее рук и разбилось вдребезги. Звон разбитого стекла напугал ее еще больше. Сро-

ду вроде ничего не была, а тут на тебе. Быстро убрала осколки. Поднялась на чердак. Там на стропилах висела дюжина стекол для лампы. Она сняла одно, отмыла его золой, насухо вытерла белой тряпкой и одела на лампу. Затем вышла на улицу и остановилась возле калитки. Ей очень хотелось туда, где раздавались восторженные крики зрителей...

Праздник заканчивался. Суета сходила на нет. Село погружалось в глубокий здоровый сон. Казалось, не только люди, но и домашний скот, дома, покосившиеся плетни и даже цветущие сады отходят ко сну. Умолк праздник. Не слышно было ни звука. Окрест стояла тишина.

Но вот скрипнула калитка, и Асят в старой отцовской куртке огородами прошмыгнула в сторону речки. Их огород граничил с огородом дяди Мынцы, чей дом выходил окнами на реку и в огород. Раньше она часто бегала в этот дом. Помогала тетушке Аминат по хозяйству. Мынцы и Аминат приняли Сослана как родного сына...

Как-то Асят с полными ведрами воды шла мимо их дома. Тетушка подметала улицу. Девушка завернула к ней.

– Аминат, не хочешь свежей водички?

– Чтоб тебе хороший жених достался! Как это не хочу?! Занеси-ка ведра в дом, мое солнышко!

Когда проходила по двору, у нее предательски дрожали колени. С тех пор, как Сослан жил у них, она обходила дом стороной. Девушка внимательно смотрела под ноги, словно искала какую-то вещицу. Поставила ведра, судорожно оглянулась и вдруг услышав звонкий щебет ласточки, залетевшей под крышу сарая, вздрогнула, поняла, что задержалась. Как только взялась за ведро, увидела входящую во двор хозяйку.

– Аминат, гляди-ка, ласточка прилетела...

– Я тоже очень люблю эту вестницу весны.

Девушка вылила воду в кадку и собралась уходить.

– Ты уже уходишь? – спросила Аминат. – Что-то ты нас совсем забыла. Скоро Пасха, помогла бы мне побелить...

Асят брела вдоль плетня к дому Мынцы и Аминат. В окнах, выходящих в огород, было темно. Это комната, где живет Сослан. Она знала, куда идёт. Кругом была тишина. Такая тишина, что в ушах звенело, даже лягушки примолкли. Только слышалось, как журчит река. Асят приблизилась к открытому окну и затаилась. Ей послышалось сонное дыхание Сослана. Присела, взглянула на небо. Под темным куполом его мигали звезды. Высоко, где-то на середине небосвода, виднелось созвездие Большой Медведицы. Далеко на востоке занималась заря. Она продолжала сидеть под его окном. Асят, которую все считали гордячкой, с которой не смели заговаривать женихи, сидела под окном чужого мужа. Она отдала бы все ради того, чтобы продлить эту чудную ночь. Ей очень хотелось поговорить с ним, но как?!. Она подошла вплотную к открытому окну. Облокотившись на подоконник, она прислушалась к мужскому спокойному дыханию. Как река в паводок порывает плотину, так и девичьи слезы ручьем полились на подоконник. Кто знает, какие природные силы, а может, невидимые флюиды любви проникли в комнату и постучались в сердце спящего мужчины, только ровное дыхание его нарушилось. Сослан заворочался в постели. Он повернулся и положил левую руку на подоконник. Асят не отстранилась. Она с удовольствием вдыхала запах мужского пота и бензина...

На рассвете Сослан проснулся. Встал, распахнул окно. Потянулся, глянул в сторону дома Инала. Среди цветущих плодовых деревьев увидел Асят, она полола чесночную грядку. Лег снова в кровать. Все мысли его были заняты девушкой. Взял из-под подушки платочек, внимательно стал рассматривать тонкую вышивку – две буквы «С» и «А». Что ему делать, как быть, ведь он связан по рукам по ногам. А вчера она даже посмотрела на него не посмела. Сердце вдруг ёкнуло. Он вспомнил о доме. Может, там уже первенец родился – сын или дочь. Ему захотелось в город, но стоило ему снова взглянуть на Асят, тут же забыл о семье. Сослан сел в постели и смотря влево через окно не отводит

глаз от нее. Она, не поднимая головы, полола грядку коротенькой тяпкой...

Он еще думал минуту-другую о ней, но вспомнил, что ему надо идти в колхозное поле, которое находится вдоль фруктового сада...

И вскоре Сослан своим трактором бороновал кукурузное поле с его густыми и нежными всходами. Он надеялся, что Асят, может быть, принесет своему отцу обед в сад. И надо же – сердце его не обмануло...

Ближе к обеду на дороге показалась Асят. Сослан заглушил мотор у роши плакучих ив. Легко спрыгнул с трактора и через рощу пошел навстречу ей. Сел в ожидании на берегу ручья, пересекающего дорогу. Асят шла неторопливой походкой. Перед глазами стоял всадник на вороном коне. «Первое место в скачках занял Сослан», – радостно сообщила ей Аза. Дойдя до ручья, она собралась перейти его вброд, но вдруг остановилась, как вкопанная: на берегу, там, где протекала чистая, как рыбий глаз, вода, спиной к ней сидел сам Сослан. Парень оглянулся через левое плечо. Та, которую он не ожидал увидеть, но с кем тайно искал хотя бы случайной встречи, стояла...

Сослан встал. Так они стояли молча. Сверху с деревьев слышалось щебетанье птиц. Журчанье речушки, щебет птиц и легкий ветерок слились воедино. Сослан шагнул навстречу ей.

– Слава богу, что вчера я уронил плеть, а то бы так и не увидел тебя. Смотри-ка, – показал он на левый карман, – нашел и платочек твой...

Девушка, не поднимая головы, прошептала:

– Я специально его уронила... для тебя...

– Если не обманываешь, то посмотри на меня...

Девушка смутилась и не посмела поднять глаза.

– Тебе неприятно на меня смотреть?.. – Он еще что-то говорил, но она уже не слышала его. Ей не верилось, что тот, у чьего окна она провела всю ночь... стоит так близко. Одергивая себя,

дескать, стой, одумайся, пожалеешь ведь, да поздно будет, Асят все же взглянула на парня и улыбнулась.

Перед ним стояла наивная, как новорожденный ребенок, чистая девушка. Вместо того, чтобы подойти к ней, он схватился за голову и, словно раненый олень, ломающий кусты рогами, побежал прочь по речушке. Асят ошеломленно смотрела ему вслед. Потом, бросив узелок с едой, устремилась за ним. Пробежав немного, она нагнулась на толстые ветки плакучей ивы, чьи концы были опущены в воду родника. Она раздвинула ветки руками. Под раскидистой ивой было как в шалаше. Асят хотела бежать дальше, но увидела Сослана, обхватившего сильными руками ствол дерева. Спина его вздрагивала. Она поняла, что ему не по себе и подошла ближе.

– Сослан... – прикусила она губу.

Парень обернулся. И Асят оказалась у него в объятиях... Она впервые ощутила силу и нежность мужских рук. Плакучая ива еще ниже опустила свои ветки...

А в это время, в одном из родильных домов Владикавказа, раздался крик новорожденного сына Сослана...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дрожащие тени деревьев пересекали улицу Свободы города Владикавказ. Чем ниже клонилось солнце, тем длиннее становились тени и его и деревьев. Посреди улицы тянулись трамвайные рельсы. По ним, весело позванивая, бежали один за другим красивые желтые трамваи. По тротуару, сторонясь знакомых, шел Сослан и нес в руке коричневую авоську. Хоть он и старался не попадаться на глаза знакомым, они то и дело встречались по пути, и с ними приходилось здороваться. Кто знал, что у него родился сын, спешил поздравить его и в шутку подергать за уши. Суматошная городская жизнь стала ему непривычной после спокойной, размеренной жизни в селе. Перед глазами то и дело вставали бескрайние колхозные поля, ползущие по ним трактора, словно бороздящие море корабли. Сослан вздохнул. Его одолевали тяжелые мысли, ноги не слушались. И вот он у двери родильного дома. Сослану почудился какой-то крик. «Кто это?!» – удивился он, но вскоре понял, в чём дело, и постучал в окошко на двери.

Через некоторое время его пропустили в приемный покой. Там ждала Сафят. Она была в цветастом светло-красном ситцевом халате. Она обрадовалась мужу.

– Слава богу, что сама жива-здорова, – сказал Сослан и обнял жену. Они сели рядом на кушетку, обтянутую белой тканью.

– Сафят... – нежно проговорил муж.

– Сослан, – чуть не расплакавшись, отозвалась жена. – Знаешь, как тяжело... – и опустила голову ему на грудь.

– Представляю. Только... – встал Сослан.

– Что, только?! – Сафят тоже встала и с ног до головы оглядела его.

Грубые кирзовые сапоги, усталый вид... Она вспомнила одного из своих поклонников: «Выходи за меня», – услышался ей его голос. А какие мужчины приходили к соседкам по палате! К кому офицер, к кому ученый. А если и не ученый, и не офицер,

то настолько богато одетый, что зависть брала. Все они были чистенькие, наглаженные, гладко выбритые. А этот? На кого он похож?!. В каком виде появился? Женщина вскинула голову: «И стоило из-за такого мучаться?» Потом достала из кармана небольшой, похожий на папиросный мундштук, цилиндрик и провела им по губам. Губы стали ярко красными.

– Ты так наловчилась, что даже без зеркала обходишься, – муж обратил внимание на маникюр жены. – Скажи, пожалуйста, зачем тебе такой ярко-красный цвет?..

Она перебила его:

– До чего мне надоели твои старомодные взгляды!

– А ребенка без материнского молока оставить – это по-современному?

Жена парировала, даже не моргнув глазом.

– Я не хочу портить фигуру, – произнесла она высокомерно... лучше поищи ребенку няню. Да хорошую, с добрым сердцем.

– Ни одна добрая няня не заменит ребенку мать, я никого искать не собираюсь.

– Тебе больше нечего сказать? Девять месяцев я таскала в утробе ребенка, а теперь ты хочешь, чтобы я его еще и грудью кормила?.. Нет, этого я тебе не обещаю. Я его родила, а воспитывать будешь сам!

– Врач сказал, что нашего сына кормит грудью чужая женщина, у которой умер ребенок. Если ты ему не будешь давать грудь, то я заберу эту женщину, – твердо сказал Сослан.

Сафят давно поняла, что ей недолго жить с Сосланом, однако и мысли не допускала, что он ее бросит. Такого позора она не допустит.

– Это незамужняя девушка, у нее был внебрачный ребенок. Вы с ней два сапога пара. Ты не достоин лучшей, чем эта опозоренная девушка.

Услышав «эта девушка», у Сослана защемило сердце. Он вдруг вспомнил Асят, ведь и она может попасть в такую историю.

– Сафят, – подал он ей авоську, – я скоро закончу работу в селе.

– Найди кормилицу ребенку!

– А как же Анна?

– А что Анна?!. – сердито фыркнула Сафят. – Какой ты странный, ей-богу! Она дома, прибирается. Только учти, если она будет стирать грязные пеленки, то я даже не прикоснусь к ее тряпке! – От злости она тряхнула головой, да так, что прическа рассыпалась.

Сослан достал из кармана брюк пачку денег и передал жене. Глаза её жадно блеснули, она быстро сунула деньги в карман халата.

– Не видишь, – скривила она губы, – какой безобразный на мне халат?

– А чем он плох? Халат, как халат. В больнице все в таких халатах ходят.

– Ты меня с другими не сравнивай, – закатила она глаза, – я тебе не землекоп и не чернорабочий, который на заводе дым глотает.

– Сафят, дорогая, пойми, – попытался урезонить жену Сослан, – ты лежишь вместе с ними в одной палате, и врач одинаково смотрит за вами.

– Врач ничем от них не отличается. Рядом со мной лежит одна... в трещинах ее ладоней лягушки квакают. И что?!. Врач садится на ее койку и точно так же расспрашивает обо всем, как будто ему правда интересно. А мне с ней и разговаривать противно. Меня тошнит от ее вида! – презрительно скривила губы Сафят.

– Наверное, она уважаемая труженица, – сказал Сослан, ему надоели разглагольствования жены. – Ну ладно, я пошел, прошу тебя, корми ребенка грудью. Это твое дитя, твоя кровь, в конце концов...

На следующий день после обеда Сослан шел лесной тропинкой из Алагира в село «Заря». Он радовался тому, что уви-

дит Асят, но вместе с тем переживал, что может принести ей несчастье. Как только подрастет сын, он непременно женится на ней. Хорошо, если Сафят отдаст ему ребенка, а если не отдаст, Сослан все равно будет его воспитывать. Он вспомнил, с какой завистью смотрел вслед сверстникам, гуляющим по городу вместе со своими отцами. Нет! Он не допустит, чтобы сын повторил судьбу своего отца, который рос сиротой. Нет! Нет! С такими мыслями он вышел на большак, ведущий в село. Навстречу ему брел из опушки леса Фидар, брат Асят.

– Ты где был?

– В лесу.

– А как тебя зовут? – спросил он, будто и впрямь не знал, как того зовут.

– Фидар.

– Знаешь меня?

– Нет! – удивленно покачал головой мальчик.

Сослан догадался, что малыш не один, но все же нарочно сказал:

– Гляди-ка, какой герой! Один в лесу и никого не боится...

– Я не один, – признался мальчик. – Там Асят осталась, а я ушел.

– А-а, удрал! – сказал Сослан и чтобы узнать, где находится Асят, спросил: – И где же мама?..

– Это не мама.

– А кто?

– Сестра, а мама с папой уехали в Кизляр.

– Как это уехали?

– К чабанам уехали, поварами.

– Кто же дома у вас остался?

– Мы и Асят, – ответил мальчик и продолжил путь.

– Постой-ка, зачем же ты обманываешь, тебя сестра видела?

– Как она могла меня увидеть! – Фидар показал рукой на южный склон леса.

– А что она там делает?

– Кто?

– Сестра. Или она не одна?

– Одна, – ответил мальчик. – Она заготавливает колья для фасоли. Отец заготовил, да, оказалось, мало.

– Ну что ж, до свидания. Я прямо пойду. А ты?

– Счастливой дороги, – сказал Фидар и свернул направо.

Сослан свернул с дороги влево и пошел лесом. Остановился. Прислушался. Сквозь шум леса и щебет птиц услышал стук топора. Рванулся напролом на звук. Этот звук манил его так же, как в море маяк кораблей. Мальчик сказал правду, подъем был крутой. Но Сослан стремительно преодолел его. Наверху раскинулась красивая поляна.. Сослан вдохнул чистый лесной воздух. Асят, завязав потуже косынку, двинулась в сторону кустов фундука. В густом ореховом кусте, топором очистила сухостой, который мешал движению топора... С взмахами топора на землю падали по пять-шесть веток...

Сослан стоял у зарослей фундука и любовался ловкими движениями девушки. Не каждый парень так ловко держит в руках топор, как эта хрупкая девушка. «Бедная сирота», – подумал Сослан. Подошел поближе к ней. Она, не поворачивая головы, спросила:

– Фидар, это ты?..

– Фидар уже играет около дома.

Услышав голос Сослана, Асят всадила топор на пенек, а из левой руки на землю посыпались прутья-ветки...

– Сослан... – прикусила она губу.

– Асят... – Сослан хотел сказать еще какие-то нежные слова, но язык присох к небу.

– Сослан, пусть твой сын растет здоровым и крепким, – улыбнулась девушка.

– Асят... – замялся он. – Сердце мое гложет тоска...

– Это почему же? Ребенок?..

Сослан удивлялся ее наивности...

– Ребенок, слава богу, здоров, только...

– Что только?!

– Мне не хочется быть твоим несчастьем. Как ты будешь жить? – смял в руках кепку Сослан. – Ну почему я не сдержался? Сделал тебя несчастной...

– Наоборот, я счастлива. В том, что ты тревожишься обо мне, – для меня великое счастье. Во всем, что случилось, виновата я сама... И держать ответ только мне.

– Нет. Асят, я тебя не оставлю... – он хотел добавить еще что-то, но взгляд девушки оборвал его на полуслове.

– В чем виновата твоя жена? Что сделал новорожденный ребенок – Асят посмотрела куда-то вдаль поверх леса. – Знай, Сослан, я не могу построить свое счастье на чужом горе. Если будешь изредка вспоминать меня, то я буду счастлива.

– Нет...

Она помолчала немного, потом сказала:

– Хочу попросить тебя только об одном. Иногда мужчины хвастаются перед друзьями своими победами... Никогда не говори о нас с тобой... – Губы ее дрогнули. Они постояли молча. Парень сорвал несколько листочков, помял их в руках и швырнул на землю. Он взял за руку девушку, и они сели под кустом фундука... Словно подпевая их задушевному разговору, над ними щебетали птицы...

– Таймураз говорил, как весело прошел праздник в городе, – нарушила тишину Асят.

– Да! Уже десять лет, как Осетия стала Социалистической. Было очень весело, богатый и веселый был праздник...

– Когда в столице Осетии будет республиканская сельскохозяйственная выставка, я обязательно поеду туда, – сказала девушка.

Они опять помолчали. Из ущелья доносился редкий перестук топоров и далекие голоса...

Девушка утонула в объятиях любимого, как куст фундука в зарослях хмеля...

Дзодзиковы готовились к именинам своего малыша. Со-

слану хотелось дать ему осетинское имя. Сафят же не соглашалась. Она читала разные книжки, и ей хотелось назвать сына каким-нибудь необыкновенным заморским именем. Так дни следовали за днями, а сын оставался без имени. Он часто просыпался от спора родителей.

– Тебя послушать, так ты его готов Хамыцем назвать!

– Хамыц – сын Сослана, – разве плохо звучит? – не сдавался Сослан. – Ну не Джеймсом же его называть или Джеком?..

– А чем плохо имя Джек? – сказала Сафят.

– Нам ближе наши, осетинские, имена.

– Нет, наш сын будет Джеком!

– Только попробуй! – твердо сказал Сослан.

В это время с улицы послышался голос женщины, называвшей сына Томасом. Сафят выглянула в окна и сказала:

– Слышишь, осетинская женщина называет своего сына Томасом?..

Кто знает, сколько бы они еще спорили между собой, но однажды Сослан принес домой книгу «Овод» Войнич.

Сафят принялась за «Овод». Первым делом посмотрела – кто издатель, кто переводчик, где печаталась книга. Прочитала первую главу, потом отложила книгу и с блеском в глазах стала повторять вслух:

– Артур! Артур! Артур!..

– Что такое? – спросил Сослан.

– Не что такое, а кто! – ответила жена. – Наш сын Артур! И больше никто!

– Какой еще Тур?

– Да не Тур, а Артур! Ударение на «А». Артур.

Но Сослан не слушал ее. В конце концов, ему надоела этот спор, он убедился, что без толку спорить с женой, и решил, что «Артур» все-таки ближе и понятней, нежели какой-то «Джек» или «Томас», и молча согласился.

Он встал со стула.

– Артур! – многозначительно произнес он и подошел к люль-

ке. Отвернул покрывало и заулыбался. Сын во сне то морщил лобик, собираясь заплакать, а то расплывался в улыбке. Сафят встала рядом.

– Сослан, давай не ссориться, как его назовем? Джеком или Артуром?

– Ну как, сынок, кто ты? Джек или Артур? Ей-богу, Артур ему больше подходит, – опускаясь на корточки у люльки, произнес Сослан.

– Оказывается, ты Артур, а мы и не знали, – глядя на малыша, сказал отец и, словно тот мог ответить ему, спросил: – Артур, скажи, пожалуйста, а ты сможешь достойно нести это славное имя?

Ребенок открыл глаза и заулыбался, будто свое имя действительно доставляло ему радость.

– Артур, где Артур? – Сослан указательным пальцем легонько потрогал сына за щеку.

– Все-таки я права, у него черные глаза, – сказала мать.

– Да нет. Если даже и темные, то не черные, а темно-коричневые.

– Черные они!..

– Ладно, пусть будут какими угодно, – согласился Сослан. – Но имя «Артур» все-таки подходит ему. Ребенок надул губки и расплакался.

– Какой он некрасивый, когда плачет, – рассмеялась Сафят.

– Быстро кушать, – сказал отец.

– Анна! – позвала Сафят. – иди-ка сюда, послушай, какое имя мы дали твоему малышу. И прихвати для него еду.

– А разве ты сама не можешь покормить ребенка? Она ведь не железная. Все домашние дела свалились на ее плечи. Она тебе и пищу готовит, и стирает, да еще ребенка кормит? А ты на что?!

Из кухни вышла Анна – симпатичная русская женщина с большими натруженными руками. Кожа на них была грубая, шершавая. Она склонилась над малышом и стала играть с ним.

– Анна, можешь поздравить нас, мы наконец-то подобрали имя своему сыну, – сказал Сослан.

– Не может быть! – удивилась она.

– Артур, – добавил Сослан.

– Артур, – мечтательно произнесла Анна, и лицо ее зарделось. – Красивое имя. Пусть оно принесет ему счастье, – сказала она и вернулась на кухню за едой для ребенка.

Анна в голодный год приехала в Осетию вместе со своими детьми в поисках пропитания. Двое из ее детей умерли от голода еще в России и, надеясь спасти двух остальных детей, она подалась в Осетию. Однако, добравшись до Эльхотовских ворот, потеряла и этих двоих. Истощенная, убитая горем Анна не смогла работать ни на заводе, ни в колхозе и нанялась к ним. Сафят, увидев трудолюбие и старательность Анны, скинула на нее все хлопоты по дому. Артур рос на руках Анны.

Четырехмесячный мальчик тянулся к отцу. Чувствовал, что в руках родного отца теплее, нежели в руках, хоть и сердобольной, но не родной женщины. Сослан обожал сына. Когда он смотрел на него, с лица не сходила улыбка. На заводе у станка, среди шума станков, ему то и дело слышался детский плач. Стружка, скручиваясь в спираль под его резцом станка, падала на пол, и ему в куче блестящего металла чудились веселые глазки сына.

В середине сентября Сослана вызвали в городской военный комиссариат. Из военкомата он вышел озабоченный. Его призывали в армию, через десять дней сбор. Сослан боялся оставить одного сына. Ведь и матери же у малыша, по сути, не было. Собственно говоря, ребенок еще не успел обмочить подол матери, как Сафят уехала к Черному морю поправить здоровье. Ей давно пора было возвращаться, но она почему-то задерживалась...

В одну ночь, обняв своего сына, Сослан лег спать. От ощущения близости родного существа ему было приятно. Отец с сыном заснули. И Сослан увидел сон – будто стоят возле громадного болота люди и бросают в нее камни. Они громко смеются, и вместе со смехом произносят обидные слова. Он приблизился к

берегу, глядь, а из черном топи выползает на сушу грязная, измученная женщина. По одному ее виду можно догадаться, что она давно силится вылезти из болота. Она тянет руку к людям, взывая о помощи. Но не помощь получает от них, а пинки ногами. И она вновь и вновь шлепается в вязкую болотную жижу. Вода на болоте вздрагивает и идет кругами, словно гневается на людей за их насмешки. Женщина опять подползает к берегу, цепляясь за сушу ногтями, но безжалостная человеческая нога снова сталкивает ее в болото. Люди хохочут. Кто-то спрашивает, кто, мол, она такая? И ему, отвечают: «Асят». Сослан срывается с места, бежит к ней, чувствуя за спиной злорадный смех. И тут он проснулся... Некоторое время ошеломленно молчал, смахивая со лба холодную испарину. Что это было?!

Асят в болоте? Он понял, что видел дурной сон. О, боже! А вдруг она... Тогда совсем плохо. Он прижал к себе сына и закрыл глаза. Из головы не шел кошмарный сон. Мозг, как океан в штормовую погоду, не успокаивался. Теперь не уснуть. Сел на кровати, глянул на часы. Было без малого одиннадцать. Он вскочил. Быстро оделся и положил ребенка с Анной.

Через некоторое время шум его сапог нарушал ночную тишину города. Он спешил на вокзал к Алагирскому поезду.

Осенний солнечный день был в разгуле. Сослан шагал из Алагира в Зарю дорогой, тянущейся вдоль кромки леса. Слева была чаща, справа – колхозные поля. Высокие буковые деревья, словно часовые, несли дозор. Сослан шёл не спеша. Колхозный фруктовый сад манил его своими ароматными плодами, пением птиц... Сослана охватила радость. На обочине дороги у пруда квакали лягушки, но когда к ним приближался мигом, как по команде, попрыгали в мутную воду. Сослан прошел сад и устремился к роще плакучих ив. Как и пение птиц, его сопровождали голоса лягушек и сверчков – до самой рощи. Некоторое время он ничего не слышал. Перед глазами стояла Асят...

Под ивой он сидел довольно долго, слушая журчание ручьи. В душе яростно боролись два голоса. Один обвинял его

во всех смертных грехах, другой – оправдывал. Солнце поднялось высоко. Сослан наконец вышел из оцепенения. Он глубоко вздохнул. Быстро перевернулся и большими глотками стал пить из лесного родника. Затем встал и направился в лес к чаще фундука, увитого хмелем. Восторгаясь вкусом студеной родниковой воды, он спешил в село. Вдруг до него донеслось тарахтенье трактора. Сослан оглядел недавно вспаханные поля. Там и сям, словно холмы, возвышались стога сена. В черном бескрайнем море лениво ползут тракторы, как в море золотистые кораблики. По грунтовке туда-обратно сновали грузовики, телеги, запряженные парами волов. Одни направлялись далеко в поле. Телеги с высокими бортами везли воду в бочках. Двигались, тяжело перекачиваясь через голыши, кренясь и поскрипывая на ухабах, расплескивая воду. Другие выползали из сада, до краев заполненные фруктами. Слышалась канонада певчих птиц...

Сослан и не заметил, как дошел до села. Смотрит и удивляется – в ущелье леса построили новую ферму. Стены возведены из ореховых плетней. Даже цвет свежесрезанного дерева орешника еще не сошел. Солома на крыше отливала золотом. Рядом с фермой во всю длину чернела силосная яма. Через неё были переброшены мостки. На краю стояла силосорезка, одной стороной обращенная к куче кукурузных стеблей, другой – к яме. Колхозники вилами швыряли в машину стебли, силосорезка измельчала их большими ножами. Измельченная масса по изогнутой трубке, напоминающей слоновий хобот, сыпалась в яму. Силосорезку приводил в движение трактор, на котором когда-то работал сам Сослан. При виде своей машины у него защемило сердце. Чуть дальше стояло более мощный трактор «Путиловец». Из-под трактора вылез Таймураз. Вытирая тряпкой испачканные мазутом руки, он радостно улыбнулся гостю.

– Сослан!..

– Таймураз!..

Друзья обнялись. Отец Таймураза Кудзой оказался тут как тут и залюбовался их встречей.

– Какими судьбами?!. – спросил Таймураз.

– Что у вас нового? – вопросом на вопрос ответил Сослан. А сам с тревогой ждал дурных вестей о Асят. Но, не услышав ничего плохого, кивнул на трактор и спросил: – что, новый получили?

– Ага, «Путиловец»! – радостно сообщил Таймураз. – Отличный трактор. В этом году нам дали еще сенокосилку, молотилку, но что-то в ней не ладится.

Сослан скинул пальто и улыбнулся.

– Не хочет она работать, что ли?.. – залез он под трактор.

Минуту спустя, из-под машины торчали четыре ноги. Лежа на спине под молотилкой, Таймураз с Сосланом обсуждали новости села, колхозные дела.

– Мы конечно, стараемся, – сказал Таймураз, орудуя гаечным ключом, – но какие изменения происходят в городе, это вообще удивительно. Какой размах строительства, с каким энтузиазмом работают рабочие фабрик и заводов! Слушай, а что за здание строят в самом центре города?

Сослан взглянул на друга.

– Скоро центр города будет не узнать, так изменится его облик, а сам город увеличится чуть ли не вдвое. Говорят, скоро он перешагнет на левый берег Терека.

– Поверь, Сослан, какой бы большой не стала наша столица, проспект для жителей Осетии останется самым любимым местом, во все времена.

– Да, наш проспект очень красив. А-а, так ты спрашиваешь о том трехэтажном здании, которое строят на проспекте у памятника Ленину?

– Да-да, именно его я и имею ввиду.

– Это будет новый магазин.

– На всех трех этажах будут магазины?!

– А как же!

– В газете тоже об этом писали, но я подумал, что же будут продавать в таком большом магазине?

– Да, Таймураз, государство сильное, – сказал Сослан и вытер пот со лба..

Они помолчали немного. Сослану многое хотелось рассказать другу, но тот перебил его:

– Готово! – и они вылезли из-под машины.

– Ей богу, – воскликнул Дзодзиков, – замечательную ферму вы построили!

– Вот через день-два мы устроим субботник и замажем стены охристой глиной, тогда она будет еще лучше. На соломенной крыше пока нет реек.

– А для чего они? – спросил гость.

– Чтобы солому ветром не сдуло. – Таймураз еще что-то говорил, но Сослан не слушал. Мысли его были в лесу, на склоне ущелья, под ореховым деревом, увитым плетью хмеля.

Вдруг по ущелью разнесся рокот двигателя.

– Здорово, что ты помог мне! – воскликнул Таймураз.

– Ладно тебе, – сказал Сослан. – Хочу заглянуть в гости к Мынци, и накинул на плечи пальто.

– К нам не забудь зайти! – крикнул ему вдогонку Таймураз.

– Посмотрим.

Таймураз взобрался на трактор и стал газовать, прочищая двигатель. Сослан глянул еще раз на лес и направился в село. Дойдя до силосорезки, он увидел Азу, спрыгнувшую с трактора. Они обрадовались друг другу.

– Кого я вижу! – сказала она.

– Вот это девушка!.. – улыбнулся Сослан. – Кажется, тебя забрали с поля.

– Да не нравится мне работать на одном месте, – ответила Аза, – люблю бороздить на тракторе по полям, как корабль по морским волнам.

– Ты у нас героиня! – снова улыбнулся Сослан.

Беседуя, они поравнялись с силосной ямой. На краю стояли ведра с солью. Тут же крутился около ямы Кудзой. Он доставал

горстями соль из ведра и сыпал в яму. Увидел Сослана и подошел к нему.

– Привет дорогому гостю! – воскликнул он и обнял парня.

«Путиловец», тяжело урча, приблизился к ним. Аза кивком головы попрощалась с Сосланом и вскочила на свой трактор. Через некоторое время ее трактор направился в поле, а место у силосорезки занял «Путиловец».

– Соль! – послышалось из ямы.

Кудзой горстями стал кидать ее. Белая как снег соль сыпалась в яму на людей.

– Ты нас засыпал с головой! – крикнули из ямы.

Сослан подошел к краю. Увиденное выбило у него почву из-под ног. Чтобы не рухнуть, опустился на корточки. Из трубы, похожей на хобот, вниз сыпалась силосная масса. Кудзой щедро сдабривал ее солью. На дне ямы работали двое мужчин и две женщины. Сапогами они утаптывали силос. Одна из женщин была Диба, а другая Асят... Сослан бросился в яму. В полете пальто сорвалось с его плеч и, спланировав, огромной птицей опустилось на край ямы. Из ямы послышались радостные возгласы.

– Это же Сослан!..

– Какой ветер занес тебя сюда? – спросила Диба.

Глаза Асят заблестели от счастья, но она тут же отошла в сторону. Как будто ей неприятно было видеть того, кто к ним как с неба свалился. Когда он подошел к Асят, Диба удивленно спросила:

– Ты что, не помнишь его? Это же Сослан! Наш Сослан. – Но лицо Асят внешне оставалось равнодушным. Дзодзиков удивился самообладанию девушки. В то время как они обменивались рукопожатиями, в животе у Асят что-то толкнуло, словно сила любви, электрическим током пробежав по рукам, разбудила плод. Девушка испугалась, хотя, как и все женщины в ее положении, была готова ко всему. А только прикусила губу. Пять пар сапог дружно стали утаптывать силос. Сверху на них сыпалась

влажная, холодная силосная масса и соль. Сослану было приятно, что Асят рядом. Так бы вместе и работали всю жизнь. Но он не мог видеть, как его любимая тяжело переступает ногами, обутыми в грубые сапоги. Ему казалось, что ноги девушки утаптывают не силос, а топчут его сердце. Сверху сыпалась соль.

– Сослан, хватит, сами докончим, – сказала Дибба Сослану.

– Нет, подсоблю еще малость.

А куда ему, собственно, идти? Кто его ждет? Где ему что делать? Ведь та, к которой он приехал, рядом. Наверное, давешний сон был об этой силосной яме. Он не мог никуда уйти. Остро закололо сердце. Он бы отослал женщин, но тогда и Асят не останется. И тогда Сослан сказал:

– Лучше, идите, и приготовьте что-нибудь до нашего прихода.

– Спасибо тебе, живи долго, – сказала Дибба.

И стала карабкаться вверх по лестнице. За Диббой последовала и Асят. Но стоило ей поставить ногу на ступень лестницы, как снова ощутила толчок. Она прекрасно понимала, сколько трудностей и горя сулит ей появление ребенка, какой это для нее несмыслимый позор, и неприятные ощущение в животе – только начало. Но кто ей дал право позорить село, род, и – главное – своего бедного отца... Отдавшись подобным тяжким думам, можно и руки на себя наложить. Но!.. Одна радость – в ней ребенок Сослана и понимание этого пересиливает все остальные мысли. Ради этого чувства она готова преодолеть любые трудности, перетерпеть любой стыд. Она знает, в каких муках рождается на свет дитя. Как представит, где и как ей предстоит рожать, смертный страх одолевает её. Одна надежда на Азу. Асят либо заранее предупредит ее, либо сообщит чуть позже... когда время придет. К родам следует готовиться заблаговременно, тщательно, чтобы и пуповину, если нужно, перерезать и даже пупок завязать. Нет, Асят никогда не завязывала его, но прочитала об этом в книге, которую нашла на столе в амбулатории. Потом, когда дома зарезали курицу, она практиковалась на ее внутренностях.

Инал и Дзерасса не вернулись еще из Кизляра. Фидар поступил в школу, младшие оставались дома. Приехал Сослан, и на душе у нее стало светло и радостно. Будто после затяжных дождей, наконец, выглянуло Солнце. А если бы она знала, что он приехал только чтобы повидаться с ней, то от радости взлетела бы до небес. Вечером Асят закончила хлопотать по хозяйству, приготовила ужин, накормила детей и уложила спать. А сама вышла в огород, с тайной надеждой хоть краешком глаза увидеть любимого.

И тут из-под навеса во дворе Таймураза доносились мужские голоса. Она прислушалась, стараясь уловить голос Сослана. Однако мужчины разговаривали очень тихо. Асят облокотилась на плетень и окунулась в раздумья о своем житье-бытье. Кто знает, сколько бы она еще пробыла в таком состоянии, если бы со скрипом не открылась дверь летней кухни Таймураза. По разговору она поняла, что хозяева провожали его. Сослан пожелал спокойной ночи и зашагал по улице. Шаги постепенно затихли. Она мысленно сопровождала Сослана. «Сейчас он дойдет до дома дяди, где останавливался на постой, зайдет в свою комнату и зажжет лампу», – думала она. Асят всматривалась в окна его комнаты, но из-за высоких стеблей кукурузы ничего не было видно. Петухи пропели второй раз. С соседнего двора не было слышно никакого движения, но она и не думала возвращаться домой. Она оглядела осеннее небо. Новый месяц возник над западным горизонтом, словно кто-то метнул из-за хребта золотой серп в звездный купол. Любуясь на звезды, забылась и даже не услышала, как ее окликнули. Она испуганно вздрогнула, но узнала родной голос.

Сослан и Асят сидели рядом и тихо шептались... Петухи пропели и третий раз, и четвертый, а они все сидели и сидели. Со стороны реки потянуло прохладой, значит, скоро рассвет.

– Не продрогни, – нежно проговорил Сослан. Он мучительно соображал, как бы поделикатнее выведать у нее самое сокровенное. А ну как она беременна. И вдруг, даже не осознав

того, прямо спросил, не тошнит ли ее? От такого внезапного вопроса любая бы растерялась и ответила бы без обиняков – да. Но только не Асят. Она была готова ко всем каверзным вопросам на свете.

– Не беспокойся, – вздохнула она, – если что, я тебя не потревожу.

Сослана передернуло.

– Я тебя спросил не потому...

– Не волнуйся. Я совершенно свободна. – Помолчала. – Лучше думай о своей семье.

– Я себе места не нахожу, думая о тебе! – взорвался Сослан.

– Ш-ш-ш! – закрыла она ему ладошкой рот. – Молчи... Мы не оставим ребенка сиротой.

– А что будет с тобой, как ты будешь жить?!

– Сослан! Ты подарил мне три дня своей жизни. Эти три дня сделали меня счастливой. Мне не нужно другого счастья. Я буду бережно хранить в памяти эти дни...

Она почувствовала, как сердце Сослана сжалось от жалости к ней, но промолчала, сама еле сдерживая слезы. Нависла тишина, только шум реки доносился из-за околицы. Они еще долго сидели бы рядом, но на востоке, над кукурузным полем, зажглась планета Венера – предвестница утра. Сослан достал из нагрудного кармана деньги и молча положил их девушке в карман телогрейки. Асят вскочила с округлившимися глазами и произнесла только одно слово:

– Сослан!

Сослан встал. Колени его предательски задрожали – возглас Асят выбил у него землю из-под ног. В возгласе звучали гнев и укор... Он забрал деньги...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первого февраля 1935 года, ночью, когда пропели первые петухи, Асят проснулась от резкой боли в пояснице. Её лихорадило, и она плотнее укуталась в одеяло. Попыталась заснуть, но сон не шёл к ней. Наверное, переутомилась, – подумала она. Немудрено, целый день она гнала самогонку, ведрами таскала воду. В прошлом году Инал поступил просто: запряг осла и навез с реки большие куски льда. Раздробить один такой кусок, положишь в глубокое корыто со змеевиком, глядишь, и конденсация паров самогона ускорится. Тогда Асят стояла возле самогонного аппарата с засученными рукавами и помогала отцу чем могла. Нынче и льда-то такого нет, но все же отец бы в бочке возил ледяной воды... А Дзерасса палец о палец не ударила, не то чтобы второй котел поставить. Да и сегодня не переусердствовала. Перегнала один котел, наполнила второй, а разжечь под ним огонь не смогла – уж больно ядреным выдался первач, буквально сшиб её с ног. И она, словно буйвол, разлегшийся летом в пруду, свалилась на кровать в обуви, в заляпанной бардой одежде, и безмятежно уснула. Целый день из комнаты доносился её храп. Асят одна, без чьей-либо помощи, перегнала четыре котла. Когда собралась в очередной раз за водой, то попросила Фидара присмотреть за аппаратом, чтобы он не перегрелся, и помешать воду в корыте. Но мальчик и близко не подошел к аппарату, целый день на самодельных коньках катался с ребятней.

– Давай я помешаю, – предложил маленький Бибо.

Однако Асят не могла ему довериться – очень был еще мал, опасалась, как бы он не обжегся.

Отец сломал ногу и лежал в больнице. Асят очень устала, но все же при свете фонаря помыла в теплой воде самогонные аппараты. Зашла в дом. И только теперь ощутила, насколько она проголодалась. Она прихватила со стола холодную картошку в мундире, остаток ужина малышей, и вышла. Взяла фонарь, пересекла двор и спустилась в погреб за сыром. Сыр хранился в боч-

ке с рассолом. Но она не посмела даже порог переступить, не то что круг достать из рассола. Вернулась к дому, повесила фонарь на гвоздь стены сарая, погасила его и пошла в свою комнату. Закрыв дверь, она ослабила шнуровку сшитого из полотенца корсета, туго стягивающего живот, и вздохнула с облегчением. Как только сомкнула глаза, то сразу же уснула, но сон ее был беспокойный. Она то и дело просыпалась и хваталась руками за резную деревянную спинку кровати. Ежеутренне готовила себя к этому, она прекрасно знала, что это случится со дня на день, но все же надеялась, что все произойдет позже, только не сегодня, – думала она. Хотя бы на один день отпустила боль, чтобы удалось поспать. Но разве же когда природа спрашивает у человека. И она поняла наконец, что началось. Поняла, что тайна скоро станет известна всем. И завтра на нее будут показывать пальцем...

Слезы обиды струились по щекам. Не очень туго затянула корсет, заправила постель. Лампу не стала зажигать, чтобы не разбудить никого, передвигалась при слабом свете падающего за окном снега. Потом одела что потеплее, в ботинки положила войлочные стельки... положила заранее приготовленные ножницы и катушку с белыми нитками в карман и вышла во двор. Взглянула на небо, чтобы по звездам определить время. Небо было затянуто светлыми тучами. И за ними виднелась, как круг чурека, диск Луны. Дул юго-западный ветер. Когда она шла в хлев, в курятнике пропел петух. Ему ответил соседский. А дальше все петухи села заголосили, будто пытались сообщить всему миру её тайну. «Что со мной будет? Как я буду жить?!» – ответа на эти вопросы не было. Только слезы текли по щекам...

Петухи пропели вторично – приближалась полночь. Асят взяла из ясель охапку сена и постелила себе в углу. Ее била дрожь. Она, крадучись, вышла из хлева и направилась к летней кухне. Там, среди ветхой одежды, висящей на стене, нашарила свое старое зимнее пальто и шерстяной платок из овечьей шер-

сти, который вязала сама же. Тут же висел отцовский тулуп. Как здорово было бы в него укутаться! Но не посмела...

Покачиваясь от слабости и боли, держась за стены, она доплелась до хлева. Корова спокойно пережевывала жвачку, и это спокойствие как-то укрепило ее, придало смелости. Однако в хлеву было холодно. Она постелила пальто на сено и опустилась на него. Подвинулась ближе к корове, села и, чтобы согреться, прижалась к ее вымени. Пригревшись, она едва не уснула. Но лишь сомкнула глаза, как внезапная острая боль поразила ее позвоночник, словно кто-то всадил в него шило. Корова вскинула морду. Ее размеренное дыхание было нарушено приглушенным, протяжным криком...

Боль прошла, но она успела испугаться. Если закричит еще раз, то ее непременно услышит мачеха. Свет падающего снега слабо освещал стены хлева. Она огляделась. Прислушалась, но никаких посторонних звуков не услышала. Затем прижалась к корове и тихо разрыдалась. Ее не так мучила боль, как беспокоила мысль о том, что будет с ней завтра.

Видимо, природа сжалилась над ней, подул ветер. Порывы ветра заглушали ее стоны. Но, именно шум ветра разбудил Дзерассу. Мачеха как завалилась утром, так и спала.

– Какой ветер, но не морозный, – сказала она и, шаркая чувяками, подошла к окну. Дзерасса уже расстегивала ватную душегрейку, чтобы снова лечь спать, как услышала приглушенный стон. Ветер, конечно, старался заглушить звуки, но они все же долетали до её ушей. Поняв свою ошибку, ветер зафыркал, закрутился по двору, заматавая поземку, словно хотел забрать обратно долетевший до мачехи стон, но не сумел этого сделать и от злости подхватил с крыши сарая снег и швырнул его в забор. Дзерасса вновь услышала стон.

– Что за чудеса! – удивилась женщина и выбежала во двор. – Асят! – крикнула она. Хотела постучаться в ее дверь, потянулась даже костяшками пальцев, но она открылась сама, стоило только прикоснуться к ней. – Асят, ты где?! – в полумраке деви-

чья комната казалась идеально прибранной. – Где же она может быть?!. – Дзерасса выбежала во двор, сняла со стены фонарь и зачиркала спичкой.

До нее вновь донесся протяжный приглушенный крик. Как бы не обварилась, – подумала она и побежала под навес. Но там было чисто, вся посуда, в которой варилась брага – аккуратно вымыта, будто ее и не использовали вовсе, только белеющее ко-стрище, да кисловатый запах барды свидетельствовали о том, что здесь гнали самогон.

– В какую могилу ты провалилась?! Где ты?! – разозлилась Дзерасса. – Неуклюжая, обварилась что ли?!

Асят услышала голос мачехи. Попыталась сдержать крик, даже зажала рот руками, но боль была сильнее ее. Она увидела через щель, как свет фонаря рассекает темноту хлева и, распахнула дверь...

Сначала Дзерасса ничего не поняла. Ее маленькие злые глаза зыркали по углам хлева и увидела... – справа на подстилке валялась Асят и пристально смотрела на нее.

– Ты что тут делаешь?!

В ответ девушка выгнулась и застонала, ее скрутило, ногти вонзились в грязный пол коровника. У Дзерассы не осталось никаких сомнений, что перед ней роженица.

– Чтоб ты пролилась!.. – воскликнула мачеха. Подняла повыше фонарь и приблизилась к ней... Дзерасса подсунула ногу под Асят и резким движением перевернула ее на спину.

– Беременна?!. – заскрежетала она зубами, да так, что это скрежет заглушил размеренное чавканье пережевывающей жвачку коровы. Повесила фонарь на гвоздь у двери и вернулась к ней. Одной рукой легко, будто выхватила цыпленка из ведра с водой, подхватила падчерицу и швырнула обратно на землю.

Асят упала кулем.

Дзерассой овладела ярость. В голове вертелась одна-единственная мысль: четверть века прожила она в отцовском доме, боясь, как бы кто косо не посмотрел на нее, никогда не дава-

ла повода усомниться в ее порядочности, а эта мерзавка за раз опозорила ее, дом, всю семью. Дзерасса представила, как ее дети, обливаясь слезами, прибегают домой и жалуются, что их дразнят, укоряют за позор сестры. Нет! Не бывать этому! Она не допустит, чтобы на ее детях легло пятно несмываемого позора. Сейчас она прибьет бесстыдницу и зароет тут же в сарае. Своими же не по-женски большими руками, она принялась избивать падчерицу. Била куда попало, по-женски, но очень чувствительно. Асят могла прикрывать только живот. Увидев перекошенное от боли лицо девушки, Дзерасса заорала:

– Глядите-ка на неё! Ребеночка своего защищает! – и двинула кулаком в лицо. Из рта у Асят хлынула кровь. Заметив, что мачеха прекратила избиение и испуганно заозиралась Асят корчилась на земле, судорожно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Дзерасса плюнула ей в лицо.

– Бессовестная!..

Но Асят не чувствовала ни вкуса крови, ни плевка мачехи. Чуть погодя, она взглянула на Дзерассу:

– Прошу тебя... Не кричи, стыдно...

– Мерзавка, а ты разве знаешь, что такое стыд? – мачеха размахнулась ногой, целясь в живот, но удар пришелся по рукам и коленям. – Что ты понимаешь, свинья!

Асят снова обратилась к ней:

– Дзерасса, теперь уже все равно... Помоги, мне больно... я умираю... – простионала она.

– Все равно?! – встрепенулась мачеха. – Это тебе все равно! А о том, что тобой всю жизнь будут попрекать моих детей, ты подумала? – И закатила ей затрещину. Но Асят уже не чувствовала боли.

– Больно ей видите ли... А под чужими плетнями шляться не больно? Забеременела, перехитрить всех вздумала, поэтому ребенка оставила...

Вдруг Дзерассе пришла в голову коварная мысль. И чего она раньше не додумалась.

– Ладно, Асят, я помогу тебе...

Глаза девушки блеснули надеждой.

– Только скажи – кто он?

Асят бессильно закрыла глаза. Ей показалось, что хитрая женщина при свете фонаря может увидеть в ее глазах красивое лицо городского тракториста.

– Не скажешь?! – закричала женщина. – Не от святого же ты понесла, стерва!..

Дзерасса решила, что бессильная и измученная падчерица выдаст имя виновника позора и проклянет его, но та молчала как рыба.

– Молчишь?!

Асят отрицательно покачала головой. Ошеломленная мачеха брезгливо смотрела на нее. Из-за падчерицы сельчане и здороваться перестанут с ней. С ней, которая была окружена почетом и уважением в отцовском доме. И из-за кого? Из-за этой дряни! Нет, она не допустит этого. Прибить ее, да и дело с концом! Но когда Дзерасса наклонилась над падчерицей, чтобы осуществить задуманное, вроде как кто-то шепнул ей на ухо: «Тюрьма!» И еще: «Ты же дочь помещика!» Она выпрямилась. Может, ей ветер нашептал эти слова?

– Быстро убирайся отсюда! – выпалила Дзерасса. – Убирайся! – тихо, но твердо и зло повторила женщина и, широко распахнув дверь, вышла из хлева.

Асят не сразу поняла, в чем дело. Она подумала, что мачеха просто пугает ее, куда же она пойдет в таком положении. Однако Дзерасса стремительно пересекла двор и открыла калитку. Девушка отчетливо услышала скрип несмазанных петель. Она знала, как скрипят все двери в доме. К примеру, дверные петли погреба издавали самый громкий скрип. Однажды она смазала их маслом, так мачеха ее избила за это. Ты, говорит, нарочно так сделала, чтобы незаметно воровать продукты.

Дзерасса, как бешеная волчица, вернулась в хлев. Асят поняла, что ее всерьез выгоняют на улицу. Она встала на колени

и протянула руки в мольбе. Язык ее не слушался и она еле выговаривала:

– Н-не г-гони меня... Пр-рошу тебя, помоги... мне бо-ольно... – и снова скрючилась на своей подстилке.

– Убирайся отсюда, пока я!.. – Дзерасса пнула ее ногой в плечо.

Асят повернула голову к ней и молча, умоляюще посмотрела на мачеху. Дыхание ее было прерывистым.

– Я ведь... как свечка перед тобой стояла... – с трудом произнесла она. Но мачеха вновь плюнула ей в лицо.

– Тьфу, бессовестная, как ты еще смеешь обращаться ко мне! Мои дети рождены от законного мужа, а от кого твой выродок?!. Чтобы с сегодняшнего дня твой поганый язык ни разу больше не произносил имена моих чистых, как ангелочки, детей!

Асят окончательно убедилась, что её действительно выбрасывают на мороз. Она горько зарыдала. Словно выражая сочувствие девушке, корова поднялась с пола и, встряхнувшись, встала возле нее. Дзерасса схватила Асят за волосы и силком потащила за собой. Девушка увидела распахнутую настежь калитку и испугалась. Ей почудилось, что это распахнуты двери ада. Она задрожала – зуб на зуб не попадал. Получается, ей нет места даже в хлеву. Может, во дворе хотя бы оставят, как сторожевую собаку. Где угодно, только не за этой распахнутой калиткой! Асят ухватилась за плетень.

– Хочешь в тёплую комнату? – издевательски спросила Дзерасса.

– Хочу, – не поняла иронии девушка. Ноги не держали ее. Она с надеждой посмотрела на женщину.

А она спросила, в ответ, как выстрел:

– Скажи, кто он?

Асят поняла, какую цену запросила мачеха. Нет, она ни за что не скажет, даже под пытками никто из нее не вырвет признания.

– Не скажешь?!.

Роженица стояла, переминаясь с ноги на ногу. Чтобы еще больше досадить ей, мачеха сказала:

– Даже если ты назовешь его имя, я тебя все равно не пущу в дом, так и знай! – и толкнула девушку. Асят упала. Туловище ее было на улице, а ноги во дворе. Мачеха выпихнула их за калитку, затем вылетели её пальто и шерстяной платок... Девушка отползла в сторону и услышала, как щелкнул крючок на калитке и фраза Дзерассы:

– Теперь мой дом спасен от позора!

Асят встала, испуганно огляделась вокруг. Бледная Луна выглядывала из-за туч. Ветер завывал шакалом. Возле нее, виляя хвостом, остановился их белый волкодав Домбай. В свое время Инал привез его из Кизляра. Холодный нос собаки ткнулся ей в лицо. Она прижала к себе собаку и тихо заплакала. Что делать, куда идти? У нее же никого нет. Тяжелые мысли стали одолевать ее. Наконец одела пальто, застегнула пуговицы, поплотнее обмоталась своим теплым платком и двинулась по ночной проселочной улице. В кармане нащупала катушку с нитками и ножницы. Собака стояла на месте и глядела на нее. Она подошла к ней, провела рукой по загривку и попросила:

– Домбай, пойдём со мной... к иве плакучей.

С собакой ей было не так одиноко и, направились к реке...

Под тусклым светом Луны и снега видны были дорога, дома, деревья... Думала перейти на правый берег по ледоставной тропе. Но увидела, как Домбай повернулся от тропы и устремился к мосту. И она тоже, сгибаясь и разгибаясь, поплелась за собакой... Когда подошла к мосту, то увидела, как по реке идет шуга...

Собака бежала то рядом, то впереди, а то и отставала. Она знала, что первенец рождается нелегко и не быстро. Вспомнила Азу и ее первенца Марка. Думая об этом мальчике, она и не заметила, как оказалась за селом в заснеженном поле. Мороз перестал лютовать, но лениво падали редкие снежинки... Асят двигалась против ветра. Когда ее пронизывала боль, она оста-

навливалась и приседала, а когда отпускала, вставала и продолжала идти дальше. Старалась преодолеть как можно больше расстояния до следующей схватки. Заметив съежившуюся от боли хозяйку, собака принималась ходить вокруг нее, виляя хвостом, пока та не выпрямлялась и не продолжала свой путь. Девушка заметила, что схватки стали чаще. Она оглядела снежное поле. Увидела иву плакучую и обрадовалась – дерево заменит ей дом. Ей даже показалось, что если дойдет до него, то обязательно избавится от этой адской боли. Доплелась до рощи. Оглядела свое пристанище, видневшееся за редкими, кривыми стволами деревьев. Но тут ее снова скрутило, и она упала там, где стояла. Собака забегала вокруг. Луна виднелась за пеленой облаков, словно лицо ребенка через прозрачную накидку на люльке. Асят знала, что до ивы рукой подать, но она знала и то, что вряд ли сможет дойти до нее.

Собрав остатки сил, она поползла на четвереньках. Эх, сколько раз бывала под этой ивушкой после того счастливого дня. Она выбилась из сил, измучалась, но добралась, наконец, до ивы и облегченно вздохнула...

Собаки чуют добрых людей, иначе как объяснить то, что Домбай, немного поскулив, опрометью бросился к дому Лазаря Байсонгурова. Он жил на отшибе села Ногкау, в бедном покосившемся домике. Из родственников у него была только сестра Косер, жившая с семьей в городе. Была у парня невеста Зарина, но бедность и нужда не давали ему возможности заслать к ней сватов. Работал в колхозе возчиком. У него было две лошади и бричка. Летом трудился на колхозных полях, зимой же возил колхозникам дрова из леса. В ту ночь, когда к его домику во всю прыть бежал Домбай, Лазарь проснулся от завывания ветра. Он выглянул в окно.

– О, Святой Георгий, помоги путнику, которому в такое ненастье выпало быть в дороге! – проговорил он, ежась от холода, потер руками плечи и юркнул под одеяло. Не успел закрыть глаза, как услышал собачий лай. «Кто это может быть?» – подумал

он, и тут услышал стук в окно, будто кто кинул снежком. Лазарь выглянул и оторопел – прямо перед ним, положив лапы на подоконник, стоял огромный пёс. Глаза собаки отсвечивали зеленым цветом, а во взгляде – мольба. Не трудно было догадаться, что он нуждается в человеческой помощи. Лазарь открыл окно.

Ворвавшийся в комнату ветер распахнул дверь его комнаты.

– Ну, что с тобой? Что тебе от меня надо? – обратился он к собаке. Погладил ее по голове. Собака заскулила. Затем отбежала в сторону, остановилась и оглянулась назад, словно бы приглашая хозяина последовать за ней.

– Сейчас, – сказал он, – дай только одеться.

Застегивая тулуп, Лазарь вышел во двор. Под навесом, где стояли кони, его ждала собака.

– Ну, показывай дорогу.

Домбай не уходил, он подбежал ближе к коням и опять заскулил.

– Вот чудеса! – воскликнул он. – Что, конь нужен? – Он быстро оседлал его и вскочил на него. – В какую сторону ехать?

Домбай сделал еще несколько кругов по двору. Может, от радости, а может, сбруя ему не нравилась?..

– Так, куда же?

Пес перемахнул через плетень и побежал впереди всадника. Старался особо не отрываться, все время оглядывался назад, а – ежели что – садился и ждал его. Домбай бежал впереди, и еще поражало, то что дыхание собаки совпадало с ритмом конского галопа.

Домбай спешил к фруктовому саду. Вел всадника к оврагу, где течет ручей. У оврага повернул налево. Вдруг Лазарь услышал душераздирающий крик... Кричал какой-то неизвестный ему зверь. Конь шарахнулся в сторону, и парень вздрогнул. Пес завыл, очевидно, опасаясь, что всадник повернет обратно. Затем одним прыжком оказался за крупом коня. От его вида у Лазаря волосы встали дыбом. Пес стоял так, будто собрался сражаться насмерть. Он понял – обратной дороги нет.

Рассветало... Небо преобразилось в своем прекрасном сиянии одеянии...

– Не бойся, я не сбегу.

– А-а-а!.. – снова донесся чей-то протяжный стон и затих где-то в конце оврага.

Лазарь погнал коня. Пес бежал впереди и привел его к иве плакучей... Ветки ивы задержали всадника...

– А-а-а!.. – совсем близко раздались вопли...

– Сейчас!.. – отозвался Лазарь. Легко спрыгнул с коня, поспешил за дерево и под слабым светом луны и снега увидел мучающуюся девушку. Он опустился рядом с ней. Присел на корточки и спросил:

– Что с тобой?!. Где у тебя болит? Что за чудо!!! – В растерянности не разобрался, что к чему...

Она открыла глаза:

– Кто ты?.. Откуда ты?..

– Я Лазарь. А ты кто?!

– Умираю я... – ответила она и схватила руками ветку ивы и дернула на себя с такой силой, что она затряслась.

Он удивился, как хрупкая девушка смогла встряхнуть такое дерево. И, интересно, зачем трясти?!. Ветки были потеряны. Выходит – дергала их не раз.

Лазарь в отчаянии схватился за голову...

И вдруг, в просвете деревьев увидел, как на юго-восточной стороне Большого Кавказского горного хребта, на светло-синем небе заалело... А над западным горизонтом величаво стояла полная Луна, будто встречала восход золотого Солнца. От вида прекрасной природной панорамы его отвлекло то, что его позвали... Он повернулся к ней...

– Лазарь, прости меня... От людей ничего не скроешь, только очень прошу, сохрани в тайне... тут... ива... – казалось бы, бессильные, как плети, руки вновь сильно трянули громадное дерево. – А-а-а!..

– Дай-ка я вместе с корнями вырву его!.. – вскрикнул парень.

Обхватил ствол и затряс дерево. Руки женщины опять бессильно упали в снег, а он взял и положил ее руки на ее же пальто.

– Лазарь, если я не умру, то мы как-нибудь выкрутимся, а если... тогда воспитай его... – душераздирающий крик снова разнесся по оврагу. Он вздрогнул. Стукнул себя кулаком по голове.

– Ах, дурья башка! – догадался, наконец, в чем дело?!. Но что делать, как ей помочь? Ведь он ничего не смыслит в этих делах. Посмотрел на собаку и хмыкнул: – Глупыш, не мог найти помощника получше?!

Ветки дерева, отпущенные женщиной, выпрямились. Парень услышал:

– У меня в кармане ножницы и нитки...

От жалости у него сжалось сердце. Он скинул тулуп и укрыл её. Асят поймала руку Лазаря и прижала ее к себе. Потом оттолкнула его руку и снова схватила свисающие ветки... Дерево склонилось над ней, словно мать над ребенком.

«Ну, что мне делать?..» – мучительно размышлял парень. Он заметил, что женщина была в тряпье.

– Видано ли такое чудо! Ты же совсем еще ребенок! – вырвалось у него в сердцах.

Конечно Асят была не в себе от боли, но она вполне отдавала себе отчет. Рядом был незнакомый мужчина и ей предстояло в его присутствии, а может, и с его помощью произвести величайшее женское таинство. Но у нее не было другого выхода. Инстинкт матери – сохранить жизнь ребенку, был превыше всего...

– Вытри мне лицо...

Дрожащей рукой он провел по ее лицу... Обильный, холодный пот почувствовали руки его.

– Прости меня...

– Что ты говоришь!.. – Лазарь погладил ее по щеке. Только сейчас при свете предсветлой зари, он разглядел ее взгляд. Кроме муки в ее взгляде читалась какая-то тайна, о которой она вряд ли кому-нибудь расскажет. Интересно, кто тот негодяй, который

обманул эту юную девочку? Она здесь мучается на морозе, а он безмятежно спит в теплой постели. Убить такого мало, и Лазарь без колебаний сделал бы это. Бледное усталое её лицо вновь скривилось от боли. Стон страдания пронесся над оврагом, над полем и над фруктовым садом. Дерево снова качнулось... И вдруг – к женскому крику присоединился пронзительный плач новорожденного...

– Девочка!.. – счастливым голосом закричал Лазарь.

«Дочка», – подумала про себя Асят и её усталое, измученное тело обрело, наконец, блаженное состояние покоя, которое невозможно сказать никакими словами. Однако предварительно следуя указаниями Асят, Лазарь выполнил обязанности акушера... Затем снял с себя рубашку, запеленал в нее дитя, а поверх обернул своими теплыми портянками. Делая это, он не переставал улыбаться. Ему показалось странным и удивительным то, что он причастен к появлению новой жизни. И еще он представил, как ему, такому большому и крепкому парню, когда-то тоже могли послужить одеялом портянки. Мысли его оборвала собака. Холодный нос Домбая коснулся его щеки, тычась в него мордой и лапцась...

– Ладно, ладно, – держа в левой руке ребенка, парень ласково потрепал правой рукой собаку. – Ты постой около них, а я на миг проскочу домой. – И положил укутанную девочку рядом с матерью.

– Конечно, ты не послушаешь меня и заберешь к себе домой, – сказала Асят. – Но я ни за что не пойду с тобой, если ты не поклянешься, что никому не расскажешь о иве плакучей.

– Клянусь, что из моих уст никто никогда ничего не услышит. Если доверишься мне, то расскажешь о своей жизни, если нет, то я никогда не буду тебе докучать. А сейчас я съезжу домой и быстро вернусь...

Через минуту-другую, по рыхлому снежному полю, разнесся топот его коня...

Асят прижала к себе маленький, теплый, живой комочек...

Пока она дожидалась Лазаря, в ее усталом мозгу теснились тяжелые мысли. Точно также, как черные тучи чередой плывут по небу в пасмурную погоду. Хотелось уползти куда-нибудь подальше и скрыться от этого парня. Впрочем, парень это или взрослый мужчина, она не знала. Домбай постоял, глядя на нее, и улегся рядом с ребенком.

А Лазарь неся вскачь... Добравшись до дома, спешно запряг в бричку. Выстлал кузов сеном. Захватил в комнате новую постель, приготовленную к свадьбе. Матрац, подушку и одеяло он завернул в покрывало и положил в телегу. Когда открывал ворота, то заметил, что солнечные лучи озарили вершину Эльбруса. Лазарь спрятал постель под сеном и погнал лошадей... Вскоре он был возле оврага...

Рассвело. Солнце заглянуло в окно Лазаря. Вместе с солнцем к парню пришло беспокойство: что он скажет людям? По правде говоря, вряд ли кто-нибудь забредет к нему домой. Но у него есть соседи, друзья... Не сегодня-завтра они увидят Асят, как он объяснит ее присутствие с ребенком? Лазарь на цыпочках подошел к кровати. На белоснежных простынях лежала юная, несказанной красоты девушка. Он опешил, увидев ее, забыл о Зарине. Асят спала крепким сном. Длинные черные ресницы оттеняли тронутые румянцем бледные щеки. Шея и плечи – белее снега. Счастливец тот, кто обладал ею, – подумал он. – Счастливец? Нет! Он подлый!

Солнечный луч коснулся лица Асят. Она открыла глаза, испуганно заморгала ресницами, не понимая, где находится. Потом вспомнила и, закрылась одеялом, заплакала. Лазарь заметался по комнате, не зная, что делать.

– Не плачь, пожалуйста. – Он хотел погладить её по волосам, но не посмел прикоснуться, и рука гладила воздух над ее головой.

Она приоткрыла лицо и посмотрела на него:

– Лазарь, я тебе стала обузой, но если выживу, никогда тебя не забуду. Больше мне нечем тебя отблагодарить за добро. Знаю,

ты мучаешься вопросом, кто я и откуда. Я живу в селе Заря, зовут меня Асят. А больше тебе ничего не скажу. Как я поняла, в доме нет женщины. Если меня здесь увидят, то у тебя будут неприятности. Не бойся, как только окрепну немного, сразу же уйду.

– Куда? Я тебя никуда не отпущу...

– Нет. Так дело не пойдет. Давай посоветуемся, садись. Что ты скажешь соседям, односельчанам, родным?..

– Не знаю...

– Что бы ты им ни говорил, от них ничего не скроешь.

Лазарь сел рядом на стул и рассказал, что у него есть невеста, но он не может пока привести её в дом...

– Ну что же мы все разговариваем, – прервал он рассказ, – давай лучше позавтракаем.

– Недавно же ели. Постой-ка...

У Асят были дорогие фамильные серьги, оставшиеся ей в наследство от матери. Она сняла их и протянула Лазарю. – Возьми их, продай и чуть помогут... тебе....

Парень от неожиданности всплеснул руками.

– Да ты что, с ума сошла, почему ты меня оскорбляешь?

– Так, стало быть?.. – обиделась Асят. – Тогда я в этом доме ни кусочка в рот более не возьму.

Лазарь улыбнулся. От доброты сердечной ему снова захотелось погладить ее по голове, но холодный взгляд девушки остановил его.

– Возьми, – повторила Асят.

– Не возьму, – твердо ответил парень.

– Не возьмешь?.. Значит, ты выгоняешь меня из своего дома? – на глазах ее выступили слезы.

– Не могу я на тебя смотреть, когда ты плачешь, – сочувственно произнес Лазарь.

– Это только начало...

– Нет, Асят, я не позволю тебе плакать, уж лучше утоплюсь в проруби, чем позволю тебе лить слезы.

– Если не хочешь, чтобы я плакала, то возьми эти серьги и

устрой свадьбу, как уже сказала, хотя это мизерная помощь... но все же...

– Не бывать этому.

– Как ты не понимаешь, если у тебя не будет жены, то о нас будут судачить всякое.

– Ладно, я займу денег у друзей.

– Ах, так? Тогда я брошу эти серьги в печку, а сама уйду.

– Хорошо, хорошо. – Лазарь убедился, что она действительно готова бросить украшения в огонь, а потом покинуть его дом вместе с новорожденной дочкой. Он удивился: «Кто же смог покорить сердце этой девушки? Как он сумел взять неприступную крепость?» Лазарь представил рядом с ней знакомых парней, но никто из них не подходил. От одного гордого взгляда Асят они тушевались. Как же это случилось?!. Задумавшись, Лазарь даже не расслышал, что Асят обращается к нему.

– Возьми, это мой свадебный подарок.

Он увидел, как на протянутой ладошке блеснули золотые серьги.

– Уговорила.

На третье воскресенье в доме Лазаря появилась его невеста Зарина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выгнав из дома падчерицу, Дзерасса только заперла калитку и до ее слуха донеслось бляенье овцы. Она заглянула в покосившуюся овчарню, догадалась, что суягная овца разрешилась и обрадовалась...

Утром под лучами Солнца блестели серебряные вершины гор. Редкие снежинки лениво падали на землю, на которой ночным морозом заледенели проталины и, на них осевшие снежинки казались нежным гусиным пухом. На деревьях чирикали воробьи, и в небе порхали голуби... Дым из печных труб домов столбами поднимался ввысь и рассеивался в воздухе гигантскими конскими хвостами, изображая на фоне голубого неба великолепную панораму... А на крыше дома Астановых дымовая труба сиротливо осматривала своих веселых сородичей... А вот в хлеву у них жизнь кипела ключом, мычала корова, овцы бляели в овчарне, куры хлопали крыльями и всполошено кудахтали в курятнике, петух надрывался из последних сил, а индюки сердито клохтали: клок-клок-клок!..

Таймураз подошел к Иналовой калитке.

– Эй, хозяйева, куда вы все подевались? – постучал он в ворота.

Из окна выглянула заспанная Дзерасса.

– С добрым утром.

– Какое утро?! Скоро обедать пора...

Дзерасса повернулась, чтобы как следует отругать Асят, но вспомнила ночные события и прикусила язык. Сверкнув глазами, она все же подумала про себя: «Хорошо, что выгнала ее из дома, а то бы она ославила нас на все село». Дзерасса постояла немного в раздумье, потом укуталась в теплую шаль и выскочила во двор. Крадучись подошла к коровнику и тихо открыла дверь. Опасалась, что Асят вернулась обратно. Выйдя на улицу, она столкнулась с Таймуразом и Азой.

– Ну что, соня, проспала, как всегда! – сказал Таймураз. – Это

как раз неудивительно, но куда запропастилась Асят? – вопрос застал Дзерассу врасплох. Она замялась. На ее счастье Аза высказала предположение:

– Может, занемогла. Вчера до ночи гнала самогон.

Дзерасса вскинула голову.

– Ничего подобного. Я ее отослала к сестре в Нальчик. Пусть чему-нибудь там поучится. Я о ней беспокоюсь, хотя знаю, что без неё трудно мне в хозяйстве.

Таймураз и Аза переглянулись. Они были удивлены великодушием Дзерассы по отношению к падчерице.

Отсутствие Асят заметно сказалось на состоянии дома. В каждом углу чувствовалась нехватка заботливых рук. Некому было чистить хлев, а навозу там набралось чуть ли не по колено. Утром, пока еще держался мороз, было терпимо, а вот днем, когда пригревало солнце, навоз таял и чавкал под копытами скотины. Из курятника высыпались куры и индюки, растаскивая по двору свой грязный узорчатый след.

Саманная печь в доме потрескалась и облупилась. Потемневшая от жара и копоти кладка расшаталась. А один кирпич вообще сползал на плиту, и хозяйке приходилось задвигать его на место, словно буханку хлеба. Когда печь растапливали, едкий дым сочился из всех трещин, словно курили табак. В подвале лежала куча охристой глины, которой Асят замазывала щели в печке. Но теперь этим никто не занимался. Рядом с кучей стояли два ведра – одно для глины, другое для извести. На стене висели малярные кисти, ими тоже никто не пользовался. В комнате пол был выстелен досками из букового дерева, но он уже не отличался от земляного. Лишь прямоугольная часть под кроватью сохранила фактуру бука и свидетельствовала о том, что пол все-таки деревянный. Да и доски на этом месте были светлые, незатоптанные.

Шло время. Сельчане дивились тому, что Асят так ни разу и не объявилась дома. Не меньше удивляло их и исчезновение белого волкодава. «Чабанам его отдала», – удовлетворила лю-

бопытство сельчан Дзерасса. Что ни говори, но она все же скучала по падчерице, интересовалась ее судьбой. Встречаясь с людьми, осторожно выпрашивала у них, не слышно ли что об Асят. Однако не узнала ничего нового, поэтому собралась и поехала в районный центр – разведать, что да как. К счастью, на маленьком рынке ей встретилась знакомая из села Ногкау. Не успела Дзерасса задать тревожащий ее вопрос «что нового?», как та шепнула ей: «Только никому не говори, но у нас в селе появилась незнакомая девушка, родившая неизвестно от кого!.. Такую убить мало!» Дзерасса вздрогнула. Впрочем, чтобы товарка не заметила охватившего ее волнения, она купила у нее яблок, пожелала удачи и вернулась домой. Да, в жизни следует поддерживать со всеми хорошие отношения. Кабы не длинный язык товарки, неизвестно, сколько дней еще она томилась бы в неизвестности.

Приехав домой, Дзерасса села возле мужа и такое сообщила ему:

– Асят сбежала с каким-то кумыком.

– Как сбежала?! – поразился Инал и едва не выронил костыли. – Да еще с кумыком!..

– Просто сбежала, как обычно сбегают. Прямым ходом в Среднюю Азию подалась.

– Надо к ней послать кого-нибудь, – забеспокоился отец.

– Ну, куда ты собираешься посылать? – ластясь к мужу, спросила Дзерасса. – У твоей дочери своя голова на плечах, небось, знает, с кем и куда бежать. Говорят, этот кумык очень богат.

– Вот незадача!.. – не находит себе места Инал. – Если бы не перелом ноги, сегодня же поехал бы в Нальчик.

– Это зачем же?..

– К твоей сестре.

– Моей сестры и след уже простыл в Нальчике.

– Как простыл?

– Так и простыл. Они с мужем переехали в далекую Сибирь.

На этом дело успокоилось. Как говорится, с глаз долой – из

сердца вон. Забыли про Асят. Первое время о ней еще иногда спрашивал Мынци, но чем дальше, тем больше ее стали забывать.

Между тем однажды Диба и Кудзой, вернувшись с похорон из Ногкау, зашли к Мынци.

– Заходите! – радостно встретили их хозяева. – Погрейтесь.

Гости невесело поздоровались и сели у огня. Хозяева тоже повесили носы, полагая, что те еще не отошли от похорон.

– Ей-богу! – воскликнул Мынци. – Я бы непременно пошел с вами на похороны, но вы мне ничего не сказали!..

– Мынци, – прервал его Кудзой, теребя в руках шапку. – Вы меня извините, но я сегодня узнал очень неприятную новость. Новость эта неприятная не только для нас, но и для всего нашего села.

– Что случилось?!. – испуганно спросили Аминат и Мынци.

– То, что случилось, хуже смерти. – Кудзой помолчал. – Помните, примерно месяц назад слух прошел, будто в лесу, в ущелье Бадзи, одна девушка родила?

– Кто она?!. – спросил Мынци и испуганно взглянул на Аминат.

– Наша Асят!.. – ответила Кудзой и стукнул ладонью по колену.

– Боже правый, как день мой померк!.. – запричитала Аминат.

– Это неправда!.. – вскочил с места Мынци, – кто-то распустил грязные сплетни!..

– Правда, сушая правда, – сказал Кудзой, – лучше бы это было ложью. Хоть она мне не родственница, все же мне больно за нее.

– Опозорила она наши седые головы, – заплакала Аминат.

– Ну-ка, сходи, позови Дзерассу, только не говори ей ничего, – сказал Мынци жене.

Аминат вышла из дома.

– Даже во сне бы такое не приснилось. Чтобы такая скромная девушка, как Асят, могла такое натворить, – сокрушалась Диба.

- Натворила, еще как натворила, – сказал Кудзой. – Только кто ее соблазнил? Кто этот негодяй?!
- Боже мой!.. – ударил себя ладонями по голове Мынци. – Какой позор на мою голову! Девочка, которой я гордился... Горе мне, горе! Убить её...
- Успокойся, – произнес Кудзой. – Цари и те ошибаются. Все же интересно, кто этот мерзавец?
- Не знаю, – сказала Диба. – Может какая-то сверхъестественная сила, ведь Асят и собственной тени боялась...
- Вошли запыхавшиеся Дзерасса и Аминат.
- Невестка, – обратился к Дзерассе Мынци. – Вы вроде говорили, что Асят у вашей сестры?
- Дзерасса мгновенно смекнула, зачем ее позвали.
- К вам обращаются, – не сдержался Кудзой.
- Так, где эта девушка? – сердито спросил Мынци. – Где и кто ее обманул?!
- Дзерассу передернуло. Ее оскорбил тон деверя. Она вскинула голову и повела речь такую:
- Вместо того, чтобы спасибо сказать за то, что не прибила ее, как собаку, вы мне допрос устраиваете?!
- Почему вы мне не сообщили, мы бы сами справились с этой бедой – сказал деверь.
- Дзерасса, какая бы Асят ни была... – начал Кудзой. – Разве ее не жалко?.. Зимой в лесу...
- Бедная! – вскрикнула Диба. – Как она, представляю, мучилась!..
- Она была не одна, – сказал Кудзой, – рядом с ней был Домбай.
- Вы же сказали, – повернулся к Дзерассе Мынци, – что собаку отдали чабанам.
- Дзерасса вскинула руки, подбоченилась и тут ее прорвало:
- Я свой дом и детей своих от позора берегла, а до того, что вы сейчас тут говорите, мне нет никакого дела! – и хлопнула дверью, да так, что штукатурка посыпалась.

Родственники еще долго обсуждали положение, в котором очутилась Асят, ее судьбу, перебрали всех парней села, пытаясь вычислить соблазнителя, но без толку.

– Навестить бы ее надобно, – предложила Диба.

– Я вам навещу! – накричал на нее Мынци. – Для нас Асят больше не существует! Умерла!

Люди прознали про позор Асят, но о том, как с ней поступила Дзерасса, никто и ведать не ведал. Немало бессонных ночей провели, переживая на судьбу Асят, Таймураз и Аза. Но, в конце концов и они позабыли о ней.

Однажды между Лазарем и Зариной произошел следующий разговор:

– Что-то Асят спала с лица, – сказала жена.

– Так не разрешай ей работать.

– Разве ж она послушает! Пока я готовлю, она прибирает в комнатах, присматривает за скотиной. – Зарина подсела к мужу и понизила голос, будто их с Асят разделяла не саманная перегородка, а ситцевая занавеска. – Сегодня она попросила меня отпустить ее на улицу.

Лазарь догадался, куда та собралась идти.

– И ты отпустила?!.

– А разве я могу ей запретить.

– Ну и что?

– Ребенок даже не успел проснуться, как она вернулась обратно, – Зарина с опаской глянула на стену и продолжила шептать Лазарю на ухо. – С покрасневшими от слез глазами, распухшими, как рыбы пузыри.

Лазарю нетрудно было догадаться, что Асят побывала под ивой плакучей. Он вздохнул.

– Когда-нибудь еще она уходила?

– Еще один раз.

– Впредь, если будет отпрашиваться, то больше не отпускай ее.

– Говорю, не слушается меня.

– Послушается. Пригрози ей, что пожалуешься мне. – Лазарь обнял жену и рассказал ей о сережках. – Не хотел у нее брать, но она так меня спрашивала, что не мог я их не взять.

– Значит, ты женился на мне и свадьбу сыграл за счет сережек этой бедной девушки?

– Нет, – покачал головой Лазарь. – Я одолжил деньги.

– А где же сережки?

– Спрятал.

– Как хорошо ты сделал, дорогой. Верни их.

– Это не так просто.

– Почему? – удивилась жена.

– Разве не видишь, какая она?

– Да, ты прав. Но все же она замечательный человек, – согласилась с мужем Зарина. – Ты что, не слышишь? – тронула она его за руку.

От этого прикосновения Лазарь вздрогнул.

– Слышу...

– А давай скажем, что выкупили их обратно у ювелира.

– Пожалуй, можно, – согласился Лазарь. – Очень хорошо, ей-богу, я бы не додумался до этого.

– Много денег мы еще должны?

– Нет, немного. Продадим бычка, и пусть твои болезни так же исчезнут, как исчезнет долг.

– Я тоже у родителей возьму. Вот уже два года мы живем вместе, а ты, почему-то, мне ни разу не сказал, что у нас долг.

– А чего тебя зря беспокоить.

Лазарю пришлось по душе щедрость жены, ее сочувствие.

В конце-концов, супруги договорились вернуть Асят украшения. Однако они прекрасно понимали, что это нелегко сделать, поэтому тянули до последнего.

Асят давно хотела съездить в город. Но не смела просить разрешения у Лазаря. И все же однажды решилась и высказала свою просьбу.

– Ну и что тут такого? – подбодрила ее Зарина. – Конечно, поезжай.

Асят ждала решения Лазаря.

– Поедешь, – сказал Лазарь, – вот только прикуплю тебе кое-что.

– Мне ничего не надо. Я же не красоваться туда еду.

Супруги согласились с ней. Она лучше знает свою жизнь, свои дела.

В один из последних январских дней она оделась в свою старую одежку. Супругам неприятно было отпускать ее в таком виде, но, они сдались.

О ребенке не переживай, – сказала Зарина и взяла на руки дочку Асят Светлану.

– Всякое может случиться. Если вдруг я не вернусь сегодня, то не беспокойтесь обо мне

– Счастливого тебе пути, – попрощались с ней Лазарь и Зарина.

– Как оборванка выглядит, – хмуро проговорил Лазарь.

– Ты ей денег на дорогу дал?

– Дал, – еще больше нахмурился муж. – Денег-то я ей дал, только один бог знает, куда она подалась.

К полудню Асят добралась до центральной улицы города. Она знала, что Сослану три года служить в Армии. Он ее предупредил при последней встрече. Остановилась у его же дома. В стеклах двух окон и входной двери отражались лучи солнца. Возле двери возвышалось деревянное крыльцо. Она засмотрелась на окна, но поняла что нехорошо пялиться на чужой дом. Приблизилась к крыльцу и села на нижнюю ступеньку лестницы. Она закашлялась и не сразу обратила внимание, что дверь за ней открылась. Не поднимая головы увидела, как по ступенькам спускаются крепкие мужские ноги, обутые в начищенные до блеска черные ботинки. Она узнала ноги дорогого ей человека. Мужчина спустился по ступенькам, проследовал мимо нее к окну. И Асят услышала до боли знакомый голос:

– Сафят, ради бога, тут у нашего порога сидит нищенка, вынесли ей что-нибудь.

– Хорошо, – отозвался из окна протяжный женский голос.

Мужчина легкой походкой направился вверх по улице. Асят, не спеша, подняла голову и проследила взглядом за ним. Она узнала подтянутую фигуру Сослана в военной шинели. На поясе – туго застегнутый офицерский ремень. От этого плечи его казались еще шире. Слезы обиды подступили к горлу. Заметила на ступеньке след от его ног, накрыла его ладонью: «Сослан, как же ты меня не узнал?.. Не бойся. Не буду мешать».

Сослан удалялся. Глядя ему вслед, Асят мысленно спросила его: «Я тебя не беспокою, только скажи, до каких пор мне жить в чужом доме? Что делать?.. И этот проклятый кашель одолевает все больше и больше. Когда подрастет твоя дочь и станет интересоваться – кто ее отец, что мне ей ответить? Что ей сказать?» – Она закашлялась снова, прижалась к поручню. Тут отворилась дверь, выглянула приятная женщина в мягких домашних туфлях и красивом цветастом халате. В руке – кусок хлеба.

– Вот, возьмите, – сказала она.

Закашляв, Асят взяла хлеб и положила его за пазуху и кивком головы поблагодарила хозяйку. Она пожалела ее и взяла за руку.

– Заходите в дом, попейте теплого молока. Вам легче станет.

Асят послушным ягненком последовала за ней.

– Садитесь, поешьте чего-нибудь, – захлопотала на кухне хозяйка.

Гостья сидела как на колючках. Из открытой двери кухни видна была комната, слева кровать, в которой спал ребенок. Рядом с кроватью стоял комод. На комодe несколько фотографий Сослана. Как бы незаметно забрать одну из них. Ведь ради этого она и шла в город. Сафят поставила на стол тарелку с борщом, кружку молока, не хватало только хлеба. Она ждала, когда нищенка достанет из-за пазухи свой кусок, но...

«О боже! – взмолилась про себя Асят. – Как много у тебя благ!»

– Понимаешь, – сказала Сафиат, – у нас хлеб кончился, не знаю, что делать.

Асят молчала.

– Ох, – вздохнула Сафят, – ты к тому же еще и немая. – Накинула на плечи пуховой платок. – Возьму у соседей, – попыталась она объяснить руками.

Когда она вышла, Асят подбежала к комоду взяла фотографию, на которой Сослан был без головного убора и смотрел прямо – глаза в глаза. Рубашка на нем была в мелкую полоску, верхняя пуговица расстегнута. Она спрятала фотографию за пазуху, прямо возле сердца, глянула на спящего мальчика и вернулась на место.

Вскоре пришла хозяйка.

Асят для видимости поела немного.

– Поешь ещё, – предложила Сафят.

Гостья отрицательно покачала головой. Поблагодарила кивком головы и вышла. Повеселев, будто за пазухой хранился источник жизни и счастья, она прибыла на железнодорожный вокзал. Там, уединившись, долго разглядывала фотографию. Затем вышла на улицу. Ноги сами несли ее опять к дому Сослана.

Однако она прошла мимо, проследовала дорогой, по которой давеча удалился Сослан. «Если я с ним еще раз встречу, то обязательно заговорю», – думала Асят. Так она добралась до кинотеатра «Ленинский Октябрь». До начала сеанса оставалось около получаса. Чтобы убить время, принялась разгуливать туда-обратно.

Вдруг она увидела Дзодзиковых, весело и беззаботно шагающих по улице, – Сослан в своей шинели, на руках у него сынишка, ухоженный, хорошо одетый. Рядом с ним его жена в дорогой шубе и сверкающих сапожках на высоких каблуках. Асят понуро последовала за ними, не замечая никого вокруг. Прохожих было много. Дошли до кинотеатра. Сослан открыл дверь, пропустил вперед жену.

«А я, – подумала Асят, – как же я? Кто я для него? – и сама же

ответила себе: – Никто!» Хотела повернуть обратно, но неожиданно для самой себя очутилась в кинотеатре. «Будь что будет», – решила она и купила билет на крайнее место самого последнего ряда. Сослан с женой расположились в середине того же ряда, где сидела она.

Внезапно Сослан встал, посадил сына на свое место, а сам двинулся в сторону Асят. Она наклонила голову, чтобы ее не узнали. Через некоторое время он вернулся, прошел мимо нее. Добравшись до своего кресла, передал жене сверток и взял на руки сына. Глядя на них, сердце ее сжалось от печали. Какая же она счастливая! Смотрите-ка на нее, смотрите, как размахивает руками! Интересно, чего это она так распалилась, аж искры сыплются! Может, ей не понравились конфеты? Асят даже не помнит, когда последний раз пробовала конфетку или печенье. Она и не предполагала, как больно наблюдать за чужим счастьем. Разумеется, знала, что у Сослана есть семья, что он принадлежит другой женщине, запрещала себе думать о них, и все же сегодняшняя встреча оказалась для нее совершенно неожиданной. Сердце ее ныло от близости дорогого ей человека с чужой женщиной.

К чему ей это кино? Зачем оно ей нужно было?!

В зале погас свет. Начался фильм. Но Асят не смотрела на экран. Она не сводила глаз с Сослана. Сидящий за ним человек что-то сказал ему, тот обернулся, кивнул головой и снял шапку. Асят оглядела зал. Море голов, но взгляд упрямо возвращался к родной непокрытой курчавой голове Сослана.

Асят вспоминала встречи с Сосланом, настолько погрузилась в воспоминания, что не заметила, как в зале вспыхнул свет. Зрители, сидевшие каменными статуями, зашевелились и направились к открытым боковым дверям зала. Она тоже встала. Отошла в сторону и стала наблюдать за Сосланом. На руках сын, жена демонстрирует, какая же у них дружная семья. Асят едва ли не вслух произнесла: «Все равно я тебя люблю сильнее. Никогда не забуду твой нежный взгляд. Для меня большое счастье,

что я хоть очень короткое время с тобой дышала тем же воздухом, что и ты. А дочку твою я поставлю на ноги...»

Когда вышли из кинотеатра, на город уже опускались по-зимнему туманные сумерки. Тщетно высматривала в толпе Сослана, но его нигде не было видно.

Она прижала к груди фотографию и устремилась к вокзалу на алагирский поезд.

Жизнь непредсказуема и интересна. У нее свой ход, свои правила, законы. Ничто не проходит бесследно. Время идет, его не остановить... Вот и дочке Асят исполнилось два года.

Однажды Таймураз возвращался из Алагира домой. Дорога шла вдоль леса. Весной он решил построить новый сарай, поэтому высматривал необходимый лесоматериал. Справа, подступив прямо к лесу, находилось село Ногкау. Таймураз загляделся на прямой ствол бука, прикидывая, на сколько досок его хватит, как вдруг ему на грудь легли огромные собачьи лапы. Таймураз сначала растерялся, решив, что на него напал волк, но тут же узнал соседского волкодава и радостно воскликнул:

– Домбай, Домбай, где ты пропадал?!

Собака отбежала в сторону, потом вернулась, снова отбежала, как будто приглашала его последовать за ней.

– Ты здесь живешь поблизости?! – Таймураз осмотрелся.

Неподалеку он увидел невысокий дом, выложенный из самана, с окнами на лес. Во дворе в сарае стояла бричка и две лошади, лениво жующие сено.

– Домбай! – услышал Таймураз чей-то голос, – Домбай!

Из дома на улицу вышел мужчина.

– Добрый день, – поздоровался Таймураз.

– Добро пожаловать, заходи в дом, – пригласил Лазарь, – гостем будешь...

Они обменялись рукопожатиями и познакомились.

– Я испугался, что собака тебя покусает.

– Не бойся, она меня не тронет, – улыбнулся Таймураз. – Это ваша собака?

– Да, да, – нехотя ответил хозяин.

Тон его ответа насторожил Таймураза и он спросил:

– Вас не удивляет, почему он ластится ко мне?

Лазаря это не удивляло. Он прекрасно понимал, что Домбай, даже птицу не пропускающий мимо, но раз ластится к человеку, значит, он для него не чужой. Только кто он? Можно ли ему доверять, если даже он односельчанин Асят? Однако спросить прямо было бы неловко.

– Сделай одолжение, переступи наш порог, – еще раз пригласил Лазарь.

– Благодарю, – с готовностью принял приглашение Таймураз.

Вскоре они сидели за небольшим круглым треножником, за которым осетины принимают гостей, и увлеченно беседовали.

Гость смекнул, что в этом доме что-то знают об Асят.

Хозяин тоже догадался, что человек, которому так обрадовался Домбай, или хороший знакомый, или близкий родственник Асят. Но ни гость, ни хозяин не решались расспросить друг друга. Разговор шел общий – о том, как с каждым годом улучшается жизнь... Однако оба готовились к главному вопросу. Лазарь решил про себя, что может доверить гостю тайну Асят. Он долго внимательно смотрел ему в глаза, потом в шутку спросил:

– Вы бы не купили золото своей жене?..

– Какое еще золото?! – опешил Таймураз. – У нее есть украшения...

– Показать вам? Я задолжал, а то бы ни за что не продал эти серьги. Лазарь вынес из соседней комнаты белый полотняный узелок и стал развязывать его.

– А-а-а! – воскликнул Таймураз и брови его взлетели кверху, как ласточки. Он взглянул на хозяина и прямо спросил:

– Где вы их взяли?!

Хозяин не отводил печальных глаз.

– Мне их дала та, кому они принадлежали...

– Асят?! – удивленно спросил Таймураз.

– Асят... – кивнул хозяин. – Я смотрю, вы для этой девушки не посторонний человек.

– Она моя близкая соседка. Где она?!

И тут Лазарь рассказал гостью все о ней, только о иве плакучей, о месте рождения ребенка умолчал, так как дал слово.

– Мы жили очень дружно. Только она опасалась пересудов, – сокрушенно вздохнул Лазарь. – И, правда, о ней всякие сплетни стали распускать. Бывало, заметит двух женщин разговаривающих о своем, и говорит с болью, дескать, опять обо мне судачат...

Таймураз слушал Лазаря и иногда удивленно ударял кулаком по коленям. В конце концов, он не выдержал и спросил:

– А где она сейчас?!

– Я все думаю, может, она в ту ночь застудилась, – сказал Лазарь. – Мы с женой корим себя – не досмотрели. Но врачи сказали, что эта болезнь легких к ней раньше пришла. Честно говоря, мы тоже виноваты, Асят кидалась делать любую работу, но быстро уставала, обливалась потом. А мы не придавали значения. Чем дальше, тем сильнее и сильнее кашляла. Ночами сильно потела... Возили ее к врачу, тот выписал ей какие-то лекарства, но они не помогли. На ее счастье, в село приехала машина с рентгеном, диспансеризация, называется. Собрали всех, взрослых и детей, проверили... Сейчас Асят лежит в больнице.

– А где ребенок?

– Врачи не оставили ее! За ней нужен специальный уход, вот и забрали в детский дом. Мы, конечно, не хотели отпускать ее. Таймураз в порыве благодарности сжал руку Лазаря.

– У вас большое, доброе сердце. Ведь вы запросто могли принять ее за ведьму, как говорят у нас в горах. – Замялся. – Они бы точно замерзли в поле.

– Теперь сделаем так. Продадим эти серьги и когда Асят выйдет из больницы, отправим ее лечиться в Крым, – предложил Лазарь.

- Отдай их Зарине, пусть носит на здоровье, – сказал Таймураз, вытирая платком повлажневшие глаза.
- Боже упаси от такого зла!.. – всплеснула руками Зарина. – Лучше вернуть ей самой...
- Их нелегко вернуть, – сказал Лазарь. – Верите, Таймураз, не смеем мы вернуть ей её же серьги ...
- Верю, – согласился с ним Таймураз. – Если бы вы знали, какая она девушка!..
- Знаем.
- Удивительная она, – произнес Таймураз. – От кого?.. Если бы даже своими глазами видел, все равно бы не поверил. Такой сдержанной и скромной девушки, как она, не было в селе! И вот... – пожал плечами. – Ничего не пойму, – и снова плечами дернул.
- Таймураз рассказал историю Асят, придуманную Дзерассой, как та якобы послала ее учиться в Нальчик и как ее потом похитили.
- Это нехорошая женщина, – сказал Лазарь.
- Таймураз не мог сдержать слез.
- Голова кругом ходит, некого даже заподозрить...
- Мне бы не хотелось оказаться на месте парней вашего села.
- Бедные парни понятия ни о чем не имеют, а их подозревают, – вставила Зарина.
- Вы правы, – сказал Таймураз. – Повидать бы ребенка, глядишь, по внешности определим.
- Большие люди и те ошибаются, – сказал Лазарь. – Меня удивляет то, что в течение двух лет ни одна птица не тронулась с места, чтобы отыскать ее следы.
- Если бы вы знали, сколько труда вложила эта девушка, сколько неприятностей пережила она в этом доме. А мачеху впору привязать к конскому хвосту! – с горечью проговорил Таймураз.
- Таймураз, – пристально посмотрел ему в глаза Лазарь –

Может, она по-своему права. Я слышал, в таких случаях, чтобы скрыть позор, даже убивали ребенка, и даже мать – родившую его...

– Ну, она ведь не такая девушка...

– Теперь это неважно, она ошиблась... Хотя все знают, что она, как ребенок, чистая душа... Но именно такие чистые души и ошибаются...

– Я благодарен вам, Лазарь, за все ваши добрые дела. А за то, что вы правильно понимаете ее, особо признателен. Если вы не против, то я хотел бы называть вас братом.

Лазарь ответил:

– Сказать «брат» не трудно, только в жизни эту ответственность нести нелегко. Если понадобится вам – всегда буду рядом.

Они пожали друг другу руки. Солнце еще было высоко, когда Таймураз засобирился домой. Лазарь попросил его:

– Таймураз, постарайся, чтобы в вашем селе об этом ничего не узнали.

– Я только этой женщине скажу два «теплых» слова.

– Не говори ей ничего, ради Бога.

– Это не человек.

– Таймураз, я понимаю, с сегодняшнего дня вам трудно будет поддерживать прежние отношения с той соседкой Дзерассой... Об одном прошу, сохраните сдержанность. Человек живет верой. Я когда увидел, как Домбай радуется встрече с вами, подумал: «Вот, сам пришел человек, которого я так долго искал».

– Но вы все же устроили мне проверку с этими сережками! – засмеялся Таймураз.

– Да, устроил, – согласился хозяин. – Как же иначе. Но то, что их следует продать, вопрос решенный.

– Решенный, – кивнул гость. – Так будет лучше, а то если узнает, что на вашей свадьбе не было ее вклада, в ваш дом она больше никогда не войдет.

– Разве я не рассказывал о том, как она хотела бросить серьги в огонь и уйти из дома?

– Рассказывали, – ответил Таймураз. – Не сомневайтесь, ушла бы, и глазом бы не моргнула. Под страхом смерти ушла бы.

Через некоторое время из Ногкау катила бричка, запряженная двумя сытыми гнедыми лошадьми. Мужчины, которые несколько часов назад даже не были знакомы, теперь сидели рядом в бричке и оживленно беседовали. На сиденье для удобства Лазарь постелил свой тулуп. Как только бричка проехала колхозный сад, хозяин осадил лошадей.

– Я дальше не поеду, извините...

– Как так?!. – удивился Таймураз, – отведайте хлеб-соль в моем доме!

– В другой раз, – Лазарь положил руку на плечо Таймуразу. – Простите меня...

Они распрощались. Один поехал обратило на восток, другой зашагал на запад.

+ Аза почувствовала, что муж чем-то очень расстроен. Она с нетерпением ждала, пока вся семья уляжется спать. Но время, как назло, тянулось медленно. Пока старшие сидят за столом, они не могли говорить... По его глазам она видела, что он что-то скрывает. Наконец все улеглись спать, она закрыла дверь и спросила:

– Таму, что с тобой? Что случилось?!.

Муж обнял жену и проговорил:

– Аза, поклянись, что никто никогда не узнает то, о чем я тебе расскажу, что даже случайно твой язык не проронит ни слова об этом.

– Ты что, так и не узнал меня за эти годы?!.

– Ладно, – ему вспомнились слова Лазаря: «Человек живет верой, я верю, что вы сохраните тайну!» Однако они сели на постель, и Таймураз выложил ей всё про Асят, ни слова не тая. Аза от волнения сжимала локоть мужа. – Вот такие дела, мое солнышко! – вздохнул Таймураз.

– Бедняжка, – заплакала Аза.

– Надо навестить ее в ближайшее же время.

– Когда? – с готовностью спросила Аза.

– Да хоть завтра.

– Хорошо.

В начале марта Таймураз с женой поехали к Асят. Больница находилась в центре города...

В комнату посетителей к ним вышла одна симпатичная женщина лет сорока в теплом халате и жакете, а на ногах – мягкие, домашние сандалии...

Поздоровались. Она и сообщила им, что Асят на процедурах...

– Меня Люба зовут, – представилась она. – А вас?!. Да садитесь, пожалуйста.

Они с Азой сели на кушетку, а он сел рядом на стул. Он, сконфузившись, указал на свою жену.

– Супруга моя – Аза, а я – Таймураз...

– Очень приятно с вами познакомиться! – улыбнулась она. – А кем вы доводитесь Асят?

– Соседи... – ответил он... – соседи, мы вместе выросли в селе...

– Хорошие вы люди, что нашли время навестить ее. Только Лазарь и Зарина приходят к ней.

Таймураз и Аза переглянулись, не могли же сказать, что ничего не знали о ее местонахождении...

Подумав минуту-другую, он промолвил:

– Мы очень виноваты перед ней, но исправимся...

– Верю, – с улыбкой сказала Люба.

Аза спросила:

– Как она... и лечат-то как?..

– Грех жаловаться. Спасибо докторам... Но все знают, что наша болезнь коварная. Требуется долговременного лечения. Я вот, например, уже полгода лечусь, вроде здоровая, но нет – предстоит санаторное лечение. После этого пошлют в Киргизию лечиться кумысом. Есть и больные легкой формы, и слава Богу! Они после лечения даже заводят семьи... Как я погляжу

на вас, вы ей как родные... и скажу вам откровенно, что ваша Асят очень хорошая и серьезная... Лазарь и Зарина принесли ей большой клубок овечьей шерсти, домашней пряжи. И, что вы думаете? Она первым делом связала носки одинокой старушке из соседней палаты. Потом – мне... И всем по нашей палате. Вот, – показала она на свои белые носочки...

– А себе?.. – спросила Аза.

У ней самой были хорошие, теплые носки, Зарина ей принесла с теплым шерстяным свитером. Но и себе тоже связала. Здесь многим парням она нравится, но она их даже не замечает. Они ей объясняются... а она идет себе... Просят погулять, по двору среди бела дня, но никакого внимания на них не обращает. Лучше порукodelьничает, повышает, или почитает книгу. Я тоже читаю, ведь я учительница литературы и языка. – Она вздохнула и обратилась к ним: – я вас не утомила?..

– Нет, нет! Что вы?!. – сказал Таймураз.

Аза покачала головой, мол – нет.

– Здесь в больнице, есть шестимесячные курсы медицинских сестер. Асят поступила на эти курсы. И что вы думаете? – учится очень даже успешно...

Таймураз, уловив паузу, сказал:

– В руках Асят не только вязальные спицы и иголка умело играют, но и все орудия труда по хозяйству. За что не возьмется – все спорится в ее хрупких руках...

Люба снова посмотрела им в глаза и произнесла:

– Простите меня за бестактность, но... как могло случиться с такой воспитанной девушкой то, что случилось с ней?.. Как говорится: «Никто ни от чего не застрахован...»

Открылась дверь и вошла сама Асят. Все трое встали. Она, увидев, дорогих ей людей, ахнула... Лево́й рукой обняла Таймураза, а правой – Азу...

А Люба, долго не думая, обхватила всех троих...

Асят выписалась из больницы. Лазарь и Таймураз собрали необходимую сумму денег и отправили ее в Крым. Выйдя из

больницы, она сразу же наведальась в детский дом, но дочку там не застала, детей вывезли в летний лагерь. Она очень переживала, что не смогла повидаться с дочерью, но пришлось ехать лечиться в Крым.

В годовщину свадьбы Зарина родила дочь. Чтобы доставить Асят приятное, они с Лазарем написали ей письмо, в котором просили дать дочке имя. В один из дней они получили из Крыма ответ: «Диана, по-моему, очень красивое имя», – писала она.

Здоровье Асят стало значительно лучше, но оттуда ее направили в Киргизию, где болезнь легких лечили, как сказала Люба, кумысом. Лазарь и Таймураз занялись продажей сережек.

Толстый ювелир Садо, не скрывая радости, купил у мужчин серьги. Не успели Таймураз с Лазарем покинуть мастерскую, как ювелир спрятал сережки за пазуху. А через две недели в далекой Киргизии Асят получила денежный перевод.

+ / Сослан остался служить в рядах Красной Армии. Танковый полк стоял под Владикавказом. Дзодзиков, как военный человек, часто не ночевал дома. В эту ночь он тоже был на службе. После ужина Сафят уложила спать Анну и Артура, а сама села читать книгу. В окно раздался стук. Она подняла голову и прислушалась. Стук повторился. Накинула длинный теплый халат и кошачьей походной направилась открывать дверь. В комнату юркнул ювелир.

– Какими судьбами?! – удивленно спросила женщина, так как сегодня она его не ждала, поскольку не договаривались о встрече.

Садо хитро усмехнулся и сунул правую руку за пазуху.

– Закрой глаза, моя золотая, я тебе кое-что принес.

Она привыкла получать от него дорогие подарки. Надобно сказать, что она вот уже который год не обходила ювелира своим вниманием.

– Не открывай пока глаза, дорогая! – тянул время. Он вел себя так, как будто находится в своей, а не в чужой спальне.

– Ну, живее! Я умираю от любопытства, – пританцовывала от

нетерпения Сафят. В конце концов, она не выдержала и вцепилась ему в руку. Ювелир поднес к лампе сжатый полный кулак.

– Смотри...

На ладони Садо при тусклом свете лампы сверкали серьги, похожие на два маленьких сердечка.

– Какая прелесть!.. – воскликнула женщина.

– Такие сережки ты даже краем глаза никогда не видела, – гордо произнес он. – Это очень старинные сережки, выполнены замечательным ювелиром. И золото тоже высшей пробы.

– Спасибо, – сказала она и стала надевать украшения...

В этот момент в дверь постучали. Мужчина и женщина отпрянули друг от друга. Сверкнув глазами, Сафят сунула серьги под матрац, а Садо юркнул в сундук, расположенный в левом углу комнаты.

Первый раз ему пришлось прятаться в сундуке, когда еще Артур не родился. Тридцатилетний толстяк, чуть дыша, затаился на дне сундука, придерживая рукой крышку. Сафят выбежала навстречу мужу.

– Ты еще не спишь? – спросил Сослан.

– Как хорошо, что ты вернулся, – воскликнула жена, делая радостное лицо, будто все глаза проглядела в ожидании его.

– Зашел забрать книгу товарища, – он взял из книжного шкафа военный учебник.

Душа Сафят от страха ушла в пятки.

– Ну, пока, спокойной ночи, – попрощался он.

– Боже мой, когда только утро наступит, – плаксиво скорчив лицо, сказала Сафят и прижалась к его плечу.

Сослан пожалел жену и посоветовал ей:

– Ложись спать, а то завтра до обеда не встанешь.

– Я еще немного почитаю, – ответила она. – Вот, интересную книгу достала.

Уже давно не слышно было шума мотора автомобиля, на котором и уехал Сослан, а Сафят все еще стояла у двери с бешено колотящимся сердцем...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Доциевы хотели сына, и когда в доме раздался пронзительный плач дочки – Мадины, отец двух девочек Марклен, опечалился. Однако дети росли крепкими, ухоженными. Отец души не чаял в младшей дочери, иногда ловил себя на мысли, что если бы родился сын, то любил бы его не так сильно.

Дети не ладили между собой, играли порознь. Младшая любила играть одна. Войлочные куклы ей быстро надоели, и она их бросала. Стала уходить за сарай, где сама лепила из глины кукол. Вылепив несколько фигур, она клала их на доску, и несла под навес. Отцу нравилось наблюдать за ее игрой. А мать ругалась, чтобы та не возилась в грязи. Но отец защищал ее, дескать, пусть играет, она же убирает за собой. Когда куклы высыхали, то девочка перевязывала им руки или ноги.

Бывало и так, что конечности отваливались от туловища. Тогда она прикрепляла их с помощью спичек. А порой некоторые куклы оставались вообще без рук и ног. Они лежали перевязанные.

Когда отец спросил, почему она не играет в тряпичные куклы, Мадина серьезно, по-взрослому, ответила: «Их раны очень трудно лечить».

Отец подумал, что, возможно, из нее получится хороший хирург. Между тем игры младшей дочери раздражали мать. Мадина не оставила в доме ни одной белой тряпочки. Все куски израсходовала на повязки. Однажды, когда «перевязочный материал» весь вышел, она порезала на бинты новую наволочку. Чтобы как-то снизить ущерб, а вместе с тем умерить раздражительность супруги, отец семейства предложил Мадине перевязывать больных не только белыми, но и другими тряпками. Но она не согласилась. Тогда отец пообещал дочери купить настоящие бинты, специально съездил в город и привез их оттуда.

Ему очень хотелось приобщить Мадину к врачебному искусству, свозить в больницу, но не удавалось. К счастью, в село од-

нажды пришла красивая крытая машина – рентген. Отец попросил врачей показать дочери некоторые медицинские инструменты, продемонстрировать ей работу рентгеновского аппарата, чтобы она сама увидела на экране человеческие органы. Но врач объяснил ему, что рентгеновские лучи довольно опасны для детей, и лучше не шутить с ними. Тогда он взял дочку за руку и вывел из машины. Ничего, вот выдастся свободное время, и свозит ее в настоящую больницу. Там-то он покажет Мадине и операционную и, перевязочную. Чай, не машина какая-то, а целая больница. Но человек предполагает, а Бог располагает. Как-то, волоча за собой копну сена, он сорвался в пропасть и насмерть разбился...

Время шло.... Однажды летом, когда Солнце было в зените, Мадина с книгами под мышкой спешила в мединститут. На ней было простенькое, но добротное сшитое платье в зеленый цветочек. Волосы заплетены в косу и уложены на затылке. На ногах осетинские чуйяки из черного сукна. И чуйяки, и платье были изрядно поношены. Цветочки на плечах выгорели под солнцем и едва различались. Выцвели и чуйяки, они были скорее пепельными, чем черными, а сафьяновые треугольники на носках потрескались и тоже приняли серый цвет.

Мадина сдавала экзамен после обеда. На ходу листая книгу, она никого не замечала вокруг и наталкивалась на прохожих. Когда повернула в сторону института, то почувствовала, как шов на обуви разошелся, и пальцы правой ноги коснулись горячего асфальта. Она сняла чуйяк и, хромя, подошла к изгороди. Вдоль плетня рос густой лядвенец, настолько густой, что, казалось, даже змея не проползет сквозь него. Мадина сорвала с лядвенца толстую длинную иглу и проколола подошву. Осталось найти – чем скрепить разошедшуюся обувь. С внутренней стороны плетня на её счастье висел моток медной проволоки. Мадина просунула в щель свои тонкие пальцы и достала проволоку. Затем отломилась небольшой кусок, продела в дырку, стянула подошву с тканью и закрепила проволоку. Ремонт чуйяка

занял немного времени. Ходить в такой обуви было не очень удобно, к тому же концы проволоки торчали, как тараканьи усы. Некрасиво, конечно, да что поделаешь, если нитка лопнула на горячем асфальте.

За десять дней абитуриенты сдружились. Вдруг Мадине слышалось, будто кто-то ее окликнул. Она оглянулась и увидела, что ей машут руками, дескать, быстрее. Это были товарищи по вступительным экзаменам.

Мадине хотелось ускорить шаг, но порванный чувяк не давал этого сделать. Когда она присоединилась к ним, то один парень из них взглянул на ее обувь и, сохраняя невозмутимый вид, указав остальным на ее чувяк, произнес:

– Мадина очень серьезно подготовилась к физике, видите, у нее из правой ноги даже антенны торчат.

Молодежь захохотала. Мадина не обратила на это никакого внимания, пусть смеются. Она хоть босиком готова предстать перед экзаменационной комиссией, лишь бы сдать экзамен.

+ / Прошло шесть лет. Мадина окончила медицинский институт, и тем же летом вышла замуж за известного в городе ювелира Садо.

Началась полная забот и тревог трудовая жизнь Мадины: с одной стороны она неустанно боролась с недугами людей, с другой – тянула семейную лямку. Многое ей пришлось вынести на своих хрупких плечах: ночами сидела возле больных, проводила операции, и в жару и в холод, где пешком, а где и на арбе, спешила к страждущим. Одним словом, она была довольна своей работой. Единственное, что тревожило ее то, что у них не было детей. Сначала она пеняла на большую загруженность, на усталость, и даже временно сменила работу – врачом в детский дом. Однако на новом месте ей не понравилось, работы практически не стало. Но делать нечего, надо было терпеть. Зато детей она любила беззаветно. Никогда не спешила домой, оставалось то с одной группой малышей, то с другой...

Однажды она вернулась домой радостная. Скинула пальто и

прошла в комнату. Садо сидел на диване и удивленно взирал на неё. Давно он не видел ее такой счастливой.

– Что случилось, какая радость свалилась нам на голову? – спросил Садо. – Может, у нас мальчик родился?

– Девочка, Садо, девочка! – поправила его Мадина.

– Ты что, с ума сошла?

– Нет, не сошла!

– погоди, я спрашиваю, какая радость?!. – Садо встал с дивана и заглянул жене в глаза.

– Садо, я нашла девочку, замечательную девочку, – проговорила Мадина, сияя от счастья.

– Что?!. – всплеснул руками муж. – Я сразу догадался, почему ты пошла работать в детский дом!..

Мадина обхватила руками свои плечи и, немного помолчав, сказала:

– Во-первых, я пошла туда не для того, чтобы найти себе ребенка. Во-вторых, тебе давно пора понять, что я человек военный, подневольный. Куда меня пошлет государство, туда я и должна идти...

– В каждой стране есть военные...

– Дай мне договорить.

– Знаю, что ты хочешь сказать, не впервой говорим об этом.

– Выслушай меня, – ласково обратилась Мадина к нему, пытаясь убедить его, но мужчину, который не любит свою жену и имеет любовницу, не проймешь лаской. Его тошнит от этих ласк.

– Ты мне зубы не заговаривай...

– Я же тебе еще ничего не успела сказать. Послушай, ты не представляешь, какая это замечательная девочка!

– И слушать не хочу!

– Ты хоть раз меня можешь послушать, я тебе расскажу...

– Нет, не буду я тебя слушать, мне не нужен чей-то подкидыш, – твердо сказал муж и, схватив пальто, выбежал на улицу.

Мадина расстроилась, села на диван и задумалась.

Сегодня судьба свела ее с детьми младшей группы. Она

играла с ними, возилась, нянчилась. В стороне от всех стояла чернявая девочка. Брови у нее были нахмурены, плечи опущены, кулачки крепко сжаты, левая нога выставлена вперед – она стояла так, будто готовилась отразить нападение. Мадина подхватила девочку на руки. «Ах ты мое маленькое солнышко, черноглазая ты моя красавица!» – стала покрывать ее пухлые щечки поцелуями. Хотела было сесть на маленький стульчик, но передумала и вместе с ребенком побежала к себе в кабинет. Ласково говоря, усадила перед собой на стол и принялась внимательно разглядывать её черные смышленные глаза с длинными загнутыми ресницами, придававшими девочке удивительное очарование. Тонкие брови, – прямой носик, красные губки – вся внешность свидетельствовала о том, что родители у нее красивые. Мадина поняла, что девочка не напрасно сжала кулачки, и чтобы разжать их, протянула ей блестящий стетоскоп, но девочка не взяла.

– Ты явно не врач, я это вижу, кто же ты у нас? Главное, будь человеком, – сказала она.

Мадина посадила ее к себе на колени, протягивает то одну вещь, то другую, а девочка бросает все на пол. Потянулась к красному карандашу. Мадина дала ей карандаш. Взяв карандаш, она тут же попросила бумагу.

Мадина засмеялась.

– Тебе нужна бумага? Ах, ты моя красавица! – протянула ей листок.

Получив бумагу, она стала вертеться, проситься на пол. Мадина Маркленовна усадила ее за столик и она стала малевать на листочке какие-то каракули. Она смотрела на нее с улыбкой: «Моя она, моя, никому ее не отдам!» – и поцеловала ее в щечку.

– А как тебя звать?

Девочка не ответила.

Несколько попыток узнать ее имя не увенчались успехом, ребенок не обращал на нее никакого внимания. Решила спросить еще раз:

– Ты кто?..

Наконец девочка взглянула на нее:

– Я Света.

– Света? О, глупая моя голова! – воскликнула Мадина и, подвинувшись к столу, начала копаться в картотеке. Нашла нужную карточку и прочитала:

– Донхарисова Светлана Сослановна... Мать больна...

– Заберу ее, заберу. Умру, но ни за что не оставлю.

Мадина вскочила, решила бежать в детский дом, и побежала бы, но что скажут коллеги. Она не находила себе места. Завтра же! Ни днем позже! Завтра она будет у нее дома. Разве она виновата, что ей так хочется ребеночка?

Но оказалось, что не так-то просто удочерить девочку. Прошел целый месяц. Но это же естественно – ведь сначала ребенок должен привыкнуть к ней. Между тем, теплота души и любовь к детям не были растрочены впустую. Сбылись ее мечты. Мадина узнала, какие игрушки больше нравятся Свете, и стала покупать именно их. Девочка любила куклы, со светлыми волосами и голубыми глазами. Она купила ей такую же куклу – ростом с нее. Но в детдом не отнесла, а оставила дома. Когда она убедилась, что девочка достаточно привязалась к ней, а документы уже были готовы, то решилась на последний шаг. Настал счастливый день в ее жизни – вечером вместе со Светланой они переступили порог своего дома.

В прихожей она сняла с нее пальто и теплые ботинки, вымыла ей руки. Затем надела ей на ноги теплые домашние тапочки и завела в комнату, где девочку ждала красивая светловолосая кукла с голубыми глазами. Огромная кукла, словно живая, стояла у стены.

– Светлана, это тебе, – сказала Мадина.

Девочка побежала к кукле и стала радостно обнимать ее.

– Пойдем, покушаем сначала, – сказала она и наклонилась к ней.

В это время открылась входная дверь, и в дом вошел Садо.

Мадина понимала, что ее ожидают большие неприятности, и внутренне готовилась смягчить назревающий конфликт.

«Не нужен нам чужой ребенок! – вспомнила она окончательное решение мужа. – Вырастишь ее, воспитаешь, а она все твоё добро разбазарит!» Ну что же, – думала она, – вырастим ее, а как она себя поведет, один Бог знает. Мадина надеялась, что с появлением Светы скучная, однообразная жизнь наполнится каким-то смыслом. Сам дом преобразится, станет светлее и уютнее. Однако, стоило Садо войти в комнату, как все надежды рухнули.

– Это что такое?!. – кивнул он на девочку, будто у них не было никогда разговора о ребенке. Девочка испуганно взглянула на него и заплакала. Мадина взяла ее вместе с куклой на руки.

– Потихе, испугаешь ее, – сказала она.

– Она не из тех, кого напугаешь! – рявкнул он.

Светлана никак не успокаивалась – такой разъяренный человек мог и слона напугать.

– Чтоб я ее больше не видел! – заорал Садо.

Из глаз Светланы, словно из маленьких родничков, струились слезы. Чем больше злился Садо, тем сильнее плакала девочка и на нее напала икота. Мадина подумала: «Небось, в руках родной матери она бы не плакала до икоты».

– Ее мать, бедняжка, где-то мыкается в поисках лекарства.

– Я кому говорю?!. – от крика мужа Мадина вздрогнула вместе с ребенком на руках.

– Посмотри, какая хорошая девочка, – пытаюсь смягчить его, сказала Мадина.

– Не буду я на нее смотреть! Не нужна она мне!

– Я ее пока так привела, чтобы она к нам привыкала. Не собиралась ее вести, хотела сначала няню подыскать или в детский садик пристроить.

– Не нужна нам чужая!..

Мадина посадила ребенка на диван, чтобы в гневе не выронить ее. Потом вытянула, будто ствол пистолета, указатель-

ный палец правой руки, подняла его кверху и резко опустила вниз.

– Если так, то я тебе заявляю, что с сегодняшнего дня девочка будет жить в этом доме!

– Значит что... в таком случае моей ноги здесь больше не будет!

– Она тебе нисколько не помешает.

– Помешает! Я не хочу воспитывать чужого ребенка. Мучайся с ним потом... Ты выяснила, кто ее родители? Зачем на неё тратиться? Она девочка, осетинка. Не сегодня-завтра у нее объявятся родственники... Ты что, не знаешь осетин?! – Садо стал собирать вещи, а Мадина подхватила на руки Светлану, будто боялась, что муж и ее запакует в чемодан вместе со своими вещами.

И вот он встал с чемоданом в руке у двери.

– Или я, или эта девочка!

– Родить мне не довелось, – сказала Мадина, – но хочу вырастить эту девочку.

Садо вышел и сильно хлопнул дверью.

Мадина села вместе с ребенком на стул. Светлана тяжело вздохнула... Этот вздох заставил больно сжаться сердце Мадины. Она обняла ее.

– Не вздыхай так тяжело, родная, я тебе буду матерью. Да, матерью! С сегодняшнего дня буду тебе мамой. Скажи «мама».

– Мама, – повторила Светлана, но в этом слове, кроме пустого звука, не было ничего, оно ее ни к чему не обязывало.

– Скажи еще раз, – Хочешь, мы будем жить вместе? Ты моя дочь, а я твоя мама. Скажи «мама»!..

– Мама...

И хотя Светлана произносила это слово робко, как-то скривив губы, все же оно глубоко проникло в её сердце. Вся ее женская сущность отозвалась нежностью и любовью. Она прекрасно понимала – чтобы слово «мама» в устах приемного ребенка наполнилось теплотой, нужно время, внимание с ее стороны и

терпение. А что её любовь преодолет все преграды, она не сомневалась.

– «Что скажешь? – слышался ей голос Садо. – Или я, или эта девочка!..»

Конечно, было бы лучше, если бы он не ушел, но женское сердце давно чувствовало, что муж ее не любит. Рано или поздно их отношения закончились бы разрывом. Все к тому и шло. И, слава богу, что она нашла Светлану.

Мадина Доциева была приятной, добродушной женщиной среднего роста, выглядела гораздо моложе своих лет. Ее круглое светлое лицо с гладкой кожей, голубые спокойные глаза внушали доверие.

Наступил новый 1939 год. Была оттепель. Редкие снежинки кружились в воздухе. Мадина и Светлана вышли прогуляться по проспекту. Она рассказывала девочке обо всем, что видела вокруг себя.

Мимо, звеня, проехал трамвай.

– Мама, трамвай рогатый, да? – спросила дочь.

На ее вопросы не всегда был готов ответ. Тем не менее Мадина была счастлива.

– Это не рога, моя маленькая, рога бывают у коров, быков и коз.

– А что же это тогда? Да, мамочка, у трамвая тоже есть рога! Только они находятся наверху.

Мадина задумчиво улыбалась.

– Ты права, дорогая, у трамвая тоже есть рога.

В последнее время Мадина стала говорить со Светой по-осетински. Сначала у нее плохо получалось, но постепенно освоилась и теперь изъяснялась так же свободно, как и по-русски.

– Мама, а кто эти деревья посадил?

– Хорошие люди посадили..

– Для чего?

– Для того, чтобы улицы были красивыми.

Тут им попалась на пути цветочница, и внимание дочери переключилось на нее.

– Мама, а эти цветы не замерзнут?

– Нет.

Мадина купила один красный цветок и воткнула его в отверстие Светланиной шапки.

Они дошли до площади Ленина, которую принято называть сердцем города. Мадина увидела, как пересекая проспект, словно журавлиная стая, шагали строем дети в сопровождении двух воспитательниц. Одна шла впереди группы, другая – замыкала строй. Та, что была впереди, подняла маленький красный флажок, предупреждающий о том, что сейчас дети будут переходить улицу, и они спокойно двинулись на другую сторону. Мадина Маркленовна с дочкой остановились у памятника Ленину.

➤ Нам надо подойти к елке, а то можем опоздать. Смотри, какая она красивая и как крутится!

Ребенок был в восторге. Девочка впервые видела вертящуюся новогоднюю елку...

Площадь Ленина была очень красиво разукрашена. Народ спешил сюда. Эта площадь занимала особое место в жизни осетин. Отсюда в Грузию уходили машины. Правда, зимой перевал закрывался, автомобильное движение практически прекращалось. Лишь грузовые машины да автобусы ходили в близлежащие села. Так как народу на площади собралось много, остановку временно перенесли в другое место – севернее магазина. Подъехал автобус. Пассажиры гурьбой кинулись к его дверям. Водитель стал проверять билеты, а когда уже собрался двинуться в путь, то из автобуса выскочила какая-то женщина и кинулась к магазину, где слева от дверей висел почтовый ящик. Добежав до ящика, она опустила в него письмо и повернула обратно. И хотя она торопилась из последних сил, клаксон автобуса подгонял ее. Поднимаясь в автобус, она наступила на подол своего платья и едва не упала, однако один мужчина изловчился и подхватил ее под локоть и удержал. На-

конец все пассажиры расселись, дверь закрылась, и автобус тронулся с места...

Наблюдая за женщиной, Мадине тоже захотелось куда-нибудь уехать. Куда угодно, лишь бы ненадолго отвлечься от этой повседневной суеты.

Елка, сверкая игрушками и огнями, тихо вращалась вокруг своей оси. На зимний город крадучись опустились сумерки. Повсюду зажглись разноцветные лампочки. Красота площади наполнила сердце Мадины грустной радостью. Дети, взявшись за руки, водили хоровод вокруг елки. Чем больше собиралось народу, тем больше знакомых встречала она. «С Новым годом, доктор!», «Добрый вечер, доктор!» – приветствовали ее со всех сторон. Она только что закончила разговор с двумя женщинами, как к ней подошел приятной внешности юноша.

– Доктор Доциева! Пусть Новый год принесет Вам здоровья, счастья и успехов! Не помните меня? Я Муради.

Мадина не сразу узнала его, но потом обрадовалась и поздравила с праздником, пожелала всего хорошего. Парень показал левую руку.

– Смотрите, пальцы руки уже шевелятся.

Действительно, пальцы с трудом, но шевелились – Если бы не вы, то я на всю жизнь остался бы калекой. – И, будто удивившись своего признания, он, извинившись, вдруг зашепшил и смешался с толпой.

А дело было так. Она перешла на последний курс мединститута и летом отдыхала дома. Однажды вечером к ним забежали четыре парня, все в крови. Невозможно было понять, кто кого привел. Но у одного рука висела перевязанная пропитанным кровью рукавом, оторванным от рубашки. При свете керосиновой лампы Мадина быстро приготовила инструменты и осмотрела руку пострадавшего. Стоило срезать повязку, как кровь с новой силой заструилась из раны. Привычными движениями наложила резиновый жгут повыше локтя. Очистила рану, поставила зажимы, и они, словно птицы на проводах, торчали рядом

на поврежденной руке. Парень терпел, но потом не выдержал и застонал. Как могла и как позволяла домашняя обстановка, так зашила рану. Лишь когда парень успокоился, перестал дрожать, он рассказал, что случайно поранился топором.

Сколько человек прошло через ее руки, скольким она помогла...

Мадина посмотрела на счастливые лица детей, радующихся вокруг елки, на светящихся от радости лиц родителей и крепче сжала маленькую пухлую ладошку Светланы. Ее почему-то постоянно преследовал страх за нее. Вот и сегодня ей казалось, что сейчас отберут у нее девочку. И поэтому она засобиралась домой. Но тут к ней снова подошел Муради с большим бумажным свертком.

– Доктор Доциева, примите пожалуйста, новогодний подарок, – с улыбкой произнес юноша.

Мадина смутилась. У парня было такое счастливое выражение лица, что ей было неудобно отказаться. Да и как не принять подарок, если он от всего сердца. И она приняла его, поблагодарила парня. Муради стал рассказывать что-то веселое, пытаясь ее рассмешить.

Вдруг она заметила выше среднего роста статного мужчину в военной форме, держащего за руку хорошо одетого мальчика лет пяти или шести. Впереди шла красивая женщина. «Почему эта пара гуляет порознь? – подумала Мадина. – Если жена идет впереди мужа, значит, она плохо воспитана». Семья остановилась рядом. Однако ей была неприятна супруга военного, и она отошла в сторону. «Странно, почему?» – сама себе удивилась Мадина.

Это были Сослан и Сафят с сыном. Сафят узнала жену своего любовника, поэтому решила удалиться. Но Мадина никогда ее не видела. Сослан попробовал остановить жену, попросил побыть вместе с ними возле елки, но она отказалась. Он опустил на корточки и стал что-то объяснить сыну, но тот засмотрелся на девочку с цветком, торчащим из шапки. Сослан невольно про-

следил за его взглядом и увидел Светлану. Он внимательно пригляделся к детям. Сын необычно ласково разговаривал с девочкой, будто не первый раз видит её, а был знаком...

– Они поняли друг друга, – с удивлением подметил Муради.

– Это правда, – согласился Сослан. – С Новым годом вас! – добавил он и взглянул на Мадину, которая думала об удалившейся женщине. Когда же посмотрела на него, то сердце ее почему-то тревожно забилось в груди.

Даже не слушая разговора двух мужчин, она следила за Сафят. А Светлана подружилась с мальчиком. Они увлеченно разговаривали о чем-то. Сослан случайно перехватил взгляд девочки и ошеломленно уставился на нее. Что-то очень знакомое было в чертах ее лица. Особенно в глазах. Его потревожил этот взгляд. И тут он услышал голос Муради:

– Доктор Доциева, извините за нескромность, но я так понял, что это отец вашей дочери?

Мадина вздрогнула, и дрожащим голосом, заикаясь, произнесла:

– Н-не понимаю, почему вам так по-казалось?!

Муради смутился, дескать, как-то он отважился задать такой вопрос. Но останавливаться было поздно.

– Как почему? – кивнул он на девочку. – Ваша дочь похожа на отца.

– Это не отец, – вымолвила Мадина.

– Пойдем, Артур, – позвал Сослан сына.

В этот момент мальчик потянулся к цветку Светланы, но отец одернул его.

Какое-то время Светлана смотрела им вслед, потом вдруг выхватила из своей шапки цветок, догнала Артура и воткнула ему на отворот ушанки.

– Поблагодари девочку и попрощайся с ней, – сказал Сослан сыну.

Мадина Маркленовна быстро подошла к Светлане и взяла ее за руку. Муради, не зная, куда себя девать от смущения, сказал:

– Простите меня, доктор. Не знаю, но почему-то мне так показалось?..

– Поверьте, я никогда не видела этого человека, – пожала плечами она.

– Бывает и так, что совершенно посторонние люди похожи друг на друга. – Муради постарался свести все в шутку. – Вот я, например, на известного хирурга похож, вам не кажется это странным?

– Нет, не кажется, – рассмеялась Мадина. – Может, ваш отец и заглядывался на посторонних женщин...

Муради тоже рассмеялся:

– Нет, мой отец был скромным человеком...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В начале июня 1941 года Лазаря с Таймуразом призвали на переподготовку. И надо же было Господу Богу, чтобы они попали в одну казарму. Служба проходила в окрестностях города Владикавказа. Два друга подружились еще больше. Они часто вспоминали Асят. Таймураз узнал от него, что кто-то удочерил Светлану...

Однажды перед обедом в казарме объявили тревогу. Лазарь испуганно спросил:

– Что случилось?!

– Что может случиться? Когда командование хочет проверить готовность солдат, то объявляют тревогу... – ответил Таймураз.

Военные пулей выскочили на плац. На большом плацу, покрытом частично асфальтом, солдаты застыли в строю... Наступила какая-то странная тишина...

Тишину прервал голос начальника гарнизона...

Голос полный тревоги, печали и боли... от его сообщения вздрогнула земля...

– ВОЙНА!.. С немцами...

В мгновение все замерло...

Лазарь и Таймураз стояли вместе. Они, как и все, видимо, думали о западных областях страны, о первых ударах по врагу. И вдруг Таймураз почувствовал, что кто-то, вроде, потянул его за рукав гимнастерки и послышался голос: «Таймураз, Таймураз».

Таймураз покачал головой, будто хотел освободиться от тяжелых мыслей и увидел, что рядом стоит красивый, высокий, статный, подтянутый офицер со знаками различия танкиста на петлицах.

– Не узнаешь меня, что-ли?! – с чуть заметной улыбкой на губах спросил офицер.

Он рассеянно разглядывал его с нахмуренными бровями и... вдруг воскликнул:

– Кого я вижу! Неужели Сослан?! – и обнялись по-братски.

Человеку, которого постигло огромное горе, становится легче, когда рядом окажется близкий, дорогой души человек... Вот и Таймураз почувствовал облегчение, когда рядом увидел Сослана Дзодзикова. Спокойствие и самоуверенность Сослана приободрили Таймураза. Как будто он снял с его плеч часть непомерного груза. Некоторое время они молчали. Только похлопывали друг друга огромными руками, не пряча друг от друга засевавшую в их сердцах тревогу. Казалось, что вместе с ними и родная земля принимала на себя огромную часть горя, и от этого всем становилось легче, приходила какая-то уверенность. К ним присоединился Лазарь. Таймураз представил ему Сослана:

– Лазарь, это наш знатный тракторист.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Лазарь.

– Сослан.

«Сослан?» – почему-то у Лазаря екнуло сердце, так как он вспомнил гравировку на серьгах Асят – «СА».

Интересно устроен мозг человека. Казалось бы, что общего между этим бравым танкистом и несчастной девушкой Асят. Но в голове Лазаря мгновенно проступила связь между ними. Таймураз, будто прочитав его мысли, сказал:

– За то короткое время, что Сослан пробыл у нас, он оставил о себе добрую и благодарную память.

– Что?! – удивленно спросил Лазарь.

– Его прислали к нам в колхоз трактористом.

– Когда прислали?.. – с восторгом вырвалось у Лазаря.

– Весной тридцать четвертого...

Лазарь больше не слушал их. Таймураз своим простодушным ответом, сам того не подозревая, раскрыл тайну Асят. Лазарь стал незаметно изучать Сослана. Ему вспомнилось первое утро, когда он увидел спящую в лучах зимнего солнца Асят. Сколько разных молодых людей перебрал он тогда в памяти. Все пытался представить их рядом с ней. Но не получалось. Не было сре-

ди них никого, кто смог бы покорить сердце этой гордой девушки. Лазарь догадался, что этим человеком вполне может быть Сослан. Да, видимо, только такой красивый молодой мужчина, как он, мог сделать это. Лазарь вспомнил и ночные мучения роженицы под той ивой плакучей...

– Это он... – тихо простонал Лазарь.

– Что с тобой?! – испугался Таймураз.

– Надо терпеть, брат. – Сослан заметил многозначительный взгляд Лазаря, но не придавал ему значения. – Раз другие держатся, то и мы должны выстоять! Выдержим... Победим!.. – добавил Сослан.

Лазарь прикусил губу. Боялся сказать что-нибудь невзначай. Сослан ушел.

Настало время обеда. Солдатам было не до еды, но порядок есть порядок, и все направились в столовую. Лазарь старался не думать о Сослане, чтобы не выдать случайно другу своих подозрений. К тому же тот, может, и ни при чем, бедолага, а его во всех смертных грехах подозревают. Но нет!.. Это он!.. Сердце не обманешь!..

Сафят не ждала Сослана к вечеру, собиралась на свадьбу подруги. Ей было обидно, что не удастся натанцеваться вволю, но своего постарается не упустить. Она взглянула на гармонь, лежащую на кровати между двумя подушками. На ней шикарное платье кофейного цвета и белые туфли, а такой красивой прически нет ни у кого. Она крутилась у зеркала, когда вошел мрачный Сослан. Его ошеломил беспечный вид жены. Она не сразу заметила его.

– Это ты?..

Сослан не отвечал. Он внимательно смотрел на нее и подумал: «Воспитает ли она моего сына?». И сам же дал однозначный ответ покачивая головой: «Нет!»

– Боже мой! – воскликнула Сафят. – Что с тобой?!.

Сослан окинул взглядом жену с ног до головы. Некоторое время оба молчали. Жена всполошилась – чего это он уставился

на ее сережки? Ведь не первый раз же их видит. Молча вышла из комнаты. А Сослана беспокоило другое: что будет завтра с его домом? Вырастит ли ребенка женщина, которая в такой день беспечно прихорашивается у зеркала, будто ничего не произошло? Он приблизился к окну, тяжелым шагом, волоча ноги, ровно они были ватными, и долго задумчиво смотрел на улицу. Такого заката Сослан еще не видел. Горизонт был охвачен багровым пламенем. Казалось, языки огня вырываются из-за темных туч, и небо истекает кровью. С запада на восток ползут тяжелые черные тучи... Но налетевший на них восточный ветер нарушил движение туч и разнес их по небу мелкими клочками. Тревожно стало в городе. Люди спешили по улицам так же, как вчера и позавчера... По-прежнему, звеня на поворотах, пробежали трамваи, двери магазинов были распахнуты настежь, но все же по всему было видно, что надвигается большая беда. Сослану показалось, что даже тополя на проспекте прижались друг к другу от страха. Крики петухов и вой собак терзали сердце. Он никогда не думал, что в городе столько петухов и собак.

Мысли его прервал плач ребенка. Молодая беременная женщина, держа в левой руке тяжелую сумку, правой силком тащила за собой мальчика примерно лет трёх, в коротких штанишках и белой рубашке с короткими рукавами. Лямки, поддерживающие штанишки, были перекинута крест-накрест через плечи ребенка. На ногах красные туфли и белые носочки. Мальчик плакал, не поспевая за матерью. А та, видно, торопилась, и хоть плача ее не было слышно, вид её свидетельствовал о том, что у нее большое горе. Периодически она останавливалась и, не таясь, тыльной стороной ладони утирала слезы. Ребенок устал, он привык, что взрослые подстраиваются по его шагу, а тут не мог понять, куда так спешит мать, почему она чуть ли не волоком тащит его за собой? Почему ему приходится догонять ее? Как же она не поймет, что не может он своими маленькими ножками угнаться за ней. Малыш спотыкался, падал, а мать поднимала его за руку и вновь устремлялась вперед...

«Беги! Беги! Спеши! Плачь, наша женщина, плачь, дитя!» – сказал про себя Дзодзиков, слезы его готовы были вот-вот появиться на его глазах и не надо их стыдиться, когда приходит такое горе. Мимо пробежала другая, очень красивая молодая женщина, тоже в положении. «Увидит ли отец свое дитя? – подумал Сослан. Бедная женщина даст жизнь человеку, а потом вернется с ним в холодный, опустевший дом». Он зарыдал в голос, вытирая платком лицо. Сколько же парней не познают вкуса любви!.. А сколько – не узнают отцовства!..

– Что с нами будет?! – спросила жена.

Сослан вздрогнул, сейчас он не ожидал такого вопроса.

– Придется тебе жить так же, как другие. Но кое-что, возможно, мне удастся приобрести. Скажи, что нам надо купить?

– Муку, сахар, мясо... – сердце ее сжалось, и она ничего больше не смогла сказать.

Да, но у меня же нет денег...

– Там, – показала она на ящик. – Продай что-нибудь из золотых изделий...

Сослана покоробили ее слова. До чего он докатился, если собирается продавать украшения жены.

– Забери все! – сказала она. – Я пойду в магазин... И вышла. Сослан осторожно, коснулся драгоценностей. Взял их и стал перекатывать на ладони.

– А это что за диво?! – произнес он вслух. – Не может быть!..

Сослан стал пристально разглядывать серьги, остальные драгоценности бросил обратно в ящик. – Вот так чудеса! – и вдруг, признав их, застонал: – Асят!..

Чтобы удостовериться, Сослан выхватил из левого нагрудного кармана носовой платочек и сличил надписи: никаких сомнений, инициалы «СА» и на платке и на серьгах были выполнены одной рукой. Он не находил себе места. Вот уж который год его жена носит серьги этой несчастной девушки, а он и не подозревал. А еще говорят, что чудес не бывает. Да жизнь полна разных чудес. Как же быть? Что сделать для того, чтобы не выпустить их

из рук? Если он серьги возьмет, то подозрение падет на Анну. Но назад ни за что не положит, даже если к стенке поставят. Он еще не решил, под каким предлогом заберет серьги, но все же пока завернул их в свой легендарный платочек и завязал узелком. Теперь в подарочном платочке было два узелка. В одном камешек, в другом сережки.

Здорово же бедняжку прижала нужда, если она продала подарок матери. Интересно, кому она их продала?! И где она сама сейчас?!

– Эх! – воскликнул Сослан в сердцах и сжал кулаками виски.

Что делать? Как быть? О чем же его просила жена? Да, продукты надо купить. И тут пришла замечательная идея. Он облегченно вздохнул, вынул из кармана карандаш и записную книжку. Вырвал страничку и написал на ней: «Сафят, так как у меня нет денег, то я взял свое кольцо и твои сережки. Будут еще у нас радости. Будем живы, купим лучше украшения. Ты только прости меня. Твой Сослан».

Сослан, не мешкая, съездил в часть, попросил, чтобы ему выписали аванс, затем сдал в скупку кольцо и купил необходимые продукты. Вскоре в чулане лежали по мешку муки и сахара. А еще большой кусок мяса и прочие продукты... Не забыл сделать приятный сюрприз и жене. Он поставил на стол пару туфель орехового цвета – под цвет нового платья, которое она сегодня надевала.

С улицы послышался смех. Сослан выглянул в окно. Мимо проходили совсем юные парень с девушкой. Юноша невзначай сжал девушке руку. Девушка засмеялась. Сослан тоже улыбнулся. Скрипнула дверь, со двора донеслись голоса. Он выбежал во двор.

– Сынок!.. – Сослан подхватил на руки сына и прижал к себе. Он взял за руку Анну, и они вошли в дом. Анна плакала. Артур тоже скривил губы и заплакал. От волнения никто из них не мог говорить, так и стояли молча друг против друга.

На улице раздался автомобильный сигнал. Сослан выглянул

и увидел у дверей машину войсковой части. Подошел к старушке и поклонился ей в пояс.

– Анна, и я, и мой ребенок видели много добра и ласки от вас.

По щекам обоих потекли слезы. Машина вновь просигналила.

– За мной приехали. Кто знает, вернусь ли я этой ночью. – Сослан поднес ее руки к своим губам. – Анна, прошу вас, присмотрите за мальчиком хотя и просить-то не надо, но... – и обнял сына и её.

С улицы вновь раздался тревожный сигнал. Он слился со звуками радио с улицы...

– В чулане кое-какие продукты, приготовьте ужин. Дошел до дверей, остановился, вынул из кармана деньги, отдал их Анне и выбежал на улицу.

– Анна, присмотри за моим сыном!.. – Анна-а!.. – донесся до няни голос Сослана, когда машина тронулась с места.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Летним утром с западной стороны села Ногкау по дороге шла женщина лет двадцати пяти. В одной руке она держала коричневый чемодан, в другой – сумку. Черное, словно воронье крыло, платье ладно сидело на ее статной фигуре. И обута она была в черные лаковые туфли на каблуках, темные волосы узлом завязаны на затылке. И хотя голова ее не была покрыта траурным платком, а ноги не в черных чулках, весь вид ее свидетельствовал о том, что женщину гнетут печальные мысли.

Та была Асят.

Зарина хлопотала в летней кухне, а дочка ее сидела на кровати, когда в дверь постучались.

– Заходите, дверь открыта, – пригласила Зарина и, увидев гостью, воскликнула:

– Асят!..

– Зарина!

Женщины сплелись в крепких объятиях. Видя слезы женщин, заплакал и ребенок. Асят заметила девочку и сильно удивилась. Сначала ей показалось, что это ее дочка. Примерно такого же роста была, когда ее увезли в больницу. Но потом поняла, что это дочь Зарины.

– Диана! – Асят взяла ребенка на руки, – моя девочка!

Еле сдерживая слезы, Зарина проговорила:

– Она и есть твоя девочка. Ведь ты крестная мать.

– Я ей специально дала такое имя, – сказала она и сердце ее сжалось от боли. – Ведь Диана и Света могли быть сестрами. Но Светы нет...

– Мы еще хватились ее разыскивать...

– Несчастной она родилась и несчастной пропала, – бесильно опустилась на стул с ребенком в руках Асят.

– Из Москвы приехал один военный и взял ее себе... так сказали...

– Мне тоже... А может, она умерла...

– Нет! Избави бог! – в ужасе отпрянула Зарина.
– Все равно я больше ничем не могу ей помочь.
– Не переживай, что-нибудь придумаем.
– Да, придумаем, но фронт надвигается на нас, – сказала Асят. – Подала заявление в военкомат, чтобы меня направили на передовую, но не берут.

– Так и в тылу немало работы. Мы день и ночь в поле работаем: сегодня я отпросилась, наверное, на твое счастье.

– Нет, я пойду работать в госпиталь. Недели через две заступлю на работу.

– Как ты быстро оформилась?! – удивилась Зарина.

– Я вчера приехала. Когда узнала о дочери, то сразу зашла к военкому, чтобы отправили на фронт. Но меня определили в военный госпиталь.

– А вдруг тяжелая работа скажется на твоём здоровье?

– Да нет, легкие окрепли, небольшие рубцы остались, еле видны...

Асят положила ребенка на кровать, открыла чемодан и достала печенье и конфеты. Дала сладости ребенку. Потом стала рыться в вещах, будто забыла что-то в чемодане. Зарина заметила белый пуховой платок.

– Какой красивый платок, – улыбаясь, сказала она.

Пока Асят умывалась, хозяйка поставила столик-треножник и выложила на нем картошку, острую чесночную приправу и горячий кукурузный чурек.

– Да, кстати, – говорит Зарина, – где же ты будешь жить в городе?

– Рядом с госпиталем нашла квартиру.

После завтрака Асят собралась немного погулять на свежем воздухе. Спрятала за пазухой фотокарточку Сослана, надела Заринины чувяки и повязала голову белой косынкой.

– А где вы похоронили... Домбая?

– Вернешься, тогда и покажу.

Зарина поняла куда она пошла.

Асят спешила к иве плакучей, словно там ее ждал сам Со-слан. Остался позади фруктовый сад родного села. Вот и овраг, журчанье ручейка, все точно так же, как и восемь лет назад. Мирно щебетали птицы, но в их голосах все-таки чувствовалась какая-то тревога. Тоскливо сжалось сердце. Она уставилась на дорогу, словно пыталась высмотреть кого-то. Ветки ивы, как и тогда, склонились к земле, но сейчас они еще ниже опустились к ручью, будто не могли напиться студеной родниковой воды. Она раздвинула ветки, увидела ствол дерева, обняла его и прижалась щекой к прохладной шершавой коре.

– Сослан, я не смогла сберечь твой «тайный подарок». Прости меня...

~~+~~...Утром Асят разбудили голоса. Она накинула ситцевый халат и выглянула в окно. Люди стояли на улице с вещмешками, с узелками... Старики, женщины, совсем молоденькие девчушки и мальчишки держали в руках лопаты, кирки, ломы... У всех был такой решительный вид, будто они готовы свернуть горы.

Под навесом Зарина прикрепляла гвоздями лопату на черенке.

– Что там такое?! – кивнула Асят в сторону улицы.

– Нас отправляют в район реки Фиагдон, копать противотанковый ров.

– Я тоже пойду, – сказала она.

– Тебе не обязательно, а я должна идти, так как слово дала.

– А как же ребенок?..

– Хотела оставить у соседей, но раз ты здесь, то присмотришь за ней...

– Нет, я пойду вместо тебя! – настаивала Асят.

– Понимаешь, мне нельзя оставаться.

– Это мне нельзя! – сказала Асят и поспешила под навес к умывальнику.

С улицы доносился говор, возня с инструментами...

Асят закинула за плечи вещмешок, взяла лопату и с Зариной вышла на улицу. Яблоку негде упасть, будто все жители села

пришли сюда: старики, женщины, девушки, парнишки – подростки...

– Ну что он может сделать? Ведь его из-под узелка-то не видно, – показав на худого мальчишку лет тринадцати, сказала Асят. – Да ещё и кирку прихватил...

– Он вместо своей больной матери идет. Ты присмотри, пожалуйста, за ним, – вздохнула Зарина.

Вот подъехала бричка с прицепом на двух колёсах, подалась ближе к дому, у фундамента которого были прислонены большие лестницы.

Через минуту-другую между бричкой и прицепом были сложены лестницы с доброй дюжины. На них аккуратно положили носилки, верёвки. Таким образом, соорудили крепкий мост между бричкой и прицепом...

В других бричках погрузили трудовой инвентарь. Подходили еще арбы друг за другом... Появилась и бричка с хлебом. И утренний ветерок разнес запах свежее испеченного хлеба.

Такие же «караваны» двигались в фиагдонский район из других сёл Северной Осетии, строить такой оборонительный УТЭС, столкнувшись о который, Гитлер разобьет шею...

Хирург Доциева работала в 1620-ом военном госпитале, расположившемся в Горно-металлургическом техникуме. В том же самом, куда была назначена и Асят, в должности медицинской сестры...

В тот тревожный 1942 год в городе Владикавказе из-за нехватки персонала, на станцию скорой помощи приходилось привлекать и врачей, и фельдшеров с больниц и даже с госпиталей, дежурить на скорой помощи...

И вот при дежурстве Доциевой поступил вызов с участка Фиагдон. Она приехала и направилась к землянке-штабу, но к ней подошёл статный, военный молодой человек и доложил:

– Майор инженерных войск N-ской части Красной Армии, Суворов!

– Хирург Доциева, – представилась Магина Маркленовна, – где больной?

– Мальчик заболел, – указав на участок, ответил майор.

Когда подошли к противотанковому рву, длинному, широкому и уже порядочно глубокому, то врач поразилась: от малых до стариков работали, не покладая рук, меняя по ходу работ одно орудие труда на другое: лопату – киркой; кирку – ломом... Эта гигантская продолговатая яма была похожа на рыболовный корабль, где все двигалось, стучало, носилось, гремело... И эта двигающаяся панорама в яме напоминала потревоженный муравейник...

– Прошу вас, товарищ доктор...

Она услышала голос майора и, смутившись, промолвила:

– Простите, пожалуйста...

Они спустились, он впереди, а она – за ним, по грунтовым ступенькам на стене РВА, сделанным, во истину, не досками, гвоздями, а только штыковой лопатой. Таких ступенек на обеих стенках рва было несколько, на них стояли люди и поднимали ведра с грунтом, с камнями, всем, что копалось в этой большой яме. Деревянные лестницы тоже были поставлены к стенкам для поднимания грунта на поверхность.

Хирург осмотрела подростка:

– У мальчика растяжение мышц в области живота.

Тут к ним подошла Асят. Своими иссиня-черными глазами она посмотрела на доктора, и спросила:

– Что с мальчиком? Он мой сосед.

Она ответила:

– Ничего страшного... Только перетрудился паренек. Надо его немедленно отправить домой. Пусть полежит под наблюдением врача.

– А как отправить? – забеспокоилась Асят.

– Я сама его отвезу. Собирайтесь.

Поднявшись наверх, Мадина Маркленовна повернулась лицом ко рву и увидела, как тут же, на ступеньках, по которым спустились и поднялись, встали на свои места женщины и девушки на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Одна из них стояла

внизу у первой ступеньки. К ней начали носить полные ведра с грунтом... Она подняла тяжёлое ведро, подала его первой женщине, стоящей на третьей ступеньке, а та подняла ведро к девушке выше её стоящей... Таким порядком полные ведра начали подниматься наверх конвейером, из рук – в руки... А там, на берегу рва, другие подхватывают ведра и носят, носят как можно дальше... Здесь с ведрами движутся и носилки с грунтом.

Туда дальше, ближе к концу, мост, настоящий мост, на котором стояли восемь человек с веревками в руках. К концам веревок были прикреплены крючки. К обеим краям моста подносили полные грунтом ведра, зацепляли крючками к верёвкам и поднимали вверх на мост. Тут же прицепляли по два пустых ведра и спускали их веревкой вниз...

Мадина Маркленовна, повернувшись к военному, сказала:

– Товарищ майор, – смотря на этих людей, можно подумать, что им не ведомы ни усталость, ни голод...

– Героический народ! – сказал инженер, – что и говорить!..

Вдруг слышались голоса детей.

– Откуда дети?! – с удивлением спросила она инженера.

– Это славные дети, – местные. Приносят в ведрах воду...

Инженер, наклонившись к ней, шепотом сказал:

– Здесь ведь еще предстоит работа и гидравлика...

– Воду пустят?! – она тоже тихо спросила его, хотя поблизости никого не было.

– А как вы думали?! Здесь первые эшелоны танков захлебнутся в воде, в воде славной реки Фиагдон, а за первыми эшелонами мчащиеся танки будут по инерции ударяться друг о друга... Здесь ни один гитлеровский танк не пройдет!.. НИ ОДИН! Уверяю Вас, товарищ доктор...

Тут к ним подошли Асят и мальчик.

Доциева взяла за руку больного. Поблагодарила Асят, попрощалась с ней и капитаном и направилась к санитарной машине...

+ / – Линия фронта совсем близко, что будем делать? – спросил Садо.

Сафят обняла его за шею.

– Продай дом за ту цену, которую предлагают покупатели и уедем отсюда.

– Хорошо.

Как раз в дверь постучали.

– Это он! – воскликнула Сафят и кинулась открывать дверь.

Со двора послышался характерный стук костылей. Это был инвалид войны, покупатель. За гроши продала Сафят отцовский дом, лишь бы поскорее сбежать из города, где заставляли работать. Да и с продуктами становилось все хуже и хуже.

Как-то дождливым днем Сафят и Садо, Анна и Артур шли по улице одного из грузинских городов. Дождь припустил сильнее, и они укрылись в магазине. Однако дождь вскоре кончился. Сафят надеялась, что война не перевалит через Кавказский хребет. Они с Садо были довольны переездом. За ними, печально понуриив голову, брели Анна и Артур. Лицо ее выражало горечь и боль. В левой руке она держала тяжелую корзину, а в правой – громоздкий чемодан. К поясу за руку платком был привязан мальчик. Артур снизу вверх смотрел на Анну и порывался ей помочь, хотя сам тащил школьный портфель.

– Бабушка, – повторял мальчик, – давай, я тебе помогу.

– Нет, солнышко, надорвешься, – ласково отвечала Анна.

Ей не нравился грузинский город. Раздражали снующие туда-сюда люди, шум проезжающих автомобилей, а гортанный говор на совершенно непонятном языке, словно ножом ранил сердце.

Когда Сафят решила продать дом, Анна поняла, что ей с ребенком предстоит колесить по миру. Попыталась уговорить, чтобы та оставила ее в Осетии, но она и слушать не захотела. При повторном же обращении Анны к Сафят она сказала:

– Да, я тебе больше не нужна! Но не забывай, кабы не я, ты давно бы сдохла под чьим-нибудь забором.

После этих оскорбительных слов Анна и дня бы не задержалась в их доме, но знала, что без нее Артур пропадет. К тому

же она дала слово Сослану присмотреть за ребенком. Поэтому, смирившись со своей участью, тянула свою лямку. Нехотя отвечала на вопросы любознательного мальчишка...

В прошлом году Сафят разрешила ей устроиться на работу. Однако на третий день, когда та вернулась со смены и затеяла стирку, разъяренная хозяйка ворвалась и накричала на нее.

– Посмотри, на что похожа наша кухня! Неприбранный стол, гора немытой посуды, пол грязный. Все, больше никакой работы!..

– Я сейчас же все уберу, – виноватым голосом произнесла Анна.

– Посуду-то ты уберешь, а это? – пнула ногой ворох грязного белья. – Когда постираешь? Мне нечего одеть. Ни одной чистой вещи не осталось!

– Постираю... Спать не лягну, пока не постираю, только не отрывай меня от работы.

– Разговор окончен!

– О чем ты споришь с ней вечно? – спросил Садо.

– Да ни о чем, – гордо, как королева, вздернула голову Сафят.

Садо и Сафят в тот вечер собирались в театр. Когда они вышли из кухни, Анна села на стульчик и заплакала. Артур подошел к ней и стал вытирать слезы ручонками. Она прижала малыша к себе. «Ах, ты мой защитник, если бы не ты, то здесь и духу моего бы не было».

Садо и Сафят купили двухкомнатный домик. В жилой комнате поселились сами, а в другой, приспособленной под кухню – Анна с Артуром. Но недолго прожили они спокойной жизнью в Грузии. Горячее дыхание войны докатилось до Кавказских гор, языки пламени войны лизали южные склоны Кавказского хребта.

Однажды Садо пришла повестка из военкомата. Сафят расстроилась:

– Не пущу!.. – запричитала она. – Что я буду без тебя делать?!

– Не смеди, ради Бога! – сердито сказал он. – Ты так говоришь, будто меня в соседнее село на свадьбу приглашают!

– Притворись больным!

– О, о, – вконец разозлился Садо, – да сейчас врачи могут все кишки пересчитать в животе, а ты говоришь, притворись больным!

– Ты вышел из призывного возраста.

– Сейчас об этом не спрашивают...

Садо повоевал недолго. Через три месяца на него пришла похоронка. Но Сафят не слишком расстроилась. К тому времени познакомилась с мужчиной, не таким богатым, как Садо, но гораздо моложе. Но, призвали и нового знакомого Сафят. И его, словно ненасытный крокодил, проглотила война.

В один вечер Анна вязала мальчику шерстяные носки, а он читал книгу Коста. Примерила недовязанный носок мальчику. Послышался скрип двери. Руки женщины застыли на ноге ребенка.

– Какие у тебя теплые руки, – радостно произнес Артур. Но женщина не обратила на него внимания.

Вошла Сафят, но дверь не закрыла. Значит, опять привела кого-то. Сафят привела очередного «папу», и Анна думала: «Интересно, кто на этот раз?»

– Заходи, заходи! – бросила через плечо Сафят.

Порог переступил невысокий хромой грузин. Густая рыжая борода клочьями свисала с его обезьяньей морды.

– Сынок, – улыбнувшись, обратилась Сафят к Артуру. – С сегодняшнего дня Гадо будет твоим папой.

Артур уставился на свою ногу. Из недовязанного носка угрожающе торчали вязальные спицы. С каким наслаждением он дал бы этой ногой новому «папе». Мальчик нахмурился, поднял головку и сказал:

– Мой папа на фронте, это не мой папа!..

Сафят не ожидала от сына такой дерзости. Больно заныло её сердце и притворно ласковым голосом она проговорила:

– Сынок, с сегодняшнего дня ты должен слушаться Гадо... а папа твой давно погиб на войне.

– Не нужен он мне! – закричал Артур и зарылся лицом в колени няни.

– Это ты его натравливаешь! – встала над Анной Сафят. – На каком фронте его отец?! У него никогда и не было отца. То в колхозе, то на службе, а теперь война... Прекрати натравливать ребенка.

Повернулась к Гадо и нежно проворковала:

– Не обращай внимания, дорогой. Она, как и первый мой муж, прежде нищей побиралась.

Затем взяла под руку любовника, и они вышли из дома. Анна горько заплакала от обиды. Артур, вытирая ее слезы, просил:

– Не плачь, не плачь...

Артур не мог дождаться возвращения папы, чтобы выложить ему, как мама обижает его и няню. Как привела ему третьего «папу», и от него разило самогоном и чесноком. И что самым лучшим из всех «пап» был Садо, потому что он никогда его не бил. А этот бородач станет лупить, уж это он знает наверняка, потому что глаза у него крысиные, еле видны из-под лохматых бровей, злые какие-то. В маленькой голове его теснились разные мысли, он представлял, как будет радоваться приезду отца, как они пойдут гулять и, как некогда, отец посадит его себе на плечи. Интересоваться у матери судьбой отца Артур не смел, когда же спрашивал у няни, давно ли получали от папы письма, та неизменно отвечала: «Давно». А дело было в том, что Сафят потеряла документы и, мало того, что теперь корреспонденция не доходила до них, так они к тому же не получали в Грузии пособие на Артура. Выправить новые документы у матери не нашлось времени... Каждый раз откладывала дело на завтра. Когда же наступало «завтра», лениво потягивалась в кровати. «Ладно, что мне считать эти копейки», – думала она и закутывалась в одеяло. А еще по глупости, чтобы угодить грузинским властям, Сафят исправила фамилию на грузинский лад. Таким образом, Дзодзиков Артур стал Дзодзишвили Артуром.

Попав на фронт, Сослан изредка получал из дома письма. Писала ему в основном Анна, втайне от Сафят. Но Сафят перехитрила Анну. Она написала Сослану, что няню с ребенком отправила за Каспий, где им будет безопаснее. Попросила, чтобы муж писал ей до востребования. Через некоторое время письма Сослана стали возвращаться обратно, так как адресат за ними не являлся.

Обеспокоенный судьбой родных, Сослан направил запрос в местный военкомат, чтобы те разыскали его семью. Ему ответили, что семья переехала в Закавказье, а точного адреса никто не знает, в том числе и новый хозяин их бывшего дома.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Время было тревожное и тяжелое: фашистские орды все ближе и ближе подкатывались к Северной Осетии. Бои шли уже в непосредственной близости.

В одно раннее утро в военном эвакуационном госпитале №1620 в коридоре 2-го хирургического отделения быстрой походкой прошёл начальник госпиталя, подполковник медицинской службы Андрей Андреевич Езеев. Он очень спешил... Проходя мимо одного из первых окон коридора, отдав ему честь, поздоровался с ним один из лучших хирургов госпиталя, молодой, статный капитан медицинской службы Николай Николаевич Саранов.

Ловко спрыгнув с подоконника, поздоровалась с начальником и молодая красивая, хрупкая на вид девушка в белом халате. Эта была новая медицинская сестра госпиталя Асят. Она мыла окно отделения...

Андрей Андреевич заметил за несколько дней пребывания Асят, что молодой капитан равнодушен к девушке. Все время старается улучшить момент, чтобы оказаться рядом с нею. Успел заметить и то, что она очень порядочная, сдержанная, вежливая и что на ухаживания Саранова не обращает внимания. Равнодушна к нему и даже разговор по службе ведет деликатно. И видно, что у неё в душе бушует нечто, какая-то сила, и её будто давят какие-то сомнения, какой-то груз.

Тепло поздоровался с ними подполковник Езеев. Пожелав друг другу доброго утра и, как бы шутя, он обратился к Саранову:

– Капитан медицинской службы Саранов, вы мне смотрите, Асят ровесница моей дочери...

– Так точно, товарищ подполковник. Мы тут как раз говорили о раненых, которые поступили к нам вчера...

– Да? Кстати, Асят, ты вчера ездила возить раненых?

– Ездила...

– Тогда иди и отдохни.

Она понимала, что по службе начальнику надо подчиняться, особенно в военное время и виновато попросила:

– Слушаюсь... Только прошу, разрешите вымыть это окно. Оно последнее...

– Ну хорошо...

Капитан медицинской службы Николай Саранов зашел в палату. Коренастый, красивый, высокий молодой человек. Не женат: сперва учеба в медицинском институте, потом аспирантура, защита кандидатской диссертации... Как говорил сам, – некогда было ухаживать за девушками. Но откровенно говоря, к этому вопросу он подходил очень серьезно и пока не встретил на своем жизненном пути такую, которую полюбил бы.

А тут эта скромная и своенравная красавица Асят нарушила его покой. Она полностью завладела его сердцем. Да, война... Тревога и неизвестность в судьбе каждого. Вроде бы... Но жизнь есть жизнь: она берет свое, у нее свои нравы, свои законы. Чувствам трудно, а зачастую и невозможно приказывать. Она ему всё больше и больше нравится...

† В один из осенних дней, начальник госпиталя, подполковник медицинской службы Андрей Андреевич Езеев, после обеда собрал весь персонал врачей, медицинских сестер, санитаров и санитарок госпиталя:

– Всем на поле боя!. – прозвучал его приказ... – Враг у стен города... От каждого требуется полная отдача сил... Случиться – отдать и жизнь за Родину.

Сотрудники вышли на улицу. Там их ждали три санитарные машины. Асят и Нина сели в головную. Когда они отъехали от города, услышали гул канонады. Пахло гарью. Земля тряслась от взрывов. Мессершмитты с паучьей свастикой сошлись в воздушном бою с советскими истребителями. Со стороны Майрамадага летели реактивные снаряды «Катюши», оставляя за собой огненный след. Слово град, на землю сыпался смертоносный свинец. Вой пикирующих бомбардировщиков, тяжелый рев танков, свист шрапнели, визг падающих бомб, грохот взрывов..

слились в сплошной гул, и земля ходила ходуном. А людям некогда было думать о смерти. Санитары под пулями вытаскивали раненых с поля боя. Асят тоже поползла за бойцом. Рядом, чиркнув, как птички, ударились в землю несколько пуль. Они и дальше продолжали взрывать землю возле девушки.

Наконец она доползла до раненого бойца. Сняла с него ремень, продела ему под мышками и потащила из пекла. Осенний день краток – не успеешь оглянуться, как уж темнеет. «По машинам!» – послышался голос комбата.

Из задумчивости ее вывела пуля, просвистевшая возле уха. Асят вздрогнула, упала на землю и поползла к машине. Внезапно ей послышался чей-то стон. Вспомнила свои давние ночные бдения. Может, кто-то, как и она, мучается поблизости. Интересно, где сейчас ее спаситель Лазарь? Или Сослан? На каких фронтах воюют? Подняла голову, и до ее ушей вновь донесся тяжелый стон. Она сообразила, что если товарищи уедут на поле, она останется одна. Машины действительно тронулись с места, поползли в сумерках, и ее охватил ужас. Она встала и, пригнувшись, побежала догонять, но снова услышала стон. Остановилась. Наверное, кого-то забыли. Припала ничком к земле, прислушалась, но стонов не было. Она подумала, что после дневного боя ей мерещатся голоса, и направилась к дороге. Ноги подкашивались от усталости. Скоро доберется до санчасти и завалится спать. И пусть только ее попробуют разбудить, не встанет, даже если случится пожар. Но что это?! Опять стон, глухой и протяжный. Она остановилась. Прилегла на землю. Ей вдруг почудилось, будто застонала сама Земля. Даже жутко стало. Хотела кликнуть на помощь, но душераздирающий вопль пригвоздил ее на месте.

Бой стих. Лишь редкие одиночные выстрелы раздавались в тишине. Асят огляделась, чтобы определить, откуда доносится стон. Сердце ее сжалось от вида поля боя. Словно костры чабанов в ночной степи горели танки. Совсем недавно из них, как головешки, выскакивали танкисты в пылающей униформе. Она

поползла на шум. Стон привел ее к заросшему бурьяном оврагу. Опасалась, как бы раненый не оказался фашистским солдатом. Чуть поодаль увидела дымящийся танк Т-34, и это придало ей уверенности. Поползла вниз, в глубину оврага, но, не удержавшись на откосе, кубарем покатила на дно и очутилась рядом с раненым бойцом.

Падая, больно ударилась обо что-то твердое, но не обратила внимания. Вскочила и выхватила пистолет.

– Встать! – придавая своему голосу командное выражение, сказала она.

Но раненый пробормотал что-то невнятное, вроде и не заметил ее. Асят поняла, что он бредит. Забрала у него личное оружие и сунула в карман. Когда она попыталась его перевернуть, он жалобно застонал.

– Какой большой, – воскликнула она. – Как я его дотащу?

Боец ненадолго пришел в себя и проговорил по-русски:

– Не трогай... меня! – и в бессилии распластался по земле.

Асят напрягла все свои силы и приподняла его. Решила волоочь его, как иных раненых, но те хоть как-то помогали ей передвигаться, а этот вообще не шевелился. Стало быть, придется нести на себе. Она перевязала ему голову, кое-как взвалила на себя, а руки его свесились у нее на груди, и вытащила из оврага.

В экстремальных условиях природа наделяет человека недюжинной силой. Кабы не так, вряд ли Асят устояла бы под такой тяжестью. Солдат был ранен в спину, поэтому нести его оказалось еще трудней. Когда выбрались из оврага, она упала. Раненый зарычал. Она перевернула его на живот, взяла за руки и снова взвалила на себя. Ее прошиб холодный пот. Пройдя несколько шагов, ощутила, как холодный ветер пробрал ее до костей. Можно было бы повязать голову, но не решилась, белый платок на черном фоне – мишень для снайпера. Так и двигалась потихоньку – то шагом, то ползком, с частыми передышками, доводя себя до изнеможения...

Что самое удивительное, все время, пока она тащила раненого, ее не покидали воспоминания о той страшной ночи под ивой. Она вспомнила, как Домбай хватал ее за полу и тащил. «Где же он, из-за которого я сгубила свою молодость?» – подумала Асят. Откуда ей было знать, что жесткий предмет, упирившийся в левую лопатку, – это завернутый в носовой платок камешек, величиной с дикий орех, да серьги с выцарапанными иголкой инициалами «СА». Или, берясь за руки раненого, как она не заметила на безымянном пальце глубокий шрам. Но не мудрено. Ладони у Асят были грубыми и жесткими, а руки солдата черными от влажной земли. Да и темно было, признаться...

Она шла к Гизели. Но, не пройдя и полдороги, услышала, как засвистели «Катюши». Гизельские и Архонские зерновые поля превратились в кроваво-огненное месиво. На заре косматая смерть выбралась погулять, а Земля, увидев, как гибнут ее дети, расцарапала себе щеки ногтями, и черные борозды образовались на ее поверхности...

Перед рассветом Асят с раненым добралась до Гизельского сельсовета. Старик сторож помог ей уложить бойца на кушетку. В помещении было темно. Она позвонила в госпиталь. И, вскоре подкатили санитарные машины. Пока она разговаривала с Ниной, раненого погрузили и увезли в город. Она села рядом с ней, полагая, что их тоже повезут следом. Но машина развернулась и поехала туда, откуда только что пришла, – на передовую. Она промолчала, а Нина, будто разгадав ее мысли, сочувственно произнесла:

– Асят, лучше бы тебе отдохнуть.

– Какой может быть отдых...

Уже светало, когда машины доехали до передовой. Прихватив сумки с перевязочным материалом и необходимыми медикаментами, санитарки и медсестры, как обычно, разбрелись в поисках раненых. Асят без платка направилась к горящему танку. Увидела на броне трех сгоревших танкистов... У нее закружилась голова, она пошатнулась и, падая, откуда-то

издалека услышала голос командира, но тут же потеряла сознание...

+ В полночь, когда Асят спасала красноармейца, капитан медицинской службы Николай Николаевич Саранов завершил тяжелую операцию и решил подышать свежим воздухом. Он вышел из операционной и мягкой походкой направился к выходу. Дойдя до конца коридора, остановился. При тусклом свете окинул взглядом раненых, заполнивших не только палаты, но и весь коридор, и тяжело вздохнул. Везде стояли кровати, негде было повернуться. Раненые лежали – кто с подвешенной на никелированной перекладине рукой, у кого нога на вытяжке... и коридор напоминал речной порт. Спускаясь по лестнице, он встретился с хирургом Мадиной Доциевой.

– Пойдем, погуляем, – предложил он.

– Пошли, – с удовольствием согласилась она.

Саранов взял женщину под руку, они вышли во двор и с наслаждением вдохнули чистый воздух. Он закурил.

– Интересно, который час? – спросила Доциева.

Он глянул на часы.

– Четыре. Время самого крепкого сна. – Хирург оглянулся на приемный покой – он совершенно забыл, что сам разрешил поспать санитарам, которые сутки дежурили. И, будто оправдываясь перед собой, добавил: – Как только рассветет, сразу в Гизель и в Архонку за ранеными.

– Где мы их класть будем?..

– В коридорах первого и третьего отделения. В первом есть еще три места. – Хирург снова посмотрел на часы. – Пусть наши поспят немного, потом разбудим. Надо послать за теми, кто отдыхает, пора браться за дело – ставить койки в коридорах.

Со стороны Архонки послышалась артиллерийская канонада.

– А машины готовы к перевозке раненых? – спросила Доциева.

Машины-то готовы, только... – он затянулся сигаретой, и кончик ее вспыхнул, ровно фонарик. Потом выпустил дым, как заводская труба, однако с окончанием фразы не спешил.

- Что «только?» – не вытерпела Доциева.
 - Эта девушка не вернулась, вы знаете?
 - Какая девушка?
 - Асят.
 - Не может быть! Это наша лучшая медсестра... Где же она?!
- забеспокоилась Доциева.

Саранов не слышал ее. Внезапно он вообразил, как Асят наткнулась на фашиста, тот расстрелял ее в упор, и она истекает кровью. А он гуляет себе преспокойненько по двору и покуривает сигареты. С какой радостью он побежал бы за ней, да что там побежал, на животе бы пополз, лишь бы спасти её. Но хирург был на посту...

Мадина Маркленовна тоже была в глубоком раздумье. Она давно заметила, что Саранов равнодушен к Асят. Однако девушка не хотела этого замечать. Ей казалось, будто они встречались очень давно и, возможно, были даже дружны, а потом разругались... Она принялась копаться в самых потаенных уголках памяти, мучительно пытаясь припомнить, когда и где они могли общаться, но память ничего определенного ей не подсказывала. Она старалась не думать о ней, но холодный взгляд девушки живо возвращал ее к реальности. Она узнала, что Асят за самоотверженный труд награждена почетной грамотой. Что когда ее хвалили на собраниях, выражение ее лица не менялось. А ведь в отличие от других медсестер, она работала спокойно, без лишних слов, стараясь не выделяться.

Доциева беспокойно оглянулась на Николая Николаевича. Тот курил одну сигарету за другой.

– Бедняжка, еще вчера утром я ее видела живой и здоровой. Огонь, а не девушка! – заметила она.

Неужели Асят больше не появится в госпитале?! Сердце его заныло.

Огонек сигареты вспыхивал в темноте все чаще, словно кто-то невидимый рисовал на черной ткани золотые серпики. «Я тогда остался совсем одиноким», – подумал он. Взглянул на неё и выпалил:

– У вас есть дочь, дай Бог ей здоровья, а я один. Кстати – как вы не боитесь оставлять ее здесь?

– А что же мне делать, – виновато отозвалась Мадина Маркленовна. – Не видите, я, как насадка, не покидаю рабочего места. Да и с продуктами, как везде, так и у нас перебои. И все же моя черноглазая красавица под контролем.

– Простите меня, – сказал он. – Я и не подумал об этом. Мне кажется, если бы у меня была семья, я тоже не оставлял бы ее ни на секунду. А своего ребенка таскал бы с собой за пазухой, как кенгуренка.

Хирург приложил руку к груди и продолжал стоять в такой позе.

– Пора вам обзаводиться семьей. Года бегут.

– Ради бога, поговорите с этой девушкой. Может, она вас слушает?

– С какой девушкой? – притворилась Мадина, будто не понимает, о ком идет речь.

– Асят.

– А... – запнулась Доциева. – А разве она девушка?..

– Нет, сама мне сказала... только я ей не очень-то верил.

– Не знаю, не знаю, – сказала Мадина. – Уж слишком она скрытная. И ребенок у нее, говорят, был...

– Был, но вроде умер. Какой бы она ни была, мне кроме нее никого не надо.

Снова раздался артиллерийский залп. Саранов вздрогнул, ему показалось, что немецкий наводчик выцеливает Асят. Послышалась очередная канонада... В этот момент в приемном покое зазвонил телефон. Со вторым звонком в окна зажегся свет. Белыми голубями выпорхнули во двор медработники. Дежурный врач, худощавая женщина, еще не закончила разговор по телефону, как к воротам госпиталя подъехали санитарные машины.

– Что-то они нынче рано, – испуганно произнесла Мадина.

– Немцы тоже начали рано, – кивнул Саранов в сторону фронта.

На востоке среди туч показалась Венера. Ему было приятно видеть яркую звезду. Теперь на заре вместо пения петуха были слышны взрывы да свист пуль. Шла война, ежедневно гибли люди. И то, что на небе, как обычно, зажигались звезды, создавало иллюзию спокойствия.

– Мамина Маркленовна, – словно бы извиняясь, обратился к ней хирург, – вы идите к больным.

– Хорошо, – ответила она и поспешила во второе хирургическое отделение. .

Не успел Саранов выйти за ворота, как его догнал дежурный врач.

– Товарищ подполковник медицинской службы, из Гизельского сельсовета звонит Асят!

– Что она там делает?!. – вытянулось лицо у хирурга. – Ранена?!.

– Нет. Она там с раненым красноармейцем.

От радости Николай Николаевич едва не задушил в объятиях женщину. Из здания госпиталя высыпали санитарки и сестры с сумками наперевес и побежали к санитарным машинам. Госпиталь располагался на Гизельском шоссе. Уже было светло, когда подъехала санитарная машина. Саранов пошел ей навстречу. Но Асят не было. Санитарки открыли заднюю дверь и выкатили носилки с раненым танкистом. Голова его была забинтована, сквозь повязки сочилась кровь. Боец лежал на правом боку, почти ничком. Хирург понял, что он ранен не только в голову, но и в спину. Или обгорел. Такого богатыря обычная пуля вряд ли свалит с ног, – подумал хирург, глядя вслед санитаркам, – Хотел было зайти в отделение, но передумал и заглянул в кабину.

«Где же она?» – подумал он.

Шофер открыл капот и копался в моторе. Саранов подошел к нему и спросил:

– Медсестры с вами не было?!.

– Была, – ответил водитель, русский парень. – Только она уехала на передовую.

Он растерялся. Внезапно ощутил чудовищную усталость, и чтобы не упасть, оперся о дверцу машины. Сквозь звон в ушах слышал удивленные голоса санитарок:

– Странно, как ей удалось дотащить такого великана.

Хирург отошел от машины, в которую сели две медсестры – одна возле водителя, другая в кузов. Шофер закрыл капот.

– Удачи вам, – сказал капитан Саранов. Хотел было добавить, чтобы присмотрели за Асят, но воздержался, вздохнул только тяжело и вернулся в госпиталь. Из приемного покоя позвонил доктору Доцовой:

– Мадина Маркленовна, пошлите за теми, кто отдыхал дома.

– Он ранен в голову, а спина обгорела, – сказал дежурный врач.

Саранов осмотрел раненого.

– Рана неопасная, а вот ожог довольно сильный – как минимум, третья степень...

Из кармана бойца Саранов извлек документы и прочитал: «Дзодзиков Сослан...» – Это же наш земляк! – воскликнул он. – Старший лейтенант гвардейской танковой дивизии... осетин. Мы даже соседи!..

«Герой! – с гордостью подумал хирург – Но наша Асят – еще не такой герой! Такого бойца тащила на себе с поля боя до Гизели!»

Он поднес к носу танкиста ватку, смоченную в нашатырном спирте, наклонился к нему и спросил по-осетински:

– Вы не видите меня? Откройте глаза!

Танкист пробормотал что-то невнятное.

Хирург снова обратился к нему, теперь уже по-русски, но тот ничего не ответил.

– В восьмую палату хирургического отделения! – приказал он. Вдвоем нести носилки с раненым было тяжело, поэтому взялись вчетвером.

– Да он что, на самом деле, свой танк проглотил, что ли?!.. – пробурчала одна из санитарок....

– Да не такой уж он и грузный, – вымолвил Саранов, – мы просто усталые... В танкисты ведь великанов не берут...

Не успели раненого танкиста положить на койку, как в приемный покой завели выбившуюся из сил Асят...

После обхода Саранов зашел в бывший спортзал, оборудованный под больничный покой. В громадном помещении в три ряда стояли койки. Напротив двери у окна, на кровати сидел раненный в правую руку боец и вслух читал газету. Другие внимательно слушали его.

Увидев хирурга, все засуетились.

– Как здоровье, бойцы? – громко спросил Николай Николаевич.

– Выздоровливаем!.. – отозвался нестройный хор голосов.

– Чем вы тут заняты?!

– Читаем последние сводки с полей сражений!..

– Разрешите, товарищи бойцы, и мне присоединиться к вам, – сказал хирург и присел на край пустой кровати, что стояла справа от двери.

Раненный в руку боец Федор начал читать:

– 5-го ноября 1942 года силами 9-ой и 37-ой Армии Южного фронта, под городом Владикавказ были взяты в полукольцо войска немецко-фашистских захватчиков. На всем протяжении линии фронта ни один советский солдат не уступал врагу ни пяди своей земли. На этой огненной черте под градом пуль, снарядов, мин и залпов «катюш», фашисты были остановлены...

У Саранова на глаза навернулись слезы, слезы радости и, он, извинившись, вышел...

А раненые ликовали. Крики «Ура!..» заполнили спортзал. В потолок полетели шапки, а некоторые на костылях пустились в пляс... Солдаты радовались, словно уже полностью изгнали фашистских захватчиков.

Вошла Доциева с газетой «Правда» в руках, поздоровалась со всеми, обождала, пока утихнет радостный шум, и произнесла:

– Прошу внимания! Прочтите, пожалуйста, мнение коман-

дующего бронетанковыми войсками немецкой армии генерала Макензена... – И вышла.

Федор снова начал читать:

↳...О масштабах поражения армии вермахта в начале ноября 1942 года немецкий генерал Макензен заявил: «...Четырехдневная битва под селением Гизель окончилась полным поражением 3-го танкового корпуса немецкой армии... Планы уничтожения наших войск проходили успешно, благодаря смелому стремлению всех участвующих частей Красной Армии... Я выражаю всем многочисленным войскам империи свою глубокую боль и сочувствие...»

– Ура-а!..

ф/ Фронт отодвинулся на северо-запад от Северной Осетии. Очистились от немецко-фашистских захватчиков Кавказские горы, заблестели под лучами Солнца вершины ледников. А ущелья гор все же оставались с темно-серыми оттенками...

С берегов Волги подул сильный ветер, трепля и разгоняя черные тучи, чтобы сбросить их в Черное море...

Настала весна. Но война шла, жестокая война... Во Владикавказ продолжали прибывать эшелоны с ранеными бойцами...

ф/ Накануне 8-го марта в кабинете начальника госпиталя проходило собрание. Сотрудницам за хорошую работу вручали грамоты, подарки... Начальнику праздничную атмосферу создать не удалось из-за занятости служащих.

Но все же в его кабинете собралось немало людей. Асят и Нина вторые сутки дежурили у раненых, и от усталости ели держались на ногах...

– Я недолго вас задержу, – сказал Езеев...

Медсестры, санитарки, врачи, стояли вдоль стен. Асят вошла одна из последних и окинула взглядом кабинет. Над широким письменным столом Езеева висели портреты Ленина и Сталина. Слева тянулись полки с книгами, справа – два занавешенных окна. Саранов не спускал с Асят глаз. Когда их взгляды встретились, она покраснела. Сердце его приятно затрепетало, заметив, как смутилась она.

– Вот раздам вам подарки и отпущу, – сказал Езеев.

Люди расселись кто куда. Асят встала у двери, она не привыкла сидеть во время собраний. Нина, которой удалось примоститься на краешек стула, встала рядом с Асят. Езеев подошел к своему столу. Оглядев присутствующих, он подумал: «Бедняжки, кто-то из них успеет поспать, а кто-то будет поднят по тревоге! Ночью придут четыре эшелона, первый эшелон наш...» Пройдясь тонкими, бледными пальцами по волосам, он начал:

– Дорогие наши женщины, поздравляю вас с праздником 8-го марта! Желаю вам счастья и успехов! Советское правительство благодарит вас за самоотверженный, упорный труд! Когда враг наступал на столицу нашей республики, то многие из работников госпиталя тоже вышли с лопатами и кирками... чтобы укрепить оборону города. Все они отмечены наградами!..

Он стал называть по фамилии служащих госпиталя и вручать им награды, грамоты...

– Медицинская сестра Нина Коцоева за самоотверженный труд по сооружению оборонительных укреплений, на северных подступах города Владикавказа, награждается медалью «За оборону Владикавказа»...

Хирург Мадина Маркленовна Доциева за неустанную сердечную заботу о раненых, за проявленную инициативу и квалифицированную помощь при лечении, награждается медалью «За отвагу»...

Так шел процесс своим чередом... Люди обменивались впечатлениями...

Последней в списке была Асят. Езеев посмотрел на нее и увидел, что она бледна и стоит, прислонившись к стенке.

– Награждается медицинская сестра Асят Астанова медалью «За отвагу» за то, что она ночью вынесла с поля боя раненого танкиста... – услышав это, Асят вспомнила эту невероятную трудную ночь... – Я к тебе обращаюсь, Астанова!

Нина слегка пнула ее в бок локтем, чтобы привести в чув-

ство, после чего та вздрогнула и в недоумении стала озираться по сторонам.

– Асят, возьми свою медаль и почетную грамоту! – сказал Езеев.

Она с надеждой посмотрела на своих коллег, как смотрит ученик на одноклассников в ожидании подсказки, но те молчали. Только Нина не сдержалась:

– Поп глухому дважды обедню не служит...

Хирург Доциева подошла к начальнику и попросила:

– Андрей Андреевич, разрешите нам выйти.

Он в знак согласия покачал головой и все сослуживцы вышли. А хирург Саранов сидел за столом и что-то писал.

– Асят, – обратился к девушке Езеев, – почему не берешь свою награду?..

Асят нахмурилась:

– Какая награда?!

Он взял со стола грамоту с медалью и протянул ей.

– Это мне?! – удивилась она. – За что?!

Хирург почувствовал раздражение. Он хотел сказать, что уже об этом говорил, но побоялся, что та обидится, поэтому встал и подошел к ней.

– Медалью же ты награждена за то, что проявила мужество, без страха, не жалея себя, выносила с поля боя раненых красноармейцев. И еще за то, что спасла от смерти обгоревшего танкиста Сослана Дзодзикова. Сегодня он снова в рядах Красной Армии.

Асят ошеломленно смотрела на него...

«За спасение Сослана Дзодзикова...» Сердце её отчаянно заколотилось в груди. Стало быть, она тащила на себе дорогого ей человека и даже не признала его. Оказывается, всю ночь была с Сосланом, а у нее даже не екнуло в груди. Но нет! Не может быть такого! Скорее всего, это был кто-то другой из его родственников... Интересно, какие у него были глаза?!

Он, словно услышав вопросы девушки, сказал:

– Такого красавца я еще не видывал. Мужественное лицо, чистые голубые глаза...

– Голубые глаза?..

Асят больше ничего не слышала. Она потеряла сознание и сползла вниз по стене...

Езеев кинулся к ней, но не успел. Асят упала... Они подняли её и бережно уложили на диван. Андрей Андреевич достал из аптечки пузырек с нашатырным спиртом, намочил вату и поднес к ее носу. Она очнулась, но секунду-другую не могла опомниться... А Саранов положил компресс ей на лоб и укрыл покрывалом. Два хирурга посмотрели друг другу в глаза и поняли, что бравый танкист для неё не просто боец. И все же Саранов надеялся, что Сослан ей родственник...

Наконец Асят глубоко вздохнула... В эту секунду дверь открылась и позвали начальника госпиталя. Езеев, отдал пузырёк Николаю Николаевичу и вышел.

К этому времени Асят пришла в себя и натянула одеяло до подбородка. Лучше бы не узнала ничего. Как могло так случиться?!

Ах, сожаление! Как оно мучительно порой...

Слезы душили Асят. В отчаянии она сжимала кулаки и кусала губы. А Саранов присел возле нее на корточки и спросил:

– Это он?..

Асят повернулась к нему лицом и посмотрела в глаза, но ничего не ответила. Впрочем, он уже знал ответ.

Асят отвернулась к стене. Все пережитые мучения чередой проносились перед ее мысленным взором. Однако если бы можно было соединить их воедино, все равно они не перевесили бы сожаления или чувства утраты. И как только земля не разверзлась под ее ногами в ту минуту, когда раненного Сослана погрузили в машину, а она вернулась на поле боя... Как ее ладони, соприкасаясь с ним, не ощутили родного человека?! Даже краешком глаза не удосужилась взглянуть ему в лицо. Она обернулась к хирургу и, увидев его подавленное состояние, тронула его за руку. Прикосновение было неожиданным и Саранов дрогнул.

– В какой палате он лежал?! – спросила она слабым голосом.

Он чувствовал себя абсолютно опустошенным, будто вихрем выветрило содержимое его души. Решительность, сила, любовь – все растаяло, как снег под палящими лучами солнца. Отрешенно глядя в угол, он сказал:

– В восьмой палате первого хирургического отделения.

Через некоторое время они стояли у двери палаты, в которой лежал Сослан. Он был уверен, что сейчас она разрыдается, но та была на удивление спокойна. Вроде как не она его, а он насильно привел ее сюда. Он открыл дверь, из палаты донеслись голоса раненых. Саранов головой указал им на дверь и они, стучая костылями, с удивленными лицами вышли. Он придержал дверь и пропустил в палату девушку. Сердце её колотилось, будто готово было выскочить из груди. Саранов плотно закрыл дверь и кивнул на первую слева от входа койку, накрытую голубым одеялом. Асят подошла ближе. На подушке виднелось пятнышко крови. Она решила, что эта кровь непременно из раны Сослана, и потрогала пятно рукой. Плечи ее подрагивали.

Он стоял у окна... Конечно, слезы облегчают душу, – думал он. Спустя несколько минут, Саранов приблизился к девушке и побратски обнял за плечи:

– Пойдем, дорогая... Неудобно от раненых...

Они вышли из палаты и по коридору направились в кабинет...

Смотрят – навстречу им с улыбкой на лице идет сам Андрей Андреевич Езеев.

– Можно подумать у вас родился сын, – шутя сказал Саранов, – такой счастливый вид имеете, товарищ подполковник медицинской службы.

– Не менее радостная весть. Москва выделила нашему госпиталю новую операционную аппаратуру, – сообщил начальник госпиталя и зашел в ближайшую палату...

А Саранов и Асят направились в кабинет за ее наградой...

Губы Асят на её бледном лице трепетали, как лепестки роз.

Она хотела что-то сказать, но не могла. Саранов взял ее под руку, и они пошли по длинному коридору госпиталя, и он решил про себя, что непременно разыщет старшего лейтенанта Дзодзикова. Ей после вручения награды надо отдохнуть, а то скоро эшелон с ранеными пребывает...

Асят молчала. Она думала о плакучей иве. Чуть погода попросила его:

– Разрешите мне съездить домой... в Ногкау...

– Не могу! – сокрушенно покачал головой Николай Николаевич.

Она вспомнила про эшелон и спросила:

– Когда он прибудет?

– В полночь. Иди, отдохни.

– Хорошо...

Он хотел выйти на улицу, но в коридоре ему встретила Нина, которая сообщила, что начальник его вызывает.

Через минуту-другую он был в кабинете Андрея Андреевича и на его вопрос, как себя чувствует Асят, Саранов ответил с гордо-грустным взглядом:

– Товарищ подполковник медицинской службы, Асят из тех людей, которые умеют героически принимать удары судьбы...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На закате дня Асят добралась до села Ногкау. Ее давно никто не ждал, и все же, когда ей удавалось вырваться, приезжала в село. Первым делом шла к плетню, возле которого был похоронен Домбай, затем заходила в пустой дом Байсонгуровых и разводила огонь. Когда из трубы начинал виться дымок, сельчане знали, что приехала Асят. По возможности навещала и Поли в селе Аргинараг.

Зарина не решилась взвалить на свои хрупкие плечи тяжелое вдовье ярмо. Она вновь вышла замуж и уехала в Кахетию, а дочку оставила на попечение матери Поли.

Асят вернулась с работы, прибрала в комнате и села дошивать Диане платье. Она понимала, что не скоро увидит девочку, но все же хотела сделать ей что-нибудь приятное. Зарине и Поли тоже купила платки. Вечером, уже после того, как по радио передали последние известия, она закончила шить и повесила готовое платье на спинку стула, после чего задула лампу и легла спать. Еще не остыло стекло керосиновой лампы, как около дома остановилась санитарная машина и подала условный сигнал. Асят, как по тревоге, вскочила, быстро оделась, схватила свою сумку и выбежала на улицу. Села в кабину, поздоровавшись с водителем, спросила:

– Эшелон близко?..

– Эшелон прибыл... – ответил он.

– А Нина где?

– Вон, в кузове...

Рокот моторов автомобилей нарушал тишину города...

По вокзалу сновали санитары с носилками в руках. Раненых выносили из вагонов, загружали в подъехавшие санитарные машины и увозили в госпиталь.

Асят спрыгнула с подножки кабины и потуже затянула пояс. К ней подбежала Нина.

– Каждый раз хочу тебе рассказать, да все никак не удается.

Видела бы ты, какая здесь, на привокзальной площади, царила суматоха, когда прибывали первые составы с ранеными. Люди влезали в вагоны, рыдали, причитали, толкаясь, заглядывали в санитарные машины и осматривали носилки с ранеными. До сих пор звенят в ушах их крики: «Моего родимого понесли!...». «Это наш, наш это!.. Вновь и вновь припадали к носилкам, обнимая и лаская раненых. Они мешали работать, и тогда пришлось поставить часовых, чтобы сдержать напор толпы. Позднее людей оттеснили от вокзала, освободили площадь, и работа пошла быстрее... а со временем людей стало меньше...

– Человек ко всему привыкает, – сказала Асят и стали пробираться сквозь толпу к составу.

С этого вокзала уезжали на фронт молодые, здоровые ребята. А кровожадный Гитлер проглатывал их, как крокодил, набивая утробу. Тех же, кого уже не мог проглотить, выплевывал на землю – кого без рук, кого без ног... Врачи день и ночь боролись за их жизни, старались залечить раны.

У четвертого вагона стояла дежурный врач и, приложив ко рту сложенные рупором ладони, кричал:

– Товарищи! Кто заберет раненых в ноги?!

– Мы, – ответила Асят и устремилась к ней.

– Возьмите истории болезней, ^{сказала} она, а сама легко вскочила в вагон. Следом поднялась Асят. Когда ей передавали истории, подошли Нина с шофером.

– Федоров Иван!.. – выкрикнула Асят.

– Я!. – отозвался один из раненых.

У солдата были перевязаны ноги, без помощи посторонних передвигаться он не мог. Это был первый из многочисленных раненых, кого Асят с Ниной перевезли в госпиталь в этот вечер. По мере того, как их выгружали из вагонов, толстая кипа историй болезней из рук Асят перекочевывала в ее брезентовую сумку.

Крики людей, рокот двигателей санитарных машин, тяжелые стоны раненых, топот спящих ног слились в единый гомон, и этот утомительный шум, как змея, вползал в щели окон и две-

рей проживающих возле вокзала граждан. Им было не до сна. Многие из них покидали свои дома и предлагали помощь санитарам.

Когда в руке у Асят осталась последняя история болезни, из-за туч выглянула Луна. Свет ее проник в вагон. Она улыбнулась и наклонила голову, чтобы получше разглядеть её через окно. В это время Нина с шофером укладывали на носилки забинтованную в правую ногу раненого солдата, который скрежетал зубами от боли, но крепился. Асят отметила про себя его терпение, подошла и помогла переложить на носилки.

– Все будет хорошо, – погладила она по голове раненого.

– Понесли! – сказал шофер, – и они подняли носилки.

За ними Нина несла на руках какого-то мальчика, Асят окинула взгляд по вагону – не остался ли кто, затем посмотрела последнюю историю болезни и, прочитав фамилию «Дзодзиков», вскрикнула.

Умудренный опытом врач взяла у нее папку, пробежал глазами по строчкам и спокойно произнес:

– Однофамилец?! Такое часто случается. В моей практике бывало всякое: представь, однажды в санитаром поезде встретились отец и сын. То-то была радость!.. Распишись, пожалуйста, вот здесь. – И подвинула ей журнал.

Прежде чем расписаться, Асят достала из сумки истории болезней и пересчитала их.

– Проворная вы девушка, – сказал врач и улыбнулась ей усталой улыбкой.

Асят направилась к машине, моля Господа о спокойствии и выдержке – а вдруг это он?!

Машина с включенными фарами и работающим двигателем стояла на привокзальной площади. На асфальте лежали носилки с раненым, а рядом, подбоченившись, стоял шофер.

– В чем дело?! – спросила она.

– Да ни в чем, освобождают ему место, – ответил шофер.

– Готово, несите! – крикнули из машины.

– Взялись! – скомандовал шофер.

Он встал в изголовье носилок, а Асят – в изножье, привычным, согласованным движением подняли и понесли. Мимо прошла Нина с ребенком на руках. Ребенку на вид было года четыре. Его передали санитарам, собрались захлопнуть дверь машины, но тут мальчик закричал: «Тато, тато, иды до мэне!» Лежащий на носилках солдат протянул руку мальчику и попросил:

– Ради Бога, не разлучайте нас...

Асят бросила взгляд на него и, увидев до боли знакомый безымянный палец, застыла в оцепенении. Она не могла оторвать глаз от руки раненого. И поскольку, пальцы его сжали ручонку малыша, взгляд Асят крадучись пополз от руки к лицу...

«Сослан!..» в восторге, она и прислонилась к борту машины... Откуда-то издалека до нее снова донесся умиротворенный голосок украинского мальчика:

– Тато, тато...

Нина тронула Асят за локоть и спросила:

– Отца с сыном вместе везем?

– Да, – кивнула она головой и снова прижалась к борту.

От резкого сигнала Асят вздрогнула, сдвинула платок на лоб, а марлевую повязку подняла до самых глаз и забралась в кузов. Сколько раз она пыталась представить себе встречу с ним, но никак не ожидала, что она будет такой. Нет, она не откроется ему. Если в его сердце осталась хоть маленькая искорка чувства, то он сам ее разыщет. Но чем больше сдерживала свои чувства, тем сильнее они рвались из груди.

Шофер старался вести машину осторожно, но ее все же потряхивало, и тогда раненые стонали. При очередном толчке вскрикнул и Сослан. Асят не выдержала, склонилась над ним и стала утешать по-русски... Мальчик прижался к раненому и заснул.

Когда подъехали к госпиталю, первые лучи Солнца заиграли на окнах сортировочного пункта...

Асят вернулась домой встревоженной. Сердце ее осталось в одной из палат госпиталя. На отдых дали сутки. Раньше этих су-

ток не хватало ни на что, теперь же время тянулась нестерпимо долго. Она надеялась, что Саранов, узнав Сослана, обязательно придет за ней. Да, он действительно узнал Дзодзикова, но не послал за ней. Хирург не сказал ему ни слова, не то чтобы приободрить или утешить, ровно и не знал того вовсе. Единственное, о чем он подумал, глядя на него: «Не зря тебя ждут!» Он поразился его выдержке. Когда пальпировали рану, а затем чистили и обрабатывали, Сослан не издал ни звука. Только зубами скрипел да морщился. А когда его увезли, Саранов обратился к Мадине Маркленовне:

– Как вы думаете, каково состояние этого бойца?

– Не знаю, – пожав плечами, ответила она. – Кажется, началась гангрена, – покачал головой хирург, – боюсь, как бы не пришлось ампутировать...

– А кто этот мальчик ему? – спросила Доциева.

– Рота Дзодзикова атаковала одно украинское село. Впереди шли танки, за ними пехота. Сослан подбил немецкий танк, а когда добрался до окраины села, то заметил, что на дереве болтается что-то, похожее на гигантскую летучую мышь. Подъехав поближе, он увидел, что это ребенок, висящий на ветках – фашисты подвесили его за ляжки штанов. Плачет. Сослан вылез из танка и побежал к ребенку, но снайпер не подпустил его к дереву. Тогда он пополз по-пластунски до дерева и снял пацаненка, правда пуля угодила ему в плечо. Рана была легкая, и он не обратил на нее внимания. Ребенка отправили в санчасть, а вечером самого привезли туда же с раздробленной стопой. Мальчишка узнал его и стал называть «тато», то есть «папа».

Мадина Маркленовна слушала рассказ, смахивая слезы.

– У мальчика, наверное, никого нет?

– Сестер расстреляли фашисты, а мать, вроде, в плен забрали...

– У Сослана, по-моему, тоже?

– Откуда вы взяли, что у него никого нет?

– Не знаю, никто к нему не приходит, жена, говорят, ушла к другому. Он же местный...

– Неправда, – сказал Саранов. – Должен Вам сказать, что его ждет очень хороший человек.

– Кто он?! – с интересом спросила она.

– Зачем Вам это знать? – махнул рукой хирург. – Все равно вы его не знаете.

– А мне он кажется очень знакомым, – задумчиво произнесла она.

– Кто?!.

– Сослан. Вроде я его где-то видела. Особенно его голубые глаза.

– Так ведь он лечился же у нас...

– Правда?!.

Боль не давала заснуть Сослану всю ночь. Он стонал, иногда стон переходил в крик. Под утро удалось задремать. К завтраку не притронулся, потом стал бредить. К вечеру поднялась температура, рана воспалилась. Состояние его стало тяжелым. Хирурги не решались его оперировать, так как боялись за его жизнь. Придя в себя, Сослан потребовал, чтобы ему ампутировали ногу. Езеев пригласил в качестве консультанта профессора военного гарнизона. Однако тот не разрешил ампутацию. Доциева поняла, что дело безнадежное, и предложила сама прооперировать.

– Я беру на себя ответственность, – сказала она.

– Не бывать этому! – отрицательно покачал головой профессор.

Езеев укоризненно посмотрел на него.

– Положение Дзодзикова очень тяжелое. Если ампутируем ногу, то может быть, он еще выживет, а так не протянет долго. Надо ампутировать, пока гангрена не поползла до колена.

– А ведь врач-кардиолог дает нам добро на операцию, – уверенным видом сказала Доциева.

Профессор разозлился.

– Вы что, не видите, что это уже труп? Неужели его обязательно надо отправить к праотцам без ноги?! – повернулся к Мадине. – Кто вы такая, собственно, говоря?

– Хирург Доциева...

– Нет! Как только вы его положите на стол, он умрет!

Мадина решительно встала, от волнения почему-то закатала рукава халата.

– Я отвечаю за его жизнь, – с вызовом произнесла она. – В операционную!..

– Я с вами! – сказал Езеев.

– И я... – вскрикнул Саранов.

– Ах, делайте что хотите, только своей подписи я не поставлю!.. – махнул рукой профессор.

– Нам не нужна ваша подпись!.. – сказала Доциева. – Самое главное, у него крепкое сердце.

Профессор и Езеев вышли. Саранов постоял немного молча, потом спросил:

– Интересно, Асят на работе?

– Нет, – ответила Мадина Маркленовна.

Он облегченно вздохнул и подумал: «Хорошо что она не знает, что Сослан здесь. А то вдруг мы его не сможем спасти... Пусть ждет, надежда умирает последней».

Рано утром две медсестры завезли в операционную Сослана. Все сверкало белоснежной стерильной чистотой. Света было столько, будто все фонари мира направили в это помещение. Когда Сослана перекладывали на операционный стол, он был спокоен. Ни стоны, ни крика, словно смирился со своей судьбой.

Хирург оглядел раненого. Мужчина, крепкого телосложения, лежал неподвижно. Один бог знает, сколько фронтовых дорог исходили эти ноги, а сейчас одна из них почернела... Через некоторое время беспощадная пила отделит гнилую плоть. Саранову почему-то захотелось, чтобы Асят очутилась рядом. Он даже несколько раз посмотрел на дверь, хотел послать за ней, но потом передумал. Справа от стола стоял аппарат для пере-

ливания крови, слева выстроились готовые к работе хирург Доциева, нарколог Зина и операционные сестры Зоя и Нина. Они переглянулись и приступили к операции...

– Наркоз! – скомандовала Мадина Маркленовна и наклонилась к бледному лицу Сослана. – Прости, если я вдруг...

Длинные ресницы Сослана тяжело поднялись и опустились. Она встала над раненой ногой, напротив – ассистирующий ей Саранов. Медсестра Нина подкатила столик с блестящими хирургическими инструментами. Доциева взяла скальпель и сделала первый надрез... Нина – подавала ей нужные инструменты. По мере того, как хирург рассекал мягкую ткань, Николай Николаевич ставил зажимы. Движения хирурга Доциевой были рациональны, выверены и свидетельствовали о большом хирургическом опыте. Время от времени она бросала взгляд на мертвенно-бледное лицо Сослана. Заметив испуганное выражение глаз Зины, успокаивающе подмигнула ей, дескать, все в порядке. Все они были профессионалами и понимали друг друга с полувзгляда. Но вдруг Зоя сказала:

– Пульс...

– Кислород! – скомандовал хирург.

– Есть кислород!

– Камфара!

– Есть!..

Зоя быстро ввела необходимый раствор в больного...

– Есть пульс... – ответила она.

Мадина улыбнулась, но под маской улыбку никто не заметил мягкое шипение кислородной подушки, позвякивание инструментов, неустанное движение медицинских сестер, никелированный блеск под лучами мощных электрических ламп – все это способствовало созданию деловой атмосферы, необходимой при такой старательной работе. На столике у Нины оставалось все меньше и меньше неиспользованных инструментов. Операция приближалась к концу. Саранов внимательно пересчитал инструменты, зажимы, тампоны, и только после этого хирург стала накладывать швы...

Солнце клонилось к закату, когда Сослана привезли на каталке в третью палату. Больной очнулся, хотел что-то сказать, но язык его не слушался.

– Мадина, спа-а-сибо, – еле слышно проговорил он.

Богатырский его организм боролся с наркозом...

Сослан забылся. Зина поставила ему капельницу и на всякий случай приготовила кислородную подушку. Доциева с Сарановым покинули палату. Они пошли в ординаторскую и устало опустились на диван. Мадина Маркленовна позволила себе расслабиться и, из ее красивых глаз покатались слезы...

– Вы что, от радости плачете?.. – улыбнулся Николай Николаевич.

– Нет, – промокнула она марлевой повязкой глаза, – рано радоваться.

– Когда он был ещё у нас в госпитале?

Саранов сделал вид, будто не помнит.

– Да мало ли у нас их бывало, – сказал он и замолчал, вспомнила Асят. «Может, она ничего не знает? Хотя как она может не знать, если сама же и привезла его в госпиталь..» – подумал он.

Когда Сослана катили в операционную, дверь кладовой младшего обслуживающего персонала была приоткрыта. Изнутри, умываясь горячими слезами, за проходящим наблюдала Асят. Потом заперлась, упала на колени и стала молиться, но забылась в тяжелом сне. Разбудил ее стук в дверь. Было утро. В маленькое окошко комнатки заглянуло солнце.

– Ты что, умерла там что ли? – услышала она голос Нины.

Асят встала, покачиваясь, как пьяная, подошла к двери и открыла ее. Вошла Нина, в руках она держала какой-то сверток.

– Извини, я задремала немного, – сказала Асят.

– Ничего себе задремала! Да ты проспала все на свете! Дзодзикова же оперировали и положили в мою палату.

Даже здесь не повезло ей – Сослан попал к другой...

– Что ж, я рада за тебя.

– Сходи, пожалуйста, вместо меня на кладбище, – попросила Нина.

Асят не сразу поняла, зачем в такую рань на кладбище. Но тут она заметила в руках подруги сверток, и ее осенило – Нина держала завернутую в белую ткань часть тела родного для нее человека...

Она взяла сверток, выпросила лопату у вахтера и пошла мимо госпиталя в сторону селения Гизель. На кладбище выбрала место, похоронила стопу в чем и как было завернуто... А сверху положила небольшой плоский камень.

Вернувшись в госпиталь, она встретила у входа Саранова. Он видел, куда и зачем она ходила, и специально поджидал ее у ворот. Он взял у нее лопату и поставил за калиткой.

– Асят, я собирался идти к тебе.

– Куда?

– На кладбище.

Она промолчала. Саранов все знал. Не поднимая головы, она попросила:

– Прошу вас, не говорите ему ничего. Может, он и забыл меня...

– Меня удивляет, что может быть общего между вами, – хирург нежно взял Асят за локоть. – Мое предложение все еще в силе. Прошу тебя, выходи за меня замуж. У него же семья...

– Я знаю, да еще мальчика привез с собой, – добавила девушка.

– Это не его сын, пацана он встретил на фронте.

В глазах Асят вспыхнула надежда, но все же она возразила:

– Он же его «папой» называет.

– У мальчика никого нет, Сослан его усыновил. А для нас он «сын госпиталя»!. – он помолчал немного, затем спросил: – Что скажешь, Асят?

Асят вздохнула:

– Я очень вам благодарна за то, что вы заботитесь обо мне, но не могу...

– Ну что же, Асят, тогда будь счастлива! Я пошел...

– Счастливого пути! – сказала Асят и поспешила в свое отделение.

Нина, еле державшаяся на ногах от усталости, вышла из палаты.

– Иди, отдохни, – предложила ей Асят.

Каждый раз, подходя к третьей палате, у Асят замирало сердце. Она не решалась переступить порог. Вот и сейчас, приблизившись к двери, она испытала то же самое. Остановилась в нерешительности, но тут же из палаты выскочил маленький Тарас, «сын госпиталя», и испуганно закричал:

– Тато!..

Асят побежала за помощью в ординаторскую. Через минуту к Сослану спешили Мадина Маркленовна, Нина и Зоя. Асят вошла в палату следом за ними. Сослан лежал слева от двери. У его койки толпились медицинские работники. Нина ставила капельницу. Сослан дышал прерывисто, грудь его тяжело вздымалась, губы почернели. Асят будто в первый раз увидела безногого человека. Сердце её защемило от жалости. Здоровая левая нога шевелилась, словно колыхалась на волнах. А культя же оперированной ноги покоилась на специальном приспособлении для вытягивания мягких тканей. Слезы бежали по щекам ее так, что маска намокла...

В этот день она не заходила больше к нему, не было причин. Как-то Нина разыскала ее и попросила подежурить в третьей палате, ей необходимо было сбегать домой... Асят промолчала. Она подумала, что та отказывается, и принялась уговаривать ее.

– Да там делать нечего, Дзодзиков спит, другие не такие тяжелые, просто посиди около него. Я мигом вернусь...

– Хорошо, – согласилась она.

Зайдя в палату, среди храпа спящих раненых Асят расслышала стон. Подошла к больному, лежащему у окна, дала ему воды, потом повернулась и встала у койки Сослана. При тусклом свете лицо его было хорошо видно. Левая рука лежала поверх одеяла. Она склонилась над ним. По дыханию было заметно, что

состояние больного улучшилось. Сослан словно почувствовав ее присутствие, шевельнулся.

– Воды...

Она проворно вскочила, взяла с тумбочки стакан с водой и, приподняв голову Сослана, поднесла к его губам. Сослан сделал глоток, и она осторожно, опустила его голову на подушку. Может быть, он вспомнил прикосновение ее теплых рук и спросил спросонья:

– Кто вы? Нина?..

– Да... – ответила Асят.

Она поняла, что Сослан не услышал ее ответа, потому что тут же уснул...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В праздничный день 2 мая 1944 года, после завтрака, во дворе госпиталя на солнышке сидели раненные. Одни играли в шахматы, другие – в домино, кто-то читал книгу, а некоторые просто беседовали. У кого-то была забинтована голова, у иного плечо, у кого-то рука... В стороне от всех, опираясь на костыли, стоял мужчина без правой ноги. Весь его вид выражал нарочитую беззаботность, дескать, смотрите, я безногий, но все же стою. Слышался веселый гомон, смех, звуки баяна.

В это время в сестринской комнате Асят гладила свой халат и думала о жизни своей... Странно, что к Сослану не приходил ни один посетитель. Где же его жена, сын?.. Да, кстати, сын! Как же она забыла? Ведь сегодня сыну Сослана исполнилось десять лет... Десять лет прошло с тех пор, как она встретила Сослана. Асят отставила утюг и присела на стул.

Тут же зашли Зина и Нина.

– Асят, – умоляюще посмотрела на нее Зина, – сыграй нам на гармошке... один-единственный раз.

Нина отошла в сторону, боясь, как бы та не обиделась за то, что она выдала ее. Но Асят промолчала и тогда она тоже присоединилась к просьбе.

– Раненные очень просят, чтобы ты сыграла.

– Хорошо, – улыбнулась Асят.

Зина с Ниной радостно захлопали в ладоши и втроем направились во двор. Когда проходили мимо третьей палаты, из открытой двери послышался голос Сослана:

– Нина!..

Сердце Асят замерло. Нина заскочила в палату и вынесла на руках «сына госпиталя».

– Дзодзиков просит отвести его во двор, – сказала она.

Коридор сиял чистотой. По пути Асят заглянула в палаты и поинтересовалась, не нужно ли кому что. Но в палатах было мало раненных – все, кто мог передвигаться, были на дворе...

Сослан же, оставшись один в палате, достал из-под подушки знакомый нам носовой платок и принялся его разглядывать. От времени платок пожелтел, а края и вовсе потемнели. Камешек и серьги тоже были здесь. Он вспомнил историю, рассказанную Лазарем...

Было это зимой 1943 года...

Сослан чистил свое обмундирование и выложил из кармана платок. В это время к нему подошел Лазарь, которого он не заметил.

– С Новым годом! – сказал Лазарь и узрел платок и серьги.

– И тебя тоже! – ответил Сослан и хотел спрятать свое «богатство».

– Что это ты хочешь спрятать от меня? – спросил Байсонгуров.

– Да ничего, – Сослан скомкал платок и, уже хотел убрать в карман, как Лазарь обнял его.

– Сослан, нас дважды сводила друг с другом эта страшная война. Помнишь, первый день, когда мы были с Таймуразом на плацу?!

– Конечно, помню! – ответил Сослан. – Тебе же плохо стало, когда узнал о начале войны.

– От такой вести любой содрогнется, – обиделся Лазарь, – но у меня колени задрожали вовсе не потому, а из-за тебя! Скрывать более нет смысла!..

– Из-за меня?! – удивился Сослан.

– Да! – сказал Лазарь. – Но тогда я еще не знал точно – ты это или не ты!.. Сейчас уже нет никаких сомнений, я вижу свидетельство.

Дзодзиков вскинул брови и застыл как вкопанный. А Лазарь забрал у него платок вместе с содержимым и взвесил на ладони.

Это была тяжелая судьба. Перед его мысленным взором промелькнула Асят и ее маленькая дочка. В уголке платка виднелись знакомые инициалы, такие же, как и на серьгах. Лазарь посмотрел в лицо Сослану и хмыкнул – да, перед ним стоял отец

Светланы. Он нахмурился и строго спросил:

– Сослан! То, что мы встретились на фронте, это, конечно, интересно, только... еще интереснее – как к тебе попали эти сережки? Мы же их продали ювелиру!..

У Сослана закружилась голова, и он вскрикнул:

– Асят!?

– Хочешь, я расскажу тебе все? – Лазарь окинул взглядом казарму. – Только не здесь. Пойдем прогуляемся...

Они пошли в морозный лес. Под ногами приятно поскрипывал снег. Лазарь рассказывал печальную историю бедной девушки, а Сослан ругал себя последними словами, но толку в этом не было никакого.

Так он узнал, какое несчастье постигло Асят...

– Моя дочка Светлана, сын Артур, Асят, где все они?! – застонал Сослан, как раненый олень...

Он попытался повернуться набок, но боль пригвоздила его к месту. Как только Сослан окрепнет, он будет писать во все инстанции и обязательно их разыщет. Пробовал даже сегодня, но руки не слушаются, нет сил.

– Эх, каким дорогим ты стал для меня, Лазарь, и как вскоре пал смертью храбрых на поле сражения!.. – воскликнул Сослан.

Мысли таскали его то по полю под Орлом и Брянском, где был похоронен Лазарь, то вдоль оврага, где росли плакучие ивы и где прошли лучшие часы жизни... И неизвестно, сколько бы он пребывал в горестном размышлении, если бы до его слуха не донеслись звуки осетинской гармошки. Играли довольно виртуозно, манера исполнения показалась Сослану очень даже знакомой. Он давно не слышал осетинкой мелодии, так почему столь уверен, что прекрасно знает исполнителя?.. Сослан прикусил губу и наслаждался звуками гармонии. И, тут он вспомнил дождливый день и колхозную контору, набитую людьми, и сидящую в углу Асят, самозабвенно перебирающую пальцами по клавиатуре. Именно эта мелодия звучала со двора госпиталя. Но кто играет, кто?!.

– Асят?!. – закричал Сослан. – Быть не может?!. – и застучал кулаком по стене.

Сидящий в своем кабинете Саранов вздрогнул от какого-то стука. Он тоже наслаждался игрой гармониста, гадая, кто же исполнитель?!. Среди медицинского персонала не знал никого с такими музыкальными способностями. Он вышел в коридор и выглянул в окно. Во дворе Зоя с безруким офицером танцевали осетинский танец. Офицер энергично размахивал здоровой рукой, пустой же рукав гимнастерки был заправлен в ремень. Саранов присмотрелся к гармонисту и ахнул – это была Асят. «В каждом движении проявляются способности...!» – вспомнил он, как характеризовала его мать хороших людей. Он глубоко вздохнул и вернулся в кабинет.

...Когда Асят вышла во двор, Нина сразу же вручила подруге гармони. Она подтянула ремешок гармони, накинула на плечо, посидела немного, оглядывая окна хирургического отделения и, стала пробовать первые аккорды... По двору госпиталя поплыли приятные звуки. Шахматы, лото, в которые совсем недавно яростно резались раненые, лежали забытыми на столиках. Взоры раненых – осетин, русских, грузин, украинцев, казахов... были обращены к гармонистке. Улыбка благодарности блуждала на их лицах. Взгляд Асят был устремлен в сторону второго хирургического отделения, словно она ждала, что из окна вот-вот выглянет Дзодзиков.

Услышав повторные стуки, Николай Николаевич выбежал в коридор и стал проверять палаты. Так он дошел до третьей и увидел, что Сослан мечется, как тигр в клетке. «Кто играет?!» – колотил он кулаком в стену.

Он догадался, что Сослан не впервые слышит мелодию, доносящуюся со двора, что эта музыка давно сидит у него в памяти. Он также понял, что Асят играла только для Сослана. Хирург остановился у кровати больного и подумал: «Удивительная любовь! Если им не суждено встретиться в этой жизни, то на том свете наверняка будут вместе!»

Сослан, зажмурив глаза, продолжал стучать кулаком в стену и кричать:

– Кто играет?! Есть кто живой?!

– Кто Вам нужен, товарищ капитан?! – спокойно спросил Саранов.

– Простите, товарищ капитан. Вы не можете сказать, кто играет на гармонии? – смахнул пот со лба Сослан.

Он посмотрел ему прямо в глаза и с некоторыми сожалениями произнес:

– Это играет та, которая тащила вас на плечах с поля боя.

– Кто она?! – С восхищением спросил Сослан.

Но Саранов был уже за дверью.

«С поля боя!..» – звучало в ушах капитана. Он вспомнил сражение под Владикавказом, взрыв и горящий танк... Сослан тушил пламя, но огонь оказался сильнее. Он видел, как его товарищи горящими факелами выпрыгивали из танка, слышал вопль механика – «Горишь, товарищ лейтенант...», но ничего не мог поделать. Кто-то вытащил его из подбитого танка, а дальше был провал в памяти. Очнулся лишь в палате госпиталя.

Мысли его оборвал голос Саранова.

– Заходи!..

В палату вошел он сам, а следом Асят.

– Сослан, вот ответ на Ваш вопрос!

– Асят!!! – простонал Сослан...

Асят смотрела на него и улыбалась. Саранов стоял молча, тебя в руках марлевою маску Асят.

– Асят, прости меня!.. Асят!.. Прости!.. – подтягивая руки просил Сослан.

Хирург будто ждал этих слов, положил маску в карман своего халата и шагнул к двери. Потом бросил на них взгляд, через правое плечо и, довольный тем, что глаза Сослана повлажнели, вышел из палаты.

– Асят!.. – произнес Сослан и протянул к ней руки, но она стояла, как каменная.

Сослан схватился за трапецию, приподнялся с ее помощью и поймал руку Асят...

Десять лет они стремились друг к другу, как два берега разлившейся реки. Саранов перебросил мост через эту реку.

Шло время, Сослан постепенно выздоравливал. Главврач вызвал протезиста и заказал для Дзодзиков протез. Минуло два месяца, наступил счастливый день его выписки. Саранову хотелось, чтобы Асят осталась работать в госпитале, но она не согласилась.

– Нам предстоит искать наших детей, – сказал Сослан.

В сестринской Асят одевала Тараса. Мальчик лепетал по-осетински, радовался обнове – белой рубашке, коротким черным штанишкам с бретельками крест на крест, красным туфлям и белым носкам. Одели его в такой же наряд, в каком Сослан увидел мальчика с матерью, из окна своего дома, спешивших по проспекту в тот страшный день начала войны.

Асят смотрела ему вслед и думала – может и ее дочь также живет в чужой семье, и ее ласкают чужие люди, а может и сидит за дверью, грустно понуриив голову. Вошел Сослан, Асят сразу и не узнала его. Увидев его в военной форме, она ахнула. Сослан улыбнулся, достал из нагрудного кармана платок, развязал узелок, взял золотые серьги и осторожно вдел в уши Асят.

Раненые стояли в коридоре и провожали свою добрую медсестру, шустрого «сына госпиталя» и дорогого всем товарища Сослана.

Дзодзиков вышел на костылях. На статной фигуре ладно сидела капитанская форма. Справа от него шла Асят, чье лицо светилось счастливой улыбкой. Правой рукой она держала руку Тараса.

– До свидания!.. – говорили раненые.

– Выздоровляйте быстрее, – желали им Дзодзиковы.

Дойдя до конца коридора, они услышали чей-то восторженный голос:

– Какая счастливая семья!

У ординаторской стояли Езеев, Саранов, Доциева, Нина и еще несколько сотрудников и сотрудниц в белых халатах.

– Покидаете нас? – сказал Николай Николаевич. – Не забудьте, что скоро будет готов протез, протез удобный и очень красивый...

– Спасибо! – отозвался Сослан.

Асят посмотрела на Саранова благодарным взглядом. А ему нелегко было прощаться с ней...

Сослан не знал, как отблагодарить Мадину Маркленовну. Он приблизился к ней и, опустившись на колени.

Мадина растерялась, сплела пальцы рук и вскрикнула:

– Господи, что он делает! Поднимите его, немедленно!..

Затем скрылась в ординаторской, опустилась на кушетку и заплакала навзрыд...

Смотря им вслед, стоящий рядом с Сарановым раненый в голову боец, озабоченно вымолвил:

– Жить-то где будут, жить?

Саранов обернулся к нему и ответил:

– Из запасного жилфонда в коммуналке выделили Дзодзикову две комнаты. А работать будут в Гизельском МТСе. Он – механиком, а она – медсестрой...

Вечером того же дня Сослан и Асят оставили Тараса у Нины, а сами пошли на вокзал. Они бродили по перрону и о чем-то оживленно переговаривались, пока на первый путь не подали поезд. Сели в восьмой вагон и пред рассветом приехали в Алагир. Месяц висел над головой, яркие звезды перемигивались на небосклоне, а Сослан с Асят шли по улицам Ногкау.

– Все же удивительно, – сказал Сослан, – как ты меня смогла дотащить?!. Уже который раз спрашиваю...

– Не знаю, – смутилась Асят.

– А если бы ты меня узнала, чтобы тогда было?

– Тоже не знаю...

– Не боялась?!

– Чего мне было бояться с таким богатырем на спине.

– Все это хорошо, но как ты смогла стянуть мою фотографию?

– А как сережки попали к тебе?!

К утру они добрались до Ногкау. На рассвете по проселочной дороге шли подтянутый мужчина на костылях, в военной форме и красивая женщина в черном платье и в белых лаковых туфлях на высоком каблуке. Колхозницы с серпами на плечах останавливались и удивленно смотрели на них. Многие из этих женщин знали раньше Асят, но теперь не могли признать... «С добрым утром!» – приветствовали они их. Женщины отвечали на приветствие, но в их глазах читался недоуменный вопрос. «Откуда эта красивая незнакомка?» В этом наряде она совсем не была похожа на девушку в рваном платье, которую дразнили дети. Она почувствовала себя неуютно, легкий озноб прошелся по телу. Сослан заметил это и приобнял ее за плечи.

– Я с тобой... – сказал он.

В горле Асят застрял комок... Пришли до дома Байсонгуровых. Потом навестили могилу Домбая. Переступив порог, Сослан снял фуражку и заплакал. Плакала и Асят. Прибрали в доме и растопили печку и из трубы снова повалил дым...

Асят со шкафа взяла графин с аракой и рюмочку, а Сослан наполнил рюмку аракой. Помянул Лазаря, Таймураза и всех погибших воинов на полях сражений.

Пригубив и положив рюмку, он сказал:

– Какие ПАРНИ остались лежать...

У него задрожал подбородок, а на глаза навернулись слезы. Присел к столу и вымолвил:

– Неправильно поступила Зарина.

Асят укоризненно покачала головой.

– Не каждой дано вдовствовать всю жизнь. Когда развалился её плетень в огороде, за то, чтобы ей сплели новый, ей пришлось отдать половину огорода. Картошки и кукурузы не хватало даже до половины зимы. А в колхозе работать не было у нее сил...

Сослан задумался, потом спросил:

– Скажи, пожалуйста, что это за человек, который в обмен на ореховые прутья потребовал половину огорода у вдовы?!

– Да, – махнула рукой Асят, – разве это человек. Он и на фронте-то пробыл всего полгода.

– Ты его хорошо знаешь?!

– Знаю, но он тебе не нужен.

– Постой, постой!.. – заволновался Сослан, – как это не нужен?! С какой совестью он зашел в огород фронтовика? Меня только это интересует! Или воин Байсонгуров погиб, угоняя коней из его же конюшни?!

– Хорошо, в другой раз мы его спросим, обязательно спросим, – Асят пожалела, что рассказала ему об этом.

Он немного успокоился. Они вышли из дому и заперли дверь. На улице им встретила старушка, кормящая индюшат.

– С добрым утром, – поздоровались они с ней.

– Дай вам Бог счастья! – ответила та.

Они разговорились, и старушка рассказала им, что Зарина вышла замуж за старика, живущего за перевалом кавказских гор... Сослан и Асят попрощались с ней и направились в сторону села Заря. Когда миновали фруктовый сад. Сослан спросил:

– Асят, а что будет, если мы зайдём в село?

– Нет. В другой раз... Еще нам предстоит навестить бабушку Поли...

Не беспокойся, навестим и её...

Она вздохнула.

Сослан понял ее состояние и, чтобы сменить тему, сказал:

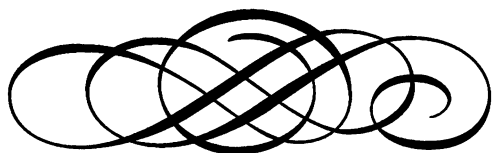
– А помнишь первомайские скачки?

Она кивнула головой...

Через некоторое время они стояли под ивой плакучей. Приятный южный ветерок расшептался с деревом, словно радуясь дорогим гостям, тихо покачивала кроной. Пушистые ивовые ветки касались земли, и её листья зашелестели, будто все дерево было увешано маленькими колокольчиками с мелодичными голосами...

Конец первой части

ЧАСТЬ II
ДЕТИ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сафят с мужем собрались продать дом и уехать из города. Артура решили на время отдать в детский дом. Анна противилась этому, переживая, чтобы мальчик не забыл родной язык. Сама она была русской, но осетинским владела.

Она пару стихов Коста знала наизусть.

Убедившись, что Сафят непременно сдаст ребенка в детдом, пошла на хитрость и предложила:

– Дай мне бумаги, я сама его сдам в детдом, может, и меня возьмут на работу и буду присматривать за ним...

Сафят передала няне документы на сына. Анна понимала, что в детском доме им вместе будет легче, но ее смущало данное Сослану обещание. Если тот погиб на фронте, она в ответе перед его памятью, если жив, то как она посмотрит ему в глаза, сдав сына в детский дом? Поэтому, получив на руки документы, подалась в ближайшее село Южной Осетии. На окраине села стоял небольшой саманный домик хромого Миколоза, именно к нему и попали няня с ребенком. Миколоз с женой Даной выделили ей небольшое помещение, служившее им летней кухней.

– Если подходит, то живите, пожалуйста.

Анна оглядела свое новое жилище, которое с трудом можно было назвать комнатой.

– Крыша хоть не течет?

– Только если очень сильный дождь...

– Ну и хорошо... Дня через два мы приедем.

Пока возвращалась домой за Артуром, она думала, как выложит в комнатухе печку, замажет ее глиной и побелит стены.

На второй день со двора дома грузинского города N выехала запряженная парой быков скрипящая арба, груженная домашним скарбом. Анна с Артуром стояли в стороне, словно нищие. Анне все чудилось, что быки тянут ее сердце, а вещи больно колотят по голове – настолько невыносимо было наблюдать эту картину. В руках у Анны был узелок, а у мальчика школьный

портфель. Тогда как в руках у Сафят сверкал коричневый кожаный чемодан, а у Гадо – черный баул. Пройдя несколько метров до развилки дорог, все остановились, Сафят обняла сына.

– Моя кровиночка, в Средней Азии хорошо, как только обождемся, сразу же заберем тебя.

Гадо и Сафят направились налево, на север, Анна же с Артуром – направо, на восток. Шли молча, неторопливо. Анне не нравился Гадо. Тот постоянно хитрил, выгадывал что-то. С ним бы она не то что в дальний путь, но до ближайшего околотка не решилась бы пойти.

Вдвоем с Артуром они вычистили свой новый приют. С помощью песка отдраили пол. Замазали трещины в стенах, а затем побелили. Из глины саманных кирпичей Миколоз выложил печь. Дана уступила им свою деревянную кровать с резными спинками, подарила матрац, одеяло, еще кое-какие вещи. По-немногу обустроились. Мальчик делал все с удовольствием. В один из вечеров они сидели в своей чистой комнате. Анна вязала носки, спицы посверкивали в лучах керосиновой лампы. В печке, в стороне от горячих углей, допекался прислоненный к стенке чурек. Артур с книжкой в руке подсел к Анне и окинул взглядом комнату.

– Нана, а как мы оставим свой дом, если мама заберет нас к себе? Старушка ничего не ответила, но подумала: «Все своими ручонками делал, конечно, жалко бросать».

– Я никуда не поеду из нашего дома. А ты?!..

– Я тоже, мое солнышко... Почитай мне что-нибудь.

– Что?

– Да что сам желаешь.

Мальчик раскрыл сборник стихов Коста.

– Слушай, почитаю тебе «Без доли».

Анна заметила, что он повзрослел, многое стал понимать.

Сафят и Гадо намеревались через Мамисонский перевал добраться до Северной Осетии, а оттуда уехать за Каспийское море, в теплые края. Деньги, вырученные за отцовский дом – за

пазухой. Гадо хмурил брови, злился. Кончики рыжих усов при этом дергались. Она поняла – муж злится, что не сумел прибрать деньги к рукам, поэтому сама решила отдать их ему. Из-за её пазухи деньги перекочевали в глубокий двойной карман Гадо. Грузин был доволен. Сафят давно опротивела ему. И не только потому, что была намного старше его. Гадо бросил бы ее, кабы не деньги. А Сафят казалось, что ему надоели сын с Анной. Потому-то и затеяла это дальнейшее путешествие.

Анна с Артуром жили бедно, но сносно. Мальчик учился на «отлично». Она работала на колхозной ферме, а вечерами вязала людям шерстяные носки. После школьных занятий Артур подрядился пасти сельский скот, чтобы заработать немного зерна. Миколозу же в качестве квартплаты пас двенадцать голов скота. Так и текла их жизнь – с раннего утра до позднего вечера, в ожидании весточки от Сафят. Если первые дни Артуру не хотелось покидать эту бедную, но теплую и уютную комнатку, то теперь он готов был следовать за матерью, хоть на край света, но та не давала о себе знать. Ночи напролет не спал, все думал о ней. Вот когда вырастет, то обязательно разыщет ее. И еще у него была мечта найти отца. Но это, почему-то, он откладывал на потом. А мать? Мать надо искать безотлагательно. Своим детским умом он не мог охватить всего, иначе бы понял, что не худо было бы разыскать и того, с кем она ушла. Голова мальчика становилась тяжелой от грустных мыслей. Он старался не думать о трудностях, но не получалось...

Прошло два года. Двенадцатилетний мальчик довольно прилично овладел топором, косой, молотком и прочими инструментами сельского жителя. Артур научился делать саманные кирпичи, а также плотничать. Особенно лихо он забивал гвозди. Как-то Миколоз затеял новый сарай, выложил две стены из самана, затем принялся настилать крышу. Он помогал ему во всем. Закончив работу, они спустились вниз. И тут мальчик увидел, что Миколоз собирается снова лезть на крышу. Он подбежал к нему и предложил:

- Я поднимусь, что нужно делать?
- Вон, на крайней балке, остался мой молоток.
- Я его достану.
- Грохнешься ведь.
- Не бойся.
- Смотри, упадешь, я тебе еще и уши надеру! – покачал головой хозяин. – Не становись на край доски!..
- Хорошо!

Ответ мальчика поглотил шум посыпавшихся досок. Он осту-пился и упал на землю. Хоть и ударился, но быстро вскочил на ноги. Миколоз отвесил ему затрещину.

- Предупреждал же тебя, грохнешься, вот и получай!..

Вторую затрещину он не успел ему отвесить. В калитку вош-ли Анна и Дана с серпами в руках. Анна подбежала, закрыла со-бой Артура и строго хозяина спросила:

- Чем это он провинился?..

Рука старика застыла в воздухе, но он все же сердито про-говорил:

- Почему он упал?!. Я же его предупреждал, чтобы он был поосторожней!..

Анна от страха не могла и слова вымолвить, только прижи-мала к себе мальчика.

- Ты больно ударился, мой хороший? – спросила она нако-нец. – Пойдем в дом.

Они зашли в свою хибарку. Дана последовала за ними, вста-ла в дверях с виноватым видом.

- Заходи, чего стоишь, – пригласила ее Анна.

Артур поставил гостье стул, сам сел на кровать, прижал го-лову к спинке кровати и тихо заскулил. Женщины заплакали тоже. Со двора доносился сердитый крик Миколоза. Анна дав-но узнала грубый нрав хозяина. Строгость и скупость Мико-лоза были известны всему селу. Никому не давал свой рабочий инструмент, а для таких случаев специально держал наготове ржавое и тупое старье. И даже если отдавал это старье соседу,

обязательно предупреждал: «Смотри, аккуратнее обращайся и побыстрее возвращай!» Раз к нему зашла вдова за топором. Миколоз вынес ей тупой, а острые, как бритва, топоры лежали в шкафу под замком. Он напомнил женщине о необходимости скорейшего возвращения инструмента. Вдова взяла топор и пошла, однако, не дойдя до калитки, вернулась обратно и положила его на землю у ног хозяина, дескать, быстрее, чем сейчас вернуть не смогу.

Как-то воскресным днем Миколоз и Артур поехали в лес по дрова. А Анна и его жена решили попотчевать дровосеков пирогами с тыквой. Дана приготовила тесто и начинку, а Анна растопила печку под навесом. Когда стенки печки раскалились до цвета спелого абрикоса, Дана выгребла кочергой угли. Деревянной лопатой, уложила туда пироги. Поместилось по два рядом – шесть штук. Как только Дана закрыла печную заслонку, с улицы раздался крик Миколоза. Женщина кинулась отворять ворота, но Артур уже опередил ее. Тяжело груженная дровами арба, поскрипывая колесами, въехала во двор. Мальчик распряг быков. Дана полила на руки мужу воду из кувшина. А Анна принялась убирать под навесом. Миколоз сел за маленький стол-треногу и стал ждать, но пироги еще не успели. Он взглянул на печь.

– Ведро воды! – рявкнул старик.

Женщины переглянулись, но перечить ему не посмели. Дана молча принесла полное ведро воды. Миколоз встал. Ногой отшвырнул кочергу, подпирающую дверцу печки и выплеснул воду прямо в топку... Таких диких выходов у него хватало. Долгими зимними вечерами Дана им еще не такое рассказывала...

Случилось, что когда она впервые появилась на свадьбе, ее тут же заметил Миколоз. Дана была совсем молодой девушкой. Миколоз потолковал с организатором танцев, намекнул ему, что имеет серьезные виды на эту девушку, и тот объявил танец приглашения. Миколоз с искрящимися глазами встал на носки и поплыл в танце в сторону Даны. Что и говорить, плясал он самозабвенно, многих привел в восторг. То соколом кружил над

девушкой, взлетая и падая на землю, то как барс нырял ей под руку и преграждал дорогу, делая вид, будто хочет схватить ее за талию, но Дана ловко увёртывалась от этих выпадов... Звуки гармони, голоса поющих и хлопанье в ладоши раскатами гремели по селу, а затем эхом раздавались в горах. Газыри Миколоза ослепительно сверкали на свету, тонкий ремешок с кинжалом и серебряными пряжками туго стягивал гибкий стан, на правом боку висела кобура с револьвером. Миколоз так разошелся в танце, что внезапно выхватил револьвер и несколько раз выстрелил под ноги девушке. Длинное, до земли, платье Даны вспыхнуло и загорелось. Гости всполошились. Одна из женщин догадалась закутать девушку в платок и таким образом погасила огонь...

Трое братьев Даны, присутствовавшие на свадьбе, взбесились от такой наглости и бросились на Миколоза с обнаженными кинжалами. Но народ удержал их. А Миколоз стоял, как ни в чем ни бывало, с гордо поднятой головой...

Еще не улеглась злость братьев, как он, словно издеваясь, заслал к ним сватов. Те дали от ворот поворот сватам. Тогда Миколоз еще раз заслал сватов, и опять безрезультатно. Третий раз уж он не стал никого посылать, а просто похитил Дану. Крутой был человек, прямо сказать, отчаянный. Но еще более обозленным – с осколками в правой ноге и левом легком вернулся он с войны. Потому и хромал на правую ногу. Миколоза, конечно, потрепала война, однако работу свою он выполнял исправно – и в колхозе, и дома. Сельчане не без тайной зависти даже говорили о нем, дескать, хорошо, что он хромой, а то со здоровыми ногами он весь мир бы перевернул вверх тормашками...

Одна беда – он, хоть и израненный, да вернулся с фронта, а вот единственный сын его пропал без вести.

В следующее воскресенье, после того, когда пироги плавали в печи, рано утром Миколоз проходил мимо хибарки постояльцев и вдруг услышал приятный голос, напевающий песню Коста «Кубады». Он остановился и прислушался улыбаясь. Но внезап-

но подскочил на месте, будто его пырнули ножом. Его охватила ярость – ладно, мальчишка поет, а чего же старуха-то раззявила рот, будто в собственном доме находится?!. Он бы давно их выгнал, да жалко мальчишку – уж больно хороший помощник. Именно благодаря ему он заготавливает сено и дрова.

Он отчетливо слышал слова песни:

«В Дигорию вышел через перевал Адая и...»

– Посмотрел бы я на него, как бы он преодолевал бы перевал, кабы его ноги, как у меня, были нашпигованы свинцовыми осколками! – во всеуслышание заявил Миколоз. Затем пошел под навес, где обычно рубили дрова, взял топор и несколько раз всадил его в полено. Он, опасливо оглянулся на проселочную улицу. Не слишком уважал людей, с чьего двора ранним утром доносился звук топора. Тяжелой переваливающейся походкой он направился к хибарке и тихонько постучался. Песня смолкла. На стук выглянул Артур.

– С добрым утром, дед, – поздоровался мальчик.

– И тебе доброго утра, – ответил старик. – Анна еще не проснулась?

– С добрым утром, – выглянула в халате и Анна сама...

– Анна, хорошо бы сена привезти, пока дождей нет... – сказал Миколоз.

Ей нетрудно было догадаться, что хозяин просит отпустить с ним за сеном мальчика. Она не раз зарекалась больше не отпускать его, но снова и снова соглашалась. Сама хотела взять Артура с собой копать картошку, в колхозном поле...

– Сами будете тащить? – спросила женщина.

– А как же! – повеселел старик. – Мои волы вовсю пашут колхозное поле под озимую пшеницу!..

– Сынок, одевайся.

Артур быстро собрался в дорогу. Она сунула ему узелок с едой. На улице в лицо ударил холодный предрассветный ветерок.

Заголосили петухи. Интересная птица петух. Еще сам в курятнике сидит на шесте, а уж людей полошит.

— Застегни фуфайку, замерзнешь, – посоветовал старик.

– Нет, мне не холодно, – ответил Артур.

Миколоз стал рассказывать мальчику про звезды.

– Смотри, – показал он рукой на небо, – вон созвездия Плеяды и Орион. Сейчас они находятся прямо перед взором. Запомни, где они находятся. Через два месяца они будут находиться в таком же положении посреди неба, только не под утро, а вечером. Так повернется земля.

Артур подумал: «Надо бы запомнить».

Солнце только показалось над горизонтом, когда они добрались до подножия горы. Вверх по склону мальчик шел впереди. Если он слишком отрывался от него, то садился и ждал, а дождавшись, вновь пускался вприпрыжку. Старик следовал за ним, не спеша. Так они дошли до места, где были сложены копны сена. Миколоз срубил развесистую ветвь дерева, расправил на земле и уложил на нее семь или восемь охапок сена. Получилась неплохая волокуша.

– Подай вон ту лохматую веревку, что из-под земли торчит, – уминая сено на волокуше, попросил Миколоз.

Артур вытащил веревку, стряхнул с нее землю и передал старику. Тот принялся перевязывать сено.

– Дед, почему вы веревку называете лохматой, и для чего вы ее замачивали в воде? Другие же веревки не замачиваете? – спросил мальчик, когда они сели передохнуть.

– А вот для чего, – ответил старик. – эта веревка сплетена из коры липы. Если содрать кору с липы, то с внутренней стороны увидишь белые мягкие волокна. Перед тем, как вязать веревку из этих волокон, ее надо замочить, сухой она ломается и рвется, а влажной ее даже слон не порвет.

– Покажете, как вить такую веревку?

– По весне обдерем молодые липки и сошьем, – пообещал старик. Он встал, обошел волокушу, подергал веревки. – Вроде надежно привязали. – Взял жердь и подsunул ее под стог.

– Я пойду впереди, – сказал Артур.

– Нет, мое солнышко, – возразил он. – Пусть несчастье сва-

лится на голову врага, мало ли, вдруг – не удержишь. Ты лучше крепко и умело придерживай сзади.

Свою работу мальчик знал хорошо. Он вцепился руками в жердь. Волокуша поехала вниз, по гору. Миколоз направлял ее спереди. Если она набирала слишком большую скорость, он приподнимал конец жерди, которую подsunул под стог, и та замедляла движение. Стоило опустить конец жерди, как волокуша снова набирала скорость. Солнце уже клонилось к закату, когда старик с мальчиком спустили стог к подножию горы. Со следующим стогом торопились, стараясь поспеть засветло, поэтому волокуша слишком разогналась. Артур придерживал ее, как мог, старался изо всех сил, то приседал на корточки, а то совсем на землю, упираясь ногами в грунт. Однако на повороте жердь выскользнула из рук Миколоза, и волокушу понесло. В голове старика молнией сверкнула мысль: не зашибить бы мальчика!..

– Артур, отпусти!.. – закричал он, а сам кинулся в сторону.

Волокуша с треском улетела в пропасть. Артур подбежал к старику. Тот сидел на земле и держался за ногу.

– Дед... – произнес запыхавшийся мальчик.

– Не бойся, – ответил старик. – Ты не ударился? – и провел рукой по его плечам, по спине.

– Нет.

Миколоз попытался встать, но вдруг скорчился от боли и застонал.

– Кажется, я сломал ногу!.. – Беги к южному ущелью, где летом мы косили для колхоза сено. Там наши соседи сено косят, сообщи им.

Артур бросился бежать к южному ущелью.

Смеркалось. Миколоз лежал на своей деревянной резной кровати, а над ним колдовал старый костоправ Дыгыцци. Потербив худой морщинистой рукой седую бороду, он сказал:

– Нога сломана близко к крестцу...

Миколоз будто и не слышал его.

– Сено мое осталось в ущелье, пропадет ведь, – метался он в постели.

Артур на волах вывез из ущелья все сено, которое они успели спустить вниз. А то, что осталось на склоне горы, – пропало оно. На зиму бы заготовленного сена не хватило, и Николоз сдал свой скот в колхоз. Из крупного скота в хлеву осталась лишь одна корова. Вместе с переломом ноги на него обрушились и прочие болезни. Однажды вечером он подозвал к себе жену, Артура, Анну и сказал:

– Дана, оставляю тебя под одной крышей с этими хорошими людьми. Если сумеешь прожить с ними в согласии, то они тебя не оставят в беде, будет кому подать стакан воды.

Старик погладил Артура по щеке:

– Сынок, ну-ка, пойди, глянь, где сейчас кружат хоровод Семь сестер, где Орион?..

Артур покраснел, разозлился на самого себя, – как это он забыл про звезды!.. – Сейчас, – кивнул мальчик и выбежал во двор.

Небо было чистым, как никогда, звезды светились так, будто на черный бархат высыпали горящие угли. Посреди небосвода виднелось созвездие Семи Сестер, чуть южнее Орион. Кто знает, сколько бы мальчик любовался звездами, если бы вдруг не услышал женский плач. Он бросился в комнату...

– Дедушка!.. – закричал Артур и упал старику на грудь.

Далеко за полночь, когда суeta в доме Миколоза приутихла, Анна и Артур легли отдыхать. Анна вскоре уснула, а к парнишке сон не шел. Он по-взрослому размышлял о том, кому из друзей поручат завтра копать могилу, кому не впервой заниматься этим тяжелым делом. Так он и заснул. Наутро, проснувшись, он увидел, что идет мокрый снег, и это его встревожило. Умывшись ледяной водой и без единого слова наспех перекусив, он вместе с двенадцатью ребятами направился на кладбище. Старик Дыгыцци показал место, где копать могилу, а сам забрал с собой четырех человек и пошел сколачивать гроб для Миколоза. Артур подхватил кирку и всадил ее в каменистую почву...

Рядом вгрызлась в землю кирка его товарища Будзи. Взрыхлили верхний слой земли и взялись за штыковые лопаты... Выкопав яму по колено, мальчики решили передохнуть. Какие силы у пацанов! Тому же земля была слишком каменистой. Самому старшему из них – Будзи – было пятнадцать лет, младшему – Кудзи – десять, и как они ни старались, но работа продвигалась медленно. Мальчики устали. Периодически они менялись, и те, кому выпадал отдых, с серьезным видом обсуждали размеры и глубину могилы.

Артур окинул взглядом товарищей.

– Ну что, продолжим? – сказал он. – А то затянем работу на неделю, как в прошлый раз, когда рыли могилу Елиозу с верхней улицы.

– В прошлый раз была зима, – отозвался Будзи, – и мы рыли не неделю, а всего три дня.

– Тогда мы были еще совсем маленькими, – добавил Кудзи.

– Если бы нам не помогли женщины, то черта с два бы управились бы за три дня, – сказал Артур.

Артур махал киркой, чувствуя, как с кончика носа капаят капли то ли дождя, то ли пота, а сам думал: «Тогда мне было одиннадцать лет, а теперь уже пошел тринадцатый». Он вспомнил, как пас скот, не уследил, и коровы повалили плетень Елиозовского огорода, и тот отметелил его за это. А когда помер Елиоз, он не хотел копать для него могилу, однако все же устыдился и пошел следом за друзьями на кладбище.

Мальчики вошли в раж и не заметили, как к ним подошли Анна с соседкой Гидтой. В руках у одной был поднос с пирогами, у другой – вареная курица.

– Идите, перекусите, – позвали их женщины.

Мальчики хоть и были голодны, но никто из них не оторвался от работы. Одни наполняли ведра каменистым грунтом, другие относили в сторону и высыпали. Чем больше углублялась яма, тем выше становился холмик рядом с ней. Анна развязала белую салфетку, в которую был завернут поднос. Гидта, налила

из глиняного кувшина в деревянную чашку квас, произнесла «за упокой» и поставила чашку рядом с кувшином на землю.

– Идите, дорогие мои, поешьте, – вновь позвала Анна.

Им было неудобно есть поминальную пищу. Первый раз, когда они копали могилу молодой девушке, умершей от чахотки, отказались даже прикасаться к принесенной еде, но старики растолковали, что стыдиться нечему, нужно поесть и восстановить силы.

– Кому я говорю?! – строго прикрикнула Анна. – Ну-ка, помяните нашего горемыку Миколоза!

Мальчики выкарабкались из ямы и нехотя подошли к ней...

К вечеру второго дня работы, на западном горизонте проглянуло красное Солнце, величиной с сито. Артур радостно крикнул друзьям:

– Ребята, завтра будет хорошая погода!

Мальчики восхищенно смотрели на запад. Солнце тихонько закатывалось за горизонт, но лучи по-прежнему ласкали вершины гор, на которых хлопьями висели облака, и просвечивались розовым оттенком...

Третьего дня к ним вышел Дыгыцци и удовлетворенно закивал головой:

– Дай вам Бог здоровья и счастья! Пусть ваш труд принесет покой нашему Миколозу, а вам, дети, счастье...

Мальчики поняли, что работа завершена и что завтра не придется брать в руки кирки и лопаты...

День похорон выдался солнечным. Природа словно бы извинялась за те три дня, что мучила людей ненастьем. Южные склоны гор заблестели на солнце, на дорогах высохли лужи. Людей собралось немало. Во дворе толпились одни женщины, старики да несколько искалеченных войной мужчин.

В полдень гроб вынесли во двор и поставили на два стула. Дыгыцци произнес прощальную речь, затем кивнул мальчикам. Они приблизились к гробу, по четыре человека с каждой стороны. Артур с Будзи, как самые выносливые и примерно равные

по росту, стояли в изголовье – один справа, другой слева. Те, что поменьше и послабее, теснились в изножии. Они знали, кому где стоять и кто их будет менять по пути, поскольку все было обговорено заранее. Наконец Дыгыцци подал знак поднять гроб. Дана, рыдая, упала на грудь мужа и запричитала. Мальчики подождали, пока она выплачется, потом по взмаху руки Дыгыцци, взгромоздили тяжелый гроб на хрупкие плечи свои и понесли со двора. Дана причитая, шла следом в сопровождении женщин. Гроб, покачиваясь, плыл по проселочной улице на уровне плеч подростков.

Сын Миколоза Ислам приехал вскоре после похорон, как будто выполняя его завещание. Первые дни он горевал по отцу. А мать не знала, куда девать себя от радости. Анне Ислам почему-то сразу же не понравился. Его худое скуластое лицо все время было мрачным. Маленькие черные глазки исподлобья смотрели на окружающих и словно бы сверлили их насквозь. Ислам устроился работать заведующим молочной фермой, а вскоре женился – привел в дом односельчанку, высокую, черноглазую Феню. Однажды ранним утром Анна вышла подмести свежевывапавший снег. Ислам и Феня стояли во дворе и оживленно переговаривались. Анна поздоровалась с ними. Те холодно ответили и, не обращая на нее внимания, продолжили спор.

– Вот здесь новый дом поставим, – сказал Ислам, – а здесь хранилище для фруктов.

– Да у нас нет столько фруктовых деревьев, где же ты столько фруктов-то наберешь?!. – возразила Феня.

– В колхозном саду, – ухмыльнулся Ислам, – колхозный сад большой...

– Ты что несешь! – выбежала из дома Дана, – это же комната Анны!

– Какой-такой Анны?!. – сердито спросила невестка.

Дана прикусила губу. Она поняла, что та претендует на главенство в доме.

– У меня нет места для всяких бродяг! – пробурчал Ислам.

– Я не позволю!.. – решительно произнесла мать. – Никуда они отсюда не уйдут!

– Нет у меня для них места в доме, – повторил Ислам.

Артур, собравшийся в школу, стоял на пороге и все слышал.

Когда Ислам повысил голос, он подбежал к Анне и со слезами на глазах проговорил:

– Пойдем отсюда, пойдем!

– Анна тоже слышала все, но погладила его подрагивающую спину:

– Нет, родной. Нам надо потерпеть, пока ты не окончишь десять классов.

Услышав это, Ислам рассвирепел. Он подбежал к ним, схватил мальчика за шиворот и толкнул его. Но Артур устоял на ногах.

У Анны не было своего огорода. Землю ей обычно сдавал сельсовет то на одной, то на другой окраине села. Ничем не огороженный участок со временем превращался в излюбленное место для домашнего скота, в особенности для свиней.

Ранней весной люди спешили в колхозный сад. Работали дружно. На голых ветках щебетали скворцы. Откуда-то издалека доносились крики удода. На опушке леса, едва тронутые зеленой плакучие ивы лениво качали ветвями...

Анна с соседкой Гидтой окапывали деревья. Последнее время ей нездоровилось. «В этом году я, наверно, не смогу работать», – подумала она. Лезвия их лопат поблескивали то у одного, то у другого дерева. После обеда погода неожиданно испортилась: набежали тучи, небо заволокло. Между тем женщины не прекращали работу. Их еще ждала не убранная с поля кукуруза. Разгоряченные, они сняли с себя телогрейки. Ноги взопрели в ботах – резиновая грубая обувь с высокими голенищами на толстой жесткой подошве в то время была весьма популярной. Ходить в грязи в них было удобно, однако стоило потеплеть, как ноги потели, как в парилке. Толстые, негнущиеся голенища натирали икры, как ярмо бычьей шее. Люди догадались обрезать

голенища по самые щиколотки. Так появились «чоботы» – резиновая обувь без голенищ, как бы боты.

Заморосил дождь. Колхозники закинули лопаты на плечи и направились в село. Когда выходили из сада, мелкий дождик перерос в ливень. Тяжелые холодные капли били колхозников, словно град. До села оставалось совсем немного, как пошел снег крупными хлопьями. Поле вокруг моментально побелело. Концы мокрых штанин прихватило морозцем, и они неприятно терли лодыжки. В чоботах хлюпала вода. Многие в этот вечер слегли. Заболела и Анна.

Утром Артур встал рано. Он разогрел вчерашний суп, налил в тарелку и подал няне в постель. Ему было больно смотреть на беспомощную женщину. Ложка дрожала в ее руке, и суп проливался... Когда Анна позавтракала, мальчик быстро помыл посуду и прибрал в комнате. Затем сунул в печь суковатое полено, которое притащил из леса второго дня.

– Оно будет гореть долго...

Анна сперва не поняла его, потом нахмурилась и спросила.

– Сынок, у нас же есть дрова, куда это ты собрался?..

– Бригадир сказал, что наша доля кукурузы осталась небранной, а скоро надо будет пахать там землю.

Анна заметалась в постели, протянула руку мальчику.

– Сынок, иди в школу, – сказала она.

Но Артур уже не слышал ее. Он думал о том, где бы раздобыть мяса, чтобы накормить няню бульоном. Если бы она поела немного мяса да похлебала горячего бульона, то обязательно поправилась бы. Маленькое сердце мальчика защемило от жалости.

– Иди в школу, – повторила Анна. – Сегодня в поле, завтра в лес. Когда же ты учиться-то будешь?

– Не бойся, выучусь, – решительно произнес мальчик.

Артур встал, затянул ремешок на телогрейке, достал из-под кровати сапетку и покинул комнату. Он работал увлеченно. Сапетка наполнялась быстро, и он едва ли не бегом нес ее к куку-

рузной куче, возвышавшейся посреди поля. Колхозники любили этого послушного, трудолюбивого мальчика. Артур окинул взглядом работающих, но, не заметив среди них Гидту, забеспокоился. Потом увидел Галлу с соседней улицы, и это вселило в него уверенность. На противоположном конце поля кто-то поджег кукурузные стебли, и оттуда аппетитно пахло жареной кукурузой. Оporожнив сапетку, он спросил учетчика – старого Дыгыцци:

– Сколько у меня?..

– Больше тебя никто не принес. Отдохни немного.

– Нет, – ответил Артур и побежал к своему ряду.

Через некоторое время он оказался в том месте, где жгли стебли. От запаха горелой кукурузы текли слюнки. Артур подобрал паленый кочан, отколупал несколько зернышек, однако стоило их поднести ко рту, как послышался топот копыт. Перед ним верхом появился Ислам.

– А ну положи кукурузу на место! – процедил он сквозь зубы.

Артур хотел было возразить, что она все равно пропадет, так почему же нельзя поесть немного зерен, но Ислам, словно бы предупреждая эти рассуждения, прокричал:

– Не смей трогать казенную кукурузу! Ты ее сажал?!. Почему же тогда берешь? Пусть лучше сгниет в земле, чем ты съешь!

Мальчик разжал ладонь, и оттуда посыпались горелые зерна. Он повернулся и пошел в поле убирать кукурузу.

– Смотрите-ка на него, работать не работает, а шляется где не надо! Бродяга! Бездельник!.. – бесился Ислам.

Артур нагнулся над своей сапеткой, огляделся по сторонам. Рядом никого не было, видать, обедали все. Потом набрал в рот сырой кукурузы и с хрустом стал жевать. Он опять вспомнил няню... Летом, когда собирали помидоры или огурцы, Артур приносил домой немного овощей, но только в том случае, если бригадир сам раздавал. А без спроса ни разу и былинки не взял с поля. Но сегодня он наберет кукурузных зерен на чурек больной Анне. Дрожащими пальцами он принялся лущить

початок. Вот уже наполнилась правая рука, и он засыпал зерно за пазуху. Коснувшись кожи, зерно пронзило тело холодом. Мальчик вздрогнул, чуть не вскрикнул... Набрав с два горстка в пазуху кукурузы, он поправил ремешок и осмотрел себя, не видно ли чего. Собрал мягкой сухой травы, скинул свою обувку и выстелил их изнутри. Так теплее и легче ходить. Затем наполнил сапетку кукурузой и пошел к куче, возле которой сидели женщины.

– Артур, ты хоть поел чего-нибудь? – спросила одна из них.

– Поел...

Стал моросить дождь. Колхозники собрались и пошли в село. Кукурузное поле опустело. Мелкий дождь сеял так, что люди промокли до нитки. До сторожки, стоящей на опушке леса, было рукой подать. Чем ближе Артур подходил к шалашу, тем сильнее колотилось его сердце. Он думал, что все его видят насквозь и знают, что у него за пазухой. Несколько раз порывался отбежать в сторону и высыпать живительное зерно на обочину, но тут же перед ним возникали голодные глаза Анны...

Когда он первый раз хотел испечь чурек, то не достал до корыта на столе, поэтому встал на стульчик. Хорошо, что его увидела Анна, а то бы упал и ушибся.

– Тесто из кукурузной муки надо долго месить руками, тем более такому маленькому пекарю, как ты, – сказала ему тогда няня. – Поэтому очень опасно стоять на стуле. Лучше поставь корыто на пол и меси в таком положении.

С тех пор, когда выпадало счастье печь чурек, он ставил корыто на пол, расстилал мешок, вставал на колени и замешивал тесто. Артур вспомнил свое новое корыто, в котором однажды летом соседка принесла целую охапку грязной шерсти, и в руках Анны эта шерсть превратилась в две белоснежные свитера-рубашки...

Полеводы спустились в овраг. Перешли вброд речку, не снимая обуви – все равно она была мокрой. Когда пробирались по противоположному берегу, Артур увидел колхозного дружин-

ника Ислама. Сердце его екнуло. Ислам, не спеша, кнутовищем тыкал в колхозников, и те развязывали пояса, распахивали телогрейки, показывая ему, что у них за пазухой. Артур видел, как безропотно подчинялись люди грозному всаднику. Ох, как не хотелось приближаться к нему. Он тоже всегда смело подходил к дружиннику, но сегодня этого не случится. И почему Артур позарился на кукурузу? Все были чисты, кроме Галлы. Под ноги ей посыпались зерна. Ислам немедленно раскричался:

– Ты почему колхозное добро ворует?!.

Галла пробурчала что-то под нос.

– Там не меньше килограмма, а ты ведь знаешь, что за килограмм судят!..

– Прости меня, – сказала Галла, – отпусти нас, пожалуйста, мы промокли.

– Ладно, идите! – смиловился Ислам.

Колхозники направились в село. Никому из них и в голову не пришло погреться в шалаше. На поле опустились сумерки. И вот суровый взгляд Ислама остановился на Артуре. Он заметил, что мальчик нерешительно переминается с ноги на ногу. Он плеткой показал на его ремешок. У мальчика от страха закружилась голова – ровно земля превратилась в огромный мельничный жернов... Из этого состояния его вывел резкий окрик Ислама:

– А ну развяжи ремень, собачий сын!..

Пальцы не слушались Артура.

– Живее!.. – рявкнул Ислам.

Наконец Артур ослабил ремешок и, на мокрую землю из-за пазухи посыпались зерна кукурузы. Зерен едва хватило бы, чтобы накормить двух куриц. Ислам, недолго думая, принялся хлестать мальчика плетью. При каждом ударе мальчик вздрагивал всем телом, а вместе с ним вздрагивал и конь под Исламом, храпел и вскидывался на дыбы. Однако он крепко держал левой рукой повод. Кожаная плеть «играла» на спине Артура. Мальчик пытался уклониться от ударов, но у него плохо получалось. Тогда он решил укрыться в овраге, но всадник после-

довал за ним. В конце концов Артур выбился из сил и упал на землю...

– Беспризорная собака!.. – сказал Ислам и ускакал.

В это время к Анне зашла Гидта. Она оглянулась на скрип двери.

– Сынок, это ты? – спросила она.

– А что, он еще не вернулся?.. – забеспокоилась соседка.

– Нет еще. Зажги, пожалуйста, лампу.

При свете керосиновой лампы в глаза Гидте бросился изможденный, болезненный вид Анны. Гостья оглядела комнату. Было холодно и неудобно. Она, не вымолвив ни слова, вышла из дома, но через некоторое время вернулась. Под мышкой у нее был чурек, в руках держала два ведра, до краев наполненные картошкой.

Тем временем Анна одевалась, при этом ее качало из стороны в сторону.

– Куда ты собралась в таком виде?! – поставив на пол ведра, а чурек, похожий на диск луны, на стол, испуганно спросила соседка.

– Мой мальчик!.. – тяжело дыша, проговорила Анна. – А другие вернулись?

– Вернулись... – сказала Гидта и осеклась.

– Вернулись, говоришь? – еще больше забеспокоилась Анна и накинула старый платок, сунула ноги в чоботы и взяла палку, служившую дверной задвижкой. – Где они работали?

– У алычовой рощи, – ответила Гидта.

Она говорила еще что-то, но Анны уж и след простыл. Женщина плелась по дороге, колени у нее подкашивались от слабости, но она все же шла, и только корила себя за то, что его отпустила. Найти бы его еще живым, больше одного никуда не отпустит. Сослан, Сослан, кажется, я не смогла выполнить твой наказ. Бог свидетель, очень старалась, но не смогла. Темнота сгустилась незаметно, но Анна хорошо различала дорогу, увидела и фундуковые заросли, и алычовые деревья вдоль оврага.

– Арту-ур!.. – разнесся ее крик в ночной тишине.

Наверное, его уже волки съели. Картины одна страшнее другой представляли перед ее взором. Она пожалела, что не прихватила с собой фонарь. Однако женское чутье вело ее нужной дорогой...

Артур тихо лежал в овраге. Он осмотрелся вокруг, увидел белые камни и подгрел их руками – на всякий случай, вдруг придется обороняться от диких зверей. Временами чудилось, будто из зарослей фундука на него уставились горящие зраки волка. Конечно, мальчик понимал, что это только мерещится ему. Но ведь у страха глаза велики. Он заставил взять себя в руки, прислушался. Где-то на дне оврага журчала вода... Он приподнялся – откуда-то доносился чей-то крик, и это вселило в него уверенность. А чуть погодя, отчетливо услышал, как его зовут по имени...

– Арту-ур!..

Мальчик обрадовался, хотел вскочить, но, приподнявшись, снова упал на мокрую землю. Совсем близко послышалось:

– Сы-нок!..

– Нана, – отозвался он...

Анна обняла мальчика.

– Что с тобой?! – няня ощупала все его тело руками. – Какое несчастье свалилось на моего мальчика!

Ноги не держали Артура и Анне пришлось тащить его как бы волоком... Они еле выбрались из оврага. Когда вышли на дорогу, увидели дрожащие огни. Услышали голоса. Люди бежали им на помощь и, Анна прослезилась.

– Гляди, сынок, это соседи с фонарями к нам вышли... – И приложив ладони ко рту рупором, из последних сил закричала:

– Сюда!..

Огни повернулись в их сторону...

У Артура еще не прошли синяки от побоев, как в школе начались весенние каникулы. Он сразу же пошел работать помощником в тракторную бригаду. Отзывчивый и легкий на подъем мальчик был незаменим у трактористов.

Однажды он шел с работы, еле волоча от усталости ноги. Да и руки висели как тяжелые гири. Дойдя до оврага, где его избил Ислам, он спустился к ручью, разделся по пояс и умылся. Стало гораздо легче. Зашагал веселее, залюбовался природой. Впереди раскинулась пашня, за ней – насколько хватало глаз, зеленым ковром раскинулись поля озимой пшеницы. На деревьях в роще появились зеленые листочки. Закат был багряным, и он подумал, что утро следующего дня будет солнечным и теплым. Войдя в село, он увидел у ворот дома двух милиционеров и Ислама, который был без ремня. Дана причитала и била себя кулаками по голове, Анна поддерживала ее. Артур побежал к воротам.

– Почему, почему его арестовали?! – спрашивал он то у Анны, то у Даны.

Много неприятностей познал Артур от Ислама, но детское сердце бесхитростно и мальчику было жалко его. Когда его уводили, Артур подумал, что в доме снова не будет взрослого мужчины. Пусть тот поколачивал его, но все-таки оставался старшим в доме. Теперь хозяйство лишилось сильного мужчины, а это сулило еще более тяжелую жизнь.

– Почему его увели?! – спросил Артур у Анны.

– Не знаю, сынок, говорят, в плену он был...

– Ведь его по ошибке арестовали, правда? – мальчик с надеждой заглянул няне в глаза. – Его же скоро отпустят?!

– Да, мое солнышко, да, – сказала Анна и, повернувшись к Дане, добавила: – Хватит убиваться, пойдем домой.

– О, горе мне, горе!. – причитала Дана. – Померк свет в моих глазах!..

– Не бойся, – успокаивала ее Анна, – кто не про своей воле попадал в плен, тех быстро отпускают.

Но мать так плакала и причитала, что даже Феня не выдержала и прикрикнула на нее:

– Ну что ты плачешь все время, ведь не умер же он!

С тех пор Дана не смела плакать при невестке, однако втайне

от нее продолжала проливать слезы. Жизнь после ареста сына потеряла всякий смысл. Исламу дали шесть лет и отправили за Урал. А Феня и глазом не моргнула. Сошлась с председателем колхоза, который пристроил ее заведующей колхозной птицефермой. Невестка теперь и ночами перестала появляться дома. Она заставляла свекровь возить сыр и яйца в город и продавать на базаре. Во всем селе только у Фени были на сберкнижке деньги. Когда наступило время прополки, Дана заболела. За ней некому было присмотреть, и тогда Анна предложила, чтобы она переселилась к ним в хибарку. Фене только то и нужно было. Она сама перетасила кровать свекрови к Аниной двери и оставила там. Анна и Артур занесли её в комнату и поставили на самом уютном месте убогой комнаты. Они оба ухаживали за ней, как могли.

Дана изо дня в день слабела. Жили они впроголодь. Феня не оставила в доме ни птицы, ни скота, все продала. Анна тоже слегла. Мальчик носился между двумя больными женщинами, как настеганный.

* * *

Прошло несколько дней. Артур на тачке привез из леса дрова. Голова кружилась от голода и усталости, но все же он убрал в сарай дрова, тачку поставил так, чтобы она не мешала проходу, и сел на пороге своей комнаты.

Стукнула калитка, и во двор вошла Гидта с миской супа и большим куском чурека.

– Ты же замечательный мальчик, а я и не знала, – сказала соседка, ставя на стол миску супа и чурек.

– Почему ты так говоришь?.. – спросила Дана.

– Накануне я была в школе и в коридоре на доске почета увидела фотографию, кого же вы думаете? – нашего молодца, – ответила Гидта и потрепала его за волосы. – Будь здоров, парень. Ты сирота, но если на пашне сам не вытянешь свой же плуг, этого за тебя никто не сделает. И ты не сможешь идти в ногу с остальными. Я верю, ты будешь хорошим человеком.

Артур смотрел на нее с интересом и благодарностью. Он часто слышал похвалу в свой адрес не только от Анны, но и от других людей, однако так красиво, как она – никто еще не говорил.

– Как жить дальше? – возмутилась Дана. – Тех редких мужчин, которые возвращаются с фронта, загоняют в тюрьмы. Вот, наш не был дезертиром, за что же его посадили? Не смею в глаза людям смотреть.

Гидта хоть и была необразованной, но в жизни разбиралась неплохо.

– Не говори так. Сажают потому, что у государства, наверное, нет другого выхода. Почему он сдался в плен?

– Интересно, явные враги, которые прислуживали немцам, живут себе припеваючи, – не сдавалась Дана.

– Постой, постой, – прервала ее Гидта. – Ты не была недавно на колхозном собрании и не слышала, о чем там говорили. Те, кто работал у немцев, хорошо известны! Государство знает, кому какую рубашку кроить. Были такие, о них рассказывал председатель, которые с большим риском для жизни работали у немцев, но помогали нашим. А что мы о них знаем?!

– Ничего мы не знаем, – включилась в разговор и Анна. – Просто работаем и все.

– Но я-то, своим бедным умишком так думаю, что если во всей этой кутерьме начальство видело и знало, кто и как попал в плен, то почему бы ему не знать, кто и зачем работал с немцами? Нет, я не думаю, что не знало. Московское око все видит!

– Да уж-то всё видит! – с иронией выпалила Дана.

– Как же не видит! – подхватила Анна. – Почему же тогда одним, кто побывал в плену, вынесли строгий приговор, а другим помягче. Вот ваш Ислам, например, случайно попал в плен, так ему дали всего-то шесть лет. Зачем же зря убиваться, не пойму! Кому дали двадцать пять лет, тот и есть настоящий враг, дезертир и трус!..

– Вот именно! Такие шестью годами не отделаются! – добавила Гидта.

– Все это, конечно, так, но что будет с народом? – сокрушенно покачала головой Анна.

– Да, очень большие налоги взвалило государство на плечи народа, – согласилась Дана.

– А что, спрашивается, ему делать? – спросила Гидта. – Кругом разруха, надо же поднимать страну, восстанавливать предприятия, хозяйство... надо ставить на ноги города и села!..

– И в этом году, говорят, в колхозе не дадут ни шиша за трудодень.

– Немудрено! Все подчистую забирает государство, – тоном, не терпящим возражений, произнесла Гидта.

– А еще говорят, где шла война, ужас, как много подрывается людей и тракторов на оставшихся минах, – сказала Анна.

– Как это не печально, долго еще будут подрываться, – со знанием дела подтвердила Гидта.

– Это потому, что они под землей и их не видно.

– Почему же их не убирают? – спросила Анна.

Тут не сдержался даже Артур:

– Да ищут же их саперы, но разве все сразу обнаружишь!..

Беседу прервал стук в дверь.

– Выгляни-ка, сынок, кто там, – попросила Анна.

Когда мальчик вышел из комнаты, Гидта вымолвила:

– Вы не заметили, как он внимательно слушает?

– Дай бог ему долгих лет жизни, он умница, – сказала Анна.

Вернулся Артур.

– Кто там стучался?

– Два вестника, – ответил Артур – Уаскаевы сына женят в воскресенье, а сына Масо призвали в Армию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поли жила со своей внучкой Дианой Байсангуровой. Сколько дней и ночей ждет старый человек возвращения с фронта своего сына и зятя. Извещение о гибели зятя Лазаря пришло... Но все равно ждет его и учит этому свою внучку. Война вот-вот завершится и сын непременно приедет, думала она. Но война положила конец ее надеждам. Погас огонек жизни и ее сына. Не успели высохнуть ее слезы, и дочь Зарина умерла от чахотки. После этого Поли переселилась из гор на равнину. Купила в Аргинараге дом, вернее, домишко в две комнаты. Пришел к ним сосед Тепсарико, и во дворе под тутовником присели:

– Ты слыхала, что государство понизило цены на товары? – спросил старик.

– Денег нет, но жить можно.

– Так появятся со временем и деньги! – убежденно произнес гость, – а с того, что товары будут дорогими, денег больше не станет, так ведь?!

– С каждым днем жизнь должна становиться лучше. За что мы кровь проливали. Восьмой год, как закончилась война, – сказала Поли.

– Так ты не видишь, какое строительство идет по всей стране?!

– Это, конечно, хорошо! – закивала она головой. – Как же быстро восстановили разрушенные дома, города, села. Несколько дней назад нам в поле показывали снимки из газеты. На одном – разрушенный войной город, а на другом – восстановленный, причем за короткое время.

– Я тоже видел. Камня на камне не оставили от этого города, а когда восстановили, он еще красивее стал, а ведь таких городов и сел – тысячи-тысячи... – Он восторженно потряс головой. – Ей-богу, Поли, после проявленного Сталиным и нашим народом мужества во время войны, я не удивлюсь, если они построят новые города! За короткое время возродить страну из пепла – это тебе не огород вскопать. Разве я не прав?!

– Дело говоришь, – согласилась Поли.

Наступило первое сентября. Дети весело шагали в школу. Поли привела Диану в пятый класс.

Учитель русского языка и литературы Армукаев Владимир Ибрагимович привел в пятый класс новичков: четырех мальчиков и девочку. Учитель стал вызывать детей по фамилии и усаживать за парты. Диана стояла позади всех, однако хорошо слышала перешептывания в классе. Она обратила внимание на девочек с третьей парты. Одна была чернявой, другая посветлее. Косясь на Диану, они спорили.

– Эта девочка русская?

– Да, да, – подтвердила подружка, – на ногах у нее боты.

– Да, боты, но ты посмотри, какие у нее голубые глаза!

– У меня тоже голубые глаза, – возразила светлая девочка. – Но лицо у нее кровь с молоком, как моя бабушка говорит.

– Она русская, и нечего тут спорить, – стояла на своем чернявая.

– Пстой-ка, – не соглашалась с ней вторая. – У русских какие-то свои лица...

Спор двух подруг разрешил учитель, объявив фамилию:

– Байсангурова Диана Лазаревна.

Подруги удивленно переглянулись. Учитель взял девочку за руку и, как и остальных новичков, повел к парте...

– В нашу сторону ведет... – шепнула чернявая на ухо подруге.

Ученики дружно проследили взглядом за учителем и Дианой, идущим по классу. Диану посадили за спорящими девочками, на четвертую парту.

– Вот здесь будешь сидеть, – приветливо улыбнулся учитель, затем окинул взглядом класс и позвал: – Хангериева Роза, иди сюда, ты сядешь с Дианой.

Роза собрала учебники и села слева от Дианы. Та взглянула на соседку – полненькая девочка с пушистыми цвета пива волосами, зачесанными назад, темно-коричневые бархатистые глаза смотрели внимательно и спокойно.

Роза ей понравилась, в отличие от сидящих впереди нее девочек. Диана проводила взглядом учителя. Он оглядел классную комнату и остался удовлетворенным. Густые черные волосы его были зачесаны назад. Брови его – то одна, то другая – поднимались вверх.

Прошло несколько дней. Диана не спешила знакомиться со своими одноклассниками. Две недели, как начался учебный год, а она нигде, кроме как у доски и за партой, не появлялась. Другое дело соседка по парте. Ее можно было видеть где угодно – и среди девочек, и даже среди мальчишек. Учителя вскоре заметили, что Диана слишком замкнута. Если во время урока кто-то входил в класс, все дети инстинктивно поворачивали головы в сторону двери. Одна Диана сидела спокойно, не двигаясь. Ее равнодушие не нравилось учителям, они боялись, что с годами это перерастет в беспечность. Но молчаливая Диана прекрасно понимала жизнь класса и школы. Она видела, что Владимир Ибрагимович много работает дома. Это было заметно по его натруженным рукам.

Из девочек, которые сидели впереди, одну – чернявую – звали Фатимой, другую Земой. Последняя на уроках никогда не сидела спокойно, вечно вертелась, к тому же с одноклассниками была надменна. Во время уроков ее почему-то разбирал смех, и она тихонько хихикала и смешила других. Учитель несколько раз делал ей замечание, а она все же продолжала вести себя так, будто никакого отношения не имела к смеху в классе. Одна Диана ни разу даже не улыбнулась, как ни старалась она ее рассмешить. Поэтому Зема её и не влюбила.

Однажды внимательная Диана заметила, что руки Земы все исцарапаны. Неужели она тоже работает в поле? Взяла ее за руку и еле заметно улыбнулась.

Зема удивленно спросила:

– Чему ты смеешься?

– У тебя такая маленькая рука, – сказала Диана.

– Я и сама маленькая, – в шутку сжала жесткие пальцы Дианы Зема.

– А где ты оцарапалась?

– Пшеничные колосья лущила.

Это признание сделало их родными. Однако, заглянув Земе в глаза, Диана спросила:

– Ты же сказала, что у тебя есть мать и отец?..

– Так я не дома работала, а сестре помогала.

– Сестре?!.

– Да, сестре, она бедная, – ответила Зема.

– Почему? Почему она бедная? – не унималась Диана.

– Потому что она вдова. У нее пятеро детей. Их отец погиб на фронте.

Зазвенел звонок. Начался урок истории. Все достали из портфелей учебники. А Диана извлекла толстую потрепанную тетрадь, страницы которой были сшиты белыми, грубыми нитками...

В первых числах августа 195... года возле Северо-Осетинского педагогического училища, прислонившись к дереву, стояла в печали девочка лет четырнадцати. В руках она держала папку с документами. На ней было скромное платье, а на ногах осетинские чувяки. Две косы висели на спине. У парадной двери училища сновала молодежь. Каждый, кто проходил мимо девочки, не мог отвести от нее восхищенного взгляда. «Какая красавица!..» – шептали они. – «Какие длинные косы!» Это была Диана Байсангурова. Постояв у дерева, она неспешно направилась к берегу Терека. Но вдруг! – будто решившись на что-то очень важное, резко повернула обратно и направилась к кабинету директора училища...

– Ну, что скажете, девочка? – спросил ее директор.

Диана смущенно поздоровалась с ним. Тот, не обратив ни малейшего внимания на ее приветствие, сказал:

– Небось, тоже двойку отхватила!

Слово «отхватила» больно резануло её слух. Глядя на черную авторучку, лежащую на столе, она ответила:

– Видимо, это ошибка... Я никогда не получала двоек по письменной работе.

Директору не понравился ее тон. К тому же, как она посмела к нему зайти?!. Даже большие начальники, чьи дети поступают в училище, не смеют к нему стучаться без рекомендации, а она явилась, не запылилась. Директор встал, подошел к окну, провел рукой по кожаному ремню от живота до спины и вернулся на место.

– Глядите-ка на нее! – смерил ее взглядом. – Не получала двоек! Знаем мы этих ваших сельских учителей и то, как они ставят отметки! Наверняка ошибок наделала на целую сапетку!

– У нас хорошие учителя.

Директор взъярился и закричал:

– Девочка! Для того, чтобы продемонстрировать знания, у тебя было достаточно времени! Ты показала плохие знания. Что еще хочешь?!

Диана подняла голову и смело произнесла:

– Я хочу посмотреть свою работу!

– Не положено! – громко ответил директор и судорожно стал нажимать на какую-то кнопку.

Зашла полноватая женщина. Диана поняла, что ей пора уходить, но продолжала стоять. Директор протер носовым платком лысину и дал указание секретарше:

– Ради бога, узнай, что эта за тип, откуда она и чья?!. Закончатся ли когда-нибудь эти экзамены? Голова кругом идет от посетителей!..

Секретарша тихо ответила:

– Сирота она... никого у нее нет.

– Как никого?!. Что она, как нарт Сослан из камня родилась?!

– Отец на фронте погиб, а мать здесь умерла.

Не дослушав секретаршу, директор резко выпалил:

– Эти сироты войны слишком нахально себя ведут!..

Женщина вздохнула:

Они сами прокладывают себе дорогу в жизни...

Диана наблюдала мутное течение Терека. Чувство несправедливости и обиды душило ее. На поверхности воды иногда

Прошло немного времени, и Мэри снова стала умолять Поли, чтобы та отпустила Диану присмотреть за детьми. Надо же было навестить мужа в больнице. Ради больного соседа она согласилась. И она опять оказалась у соседской люльки. А Поли спряталась в огороде и стала следить за домом. В то время, как дети соревновались в плаче, с чердака на землю упало полмешка какого-то груза. Следом спрыгнула соседка Мэри. Как только соседка закинула на плечо мешок, Поли схватила ее сзади за руку...

– Что, опять грязные детские пеленки?!

Мокрыми от слез глазами Диана взглянула на тетю. Та спокойно спала, казалось, и не дышала. Из-под цветастой косынки выпирали бигуди. Газовая плита сверкала чистотой, а руки Дианы сморщились от воды, как печеные яблоки.

Наутро Косер с племянницей пришли к общежитию N-ского завода. На второй этаж дома вела металлическая лестница. «Интересно, как по ней взбираются зимой в гололедицу?» – подумала Диана. Они постояли немного для приличия и стали подниматься по лестнице. Гулкий звон ступеней словно бы извещал о том, что Диана вступает в новую жизнь. Лестница привела их в длинный коридор. С двух сторон виднелись разноцветные двери. Они остановились у темно-синей двери и Косерхан постучалась. Вышла русская женщина Инна, радостно обняла их, и все втроем вошли в квартиру. Комната была маленькой, у стены стояла кровать, напротив кровати – стол, на раскладушке, рядом с кроватью лежал светловолосый мальчуган и болтал ногами. В углу притулился небольшой буфет с немытой посудой, на котором возвышалась круглая электрическая плитка. Мальчик потянулся к Диане, видно было, что он привык к чужим людям. Девочка взяла его на руки и стала играть с ним. Она так увлеклась, что забыла, где находится, но когда Косер и Инна закончили разговаривать, и тетя засобиравшись домой, сердце ее заняло. Диане показалось, что ее бросают одну в темной могиле, и она никогда больше не выберется на свет.

– Ну, я пошла, – сказала Косер. – Девочка не совсем хорошо говорит по-русски, ты ее поправляй, – попросила Косер Инну и взяла сумку, в которую ей положили хлеб и еще какой-то сверток.

– Это тебе, – улыбнулась хозяйка.

– Спасибо, – поблагодарила Косерхан. – Не знаю, чем тебя отблагодарить за все хорошее, что ты для меня делала.

– Ну, что ты говоришь! – возмутилась Инна.

– Косер остановилась в дверях и спросила:

– Так ты, говоришь, не больше пятидесяти рублей?

– Да, до сих пор я всем платила столько же, – ответила она.

– Ну, хорошо, – согласилась Косер, и обе женщины вышли.

Сердце Дианы будто проткнули шилом. Она едва не плакала от обиды. «Пятьдесят рублей!» – звучали у нее в ушах слова тети, будто ею торговали на рынке. Взглянула на дверь. Метнулась к ней, как запертый в клетке зверек. Она с удовольствием сбежала бы, но она не могла противиться воле тети.

Инне завидовали соседи. Она нашла не только нянечку для ребенка, но хозяйку и замечательную домработницу. Заглядывая к ней, они в один голос восторгались тем, как из квартиры исчезли все дурные запахи и как все засверкало чистотой...

Между тем, чем чище становилось в квартире у Инны, чем ярче блестела посуда, тем грубее, шершавее делались руки Дианы. Она, конечно, жалела и Диану. Возвращаясь с работы, обязательно приносила с собой что-нибудь вкусное... Так прошло три недели. Как-то ночью она была на работе, а Диана спала с ребенком на раскладушке. Вдруг послышался мужской голос, говорили по-русски. От страха она не знала, куда деваться, и прижалась к малышу. Диана знала, что муж Инны где-то далеко на заработках... «Не бойся, не бойся», – сказал незнакомый мужчина и прямо в одежде лег на кровать. Через минуту-другую он уже храпел. Диане не спалось, она дрожала, как тростинка на ветру. Среди ночи она почувствовала, что бок ее намок. Встала, сменила штанишки малышу и белье на раскладушке. Чтобы мо-

края ее рубашка не липла к её телу, она подсунула под нее распашонку, обняла ребенка и заснула.

Утром вернулась Инна. Диана с ребенком вышли погулять. Сначала они играли во дворе, потом шумно возились в коридоре, смотрели на улицу с лестничной площадки, пока их не позвала Инна. Зайдя с ребенком в комнату, Диана увидела, что муж и жена нарядно одеты и собрались куда-то идти. Только хозяйка все еще сновала возле плитки, на которой стояла кастрюлька.

– Я поставила кипятить молоко, – сказала Инна. – Проследи, чтоб оно не убежало. Пока молоко не остынет, не трогай кастрюлю, обожжешься.

Диана знала, что молоко быстро вскипает и может убежать. Однако подхватила малыша и вышла в конец коридора. Ребенок был тяжелым, постоянно вертелся на руках, тянулся вниз и пробовал ходить самостоятельно. По сравнению с этим мучением, работа в колхозе казалась ей настоящим раем... И тут внезапно весь дом переполошился. Соседи забежали по лестнице, что-то крича. Диана схватила ребенка и хотела прижаться к стене, но тут заметила, что из-за их закрытой двери через щели валит дым, будто в комнате целая толпа закурила трубки...

– Молоко!.. – испуганно закричала Диана и стала проталкиваться через людей. Но кто-то уже вошел в дверь. Густой черный дым вырвался наружу. В коридоре появился пожарник в брезентовом комбинезоне и шлеме. Он тянул за собой толстый шланг. Опустив забрало, пожарник заскочил в комнату и пустил воду...

Диана редела, утирая слезы. Она плохо говорила по-русски, но все понимала. Кто-то жалел ее, кто-то ругал, а одна женщина даже обозвала ее раззявой. Наконец вернулись и хозяйка квартиры. Диана дрожала от страха, но Инна успокоила ее:

– Слава богу, что все живы и невредимы...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Летним днем во дворе Владикавказской городской больницы, на скамейке сидели мужчина и женщина в больничной одежде и тихо беседовали. Мимо них прошли высокая женщина в белом халате и изящная девушка в школьной форме. На спине у нее подрагивала толстая коса. Сослан заметил, что Асят не может оторвать глаз от девушки и сказал:

– Прошу тебя, не надо...

Они встали и направились за ними на улицу.

Асят держалась за сердце. Сослан, слегка похрустывая красивым протезом, шел рядом с ней. Они приблизились к автобусной остановке. Но тут девушка юркнула в автобус и уехала – только и видели ее спину. То ли от усталости, то ли от болезненной слабости, но ноги у Асят подкосились и Сослану пришлось подхватить ее. Они повернулись к больнице...

– Асят, вот уже сколько лет ты терзаешь себя, – упрекнул её Сослан. – Стоит тебе увидеть какую-нибудь девушку, как устремляешься за ней в погоню. Пожалей себя. Ведь сказали же тебе, что ее забрал полковник, который несет службу на западе. Почему ты думаешь, что она, непременно, здесь?!

Женщина передернула плечами, мол, не знаю, почему. Тут врач, которую они видели с девушкой, остановилась возле них и, кивнув на Асят, спросила:

– Что с ней?!

Сослан и Асят взглянули на неё.

– Доктор Доциева!.. – с удивлением произнес Сослан.

– Сослан, Асят!.. – обрадовалась Мадина Маркленовна. Она встала между ними и взяла их под руки.

– Ну, рассказывайте, где вы пропадали? Что у вас нового? Как ваш мальчик – сын госпиталя?

– Моторы что-то забарахлили, вот мы и решили их отремонтировать, – шутя, ответил Сослан.

– Какая встреча! – восхищенно произнесла она и присела

рядом с ними на скамейку слева Асят. – Так, где вы пропадали, все-таки?.. – повторила свой вопрос Доциева.

– Мы жили в Бухаре, ведь Асят нужен был сухой климат. Оттуда рассылали письма с запросами, детей разыскивали, но никого не нашли, – задумчиво глядя куда-то вдаль, ответил Сослан.

Мадина Маркленовна опечалилась.

– Ничего не поделаешь, надо терпеть. А как же мальчик ваш?

– Как видите, мы остались и без него.

– А что с ним?! – тревожно спросила она.

У Асят было горько на душе, она молчала, сдерживая слезы.

– Мать его забрала.

– Мать?! Как?!

Сослан рассказал:

– В школу Бухары приехала комиссия из Москвы. Член комиссии – одна женщина – как-то сидела в шестом классе, где учился Тарас. Учительница вызвала мальчика к доске и, когда она увидела его, то выбежала к нему и стала внимательно рассматривать. Кто-то из ребят даже пошутил: «У нее, наверное, сын пропал, такой же, как он. Чего это она его так рассматривает?» У Тараса под носом был тонкий, как ниточка шрам, именно этот шрам и рассматривала женщина... Так она узнала своего сына...

Некоторое время все сидели молча. Доциева разволновалась. А как ей не волноваться? Ведь рано или поздно наступит день, когда найдутся родные и ее дочери. Но она, очень деликатно скрывая свою душевную тревогу, спросила:

– А мальчик-то хоть еще помнит вас?

– Помнит, – ответил Сослан. – На весенние каникулы они приезжали к нам всей семьей. Если бы они узнали, что мы заболели, то, несомненно, приехали бы.

– Еще бы не приехать!.. – и помолчав секунду-другую многозначительно спросила: – Наверное, после этого вы и вернулись домой?

– Да, – сказал он, – но в основном, слава Богу, потому и вер-

нулись, что здоровье Асят намного окрепло, да и дома-то лучше, что и говорить...

– В какой терапии лечитесь и кто лечащий врач?

– В первой, – ответил Сослан, – а врач Купеев.

– Он замечательный человек и как врач хороший. Я ведь здесь работала в 4-й хирургии. Но моя дочь окончила среднюю школу и поступает в институт в Ленинграде, и мне тоже пришлось поднять паруса и ехать с ней. Завтра же едем.

– У вас была одна дочь, помнится мне, – спросил Сослан.

– Да, только что проводила её к автобусу, а мне еще здесь надо кое-что уладить... – ответила она и тут же глазами перехватила загадочно-перекрестный взгляд супругов и осклабилась от смущения, но все же вымолвила, – может, не то сказала?!

– Что вы?! – вскрикнула Асят.

– Доктор Доциева... – и с умилением посмотрев на неё только и смог высказать Дзодзиков.

Спустя секунду-другую Асят спросила:

– Разве в институте нет общежития?

– Есть, разумеется. Но есть и возможность избежать его. Дело в том, что в нашем госпитале, почти в одно время с вами, товарищ капитан, в 1942 году осенью лечился боец-артиллерист Кузнецов. Он военный, так же служит в чине полковника в артиллерийских войсках Советской Армии. Уроженец Ленинграда. Прошлым летом с семьей отдыхали в Кисловодске и нас тоже навестили... Вот он и позаботился о нашей временной прописке, с которой в Ленинграде очень сложно. После прописки и с жилплощадью в коммуналке, и с работой в больнице имени Урицкого, особого труда не составило.

– Мир полон хороших людей, – сказала Асят.

– Без добрых людей нет жизни, – согласился Сослан.

– Велика помощь Кузнецова, но если бы он не смог прописать нас в городе, все же сняла бы за городом комнатку у доброй старушки, прописала бы, – выразила Мадина Маркленовна и, гордо подняв свою красивую голову, встала.

Встали Сослан и Асят тоже...

– Поправляйтесь, – пожелав им здоровья, доктор Доциева направилась не к основной двери больницы – к хирургии, а влево – к терапии...

В этот же день вечером она вошла в палату к Дзодзиковым с полной сумкой провизии... Своим визитом она очень осчастливила их. Присев на стульчике – сообщила:

– Ознакомилась с вашими историями болезни. Побеседовала с доктором Купеевым. Скажу откровенно – ничего сложного, слава Богу у вас обоих нет... Только немножко нервы... Но это вполне излечимо и понятно.

– Вы, доктор Доциева, всегда были великодушны к людям. Спасибо, – сказал Сослан.

Все трое улыбнулись...

Летом 195... года в одной скромной гостинице в Ленинграде, у зеркала стоял молодой осетин и критически осматривал себя. Растопыренной пятерней он взъерошил мокрые густые волосы на красивой голове. С жизнью большого северного города он только познакомился. Накануне в парикмахерской на Невском проспекте, как ему показалось, весьма понравился – и сам, и его волосы – вежливому мастеру эстонцу. Тот целый час колдовал над его прической, а потом, отвязав белый передник и стряхнув острижки, долго любовался своей работой. «Приходите еще», – пригласил он.

Молодой человек приблизил своё лицо к зеркалу так, что нос его едва не коснулся стекла. Рука сползла с головы и застыла на лице. Что с ним будет? Осуществится ли его мечта? Когда он учился в седьмом классе, то задался целью стать милиционером, бороться с несправедливостью, ставить беспризорников на правильный путь, охранять простых людей от преступников. Однако как он будет жить? Заочно учиться ему не хотелось. Лучше работать после учебы и в выходные дни тоже... Устроиться на работу нетрудно – хоть в морской порт, хоть на метрострой... Он готов к любой работе, лишь бы посещать днём занятия в

университете. Рука сползла еще ниже по лицу. Большой и указательный пальцы задержались на грубоватом подбородке. Из зеркала на него смотрел выше среднего роста, крепкого телосложения девятнадцатилетний юноша в новом костюме темно-пепельного цвета. Пуговицы костюма были расстегнуты, под ним виднелась белая рубашка. Шею стягивал галстук. Лицо у юноши было мужественным. Из-под длинных густых ресниц задумчиво глядели миндалевидные глаза. Подбородок чуть-чуть выдавался вперед, губы решительно сжаты... Молодой человек был Дзодзишвили Артур, сын Сослана.

Он застегнул костюм, взял со стола черную папку с документами, но, вместо того, чтобы выйти в дверь, подошел к окну и стал любоваться видом города. По тротуарам спешили люди. Казалось, все жители в один момент высыпали на улицу. Над крышами домов виднелись высокие стрелы домостроительных башенных кранов. Автомобили, как жуки, сновали туда-сюда. Зазвонил телефон. Молодой человек снял трубку.

– Алло, вас слушают, – сказал он приятным басом. – Да, это Артур. – И рассмеялся, обнажив белые крепкие зубы.

– Вы кто, простите? Много знакомых? Да, есть, конечно. Из нашего села тут многие учатся. А-а, Сергей?! Ох! – выдохнул Артур. – Виноват. По телефону у тебя совсем другой голос. Спасибо. По возможности постараюсь навестить вас. До свидания.

Артур еще раз взглянул на себя в зеркало, провел рукой по волосам, затем взял папку и вышел из гостиницы. Он подошёл к остановке – как раз подъехал автобус. Юноша хотел зайти сразу в салон автобуса, но, увидев, что люди стоят в очереди, остановился. Тут же подошел следующий автобус и остановился прямо напротив него. Он оглянулся, может, кто-то из старших стоит за ним, но никого не было, и вскочил в салон. Окинув взглядом пассажиров, очень удивился – почти все читали книги. Люди настолько были увлечены чтением, что не обращали ни на кого внимания. Казалось, автобус едет не по городскому маршруту, а катится на край света. А салон автобуса напомнил

ему горное село, а книги – сакли с плоскими крышами, и это его позабавило.

Он так замечтался, что не заметил, как к нему подошел кондуктор.

– Молодой человек, – тронули его за рукав. – Университет. Университетская набережная, на Васильевском острове.

– Спасибо, – поблагодарил Артур и вышел из автобуса с каким-то воодушевлением.

Автобус уехал. Артур посмотрел на громадное светлое здание. Взгляд его переместился на Неву. По реке плыли небольшие пароходы и лодки. Берега были ровными и высокими. Неужели во время наводнения вода переливается через эти высокие парапеты?.. Направился в университет, У входа висела красная табличка, указывающая, где находится приемная комиссия...

У Артура нынче был день рождения. Накануне друзья из общежития накинулись на присланные Даной яблоки и конфеты. А девушки испекли сладкий пирог. Молодежь веселилась...

Артур взглянул на шафрановые яблоки и загрустил – вспомнил свою бесподобную няню, которая умерла во время его выпускных экзаменов в средней школе... Но, надо отдать должное и прекрасной Дане, которая заботится о нем, как о родном внуке...

Он услышал голос и вздрогнул. Увидел изящные ноги в белых туфлях на каблучках «рюмочка». Перед ним стояла самая красивая девушка из его курса и вымолвила:

– Приглашаю тебя на танец...

Парень опомнился, оказывается, объявили «Белый танец» а он-то и не слышал. Улыбнувшись, поднял свои руки... Их подхватил вихрь вальса...

Артур был одет в рабочий комбинезон, на голове каска. Прокладывалась новая линия метрополитена. Конечно, в такой день приятнее сидеть за праздничным столом, а не киркой махать и за руки носилок хвататься... Но все равно на душе у него было радостно. Вечером он собирался звонить домой в село

Дане. Артур на пасху послал ей платок и туфли, а к первому мая немного денег. Он улыбнулся, вспомнив, как ребенком радовался обновке. Если у него когда-нибудь будет ребенок, то он ни на шаг его от себя не отпустит. И на работе и в университете на него заглядывались девочки. Однако, он не обращал на них никакого внимания.

На площади Декабристов у памятника Петра I собралось много народа, в основном студенты. Молодежь восторженно спорила о «Медном всаднике». С площади доносился веселый разноязычный говор, напоминающий пение птиц в дремучем лесу. И потому казалось, что в городе, основанном Петром Великим, люди живут так дружно. Артур гордо вскинул голову. Спустя некоторое время, разговоры стихли, как стихает щебет птиц перед ливнем. Послышалась осетинская песня. Трогательный мужской голос пел песню Коста «Кубады».

Сергей, его сестра Неля и их приятельница Надя, тоже были на площади. Они протиснулись поближе, чтобы узнать кто так красиво поет. Пел симпатичный юноша.

– Кто это?!. – восторженно спросила Неля своего брата Сергея.

– Это Аркадий Варзиев, студент мединститута, – ответил Сергей.

– Наверное, недавно приехал, – сказала Неля.

– На последнем курсе учится.

– Как, на последнем?!. – одновременно воскликнули Неля и Надя.

– Дайте послушать! – улыбнулся Сергей и окинул взглядом молодежь. Певца слушали не только осетины, но и русские, узбеки, грузины, армяне, монголы... Прохожие останавливались, даже постовой светловолосый милиционер прислушался.

Ребята-осетины стали подпевать Аркадию...

В это время в трамвае, следовавшем с Васильевского острова через Дворцовый мост, сидел Артур. Он был в рабочей одежде. Из трамвая смотрел на чужеземные корабли, стоящие на

рейде на реке Нева. У Зимнего дворца были пришвартованы три английских военных крейсера. Их мачты казались выше и тоньше, а сами корабли легче и слабее наших кораблей. Трудно было поверить, что на борту крейсера-авианосца стоят военные самолеты. На корабль шли посмотреть многие, но самих самолетов никто не видел.

Артур решил тоже побывать на крейсере. По мосту рядом с трамваем двигались грузовики, автобусы, троллейбусы, и когда приближался встречный двухвагонный трамвай, то на секунду-другую, заслонял собой панораму Невы, и тогда Артур терял из поля зрения кораблей: Ничего, – успокаивал он себя, – зачем напрягать зрение, вот доедет до конца моста, сойдет на остановке и погуляет немножко по набережной.

Вдоль набережной росли вековые раскидистые деревья. Если бы они умели говорить, то много интересного рассказали бы людям – как корчевал их Петр I, как закладывал город и как мужал. От чащи на берегу Невы остались только эти деревья, и они были свидетелями великих деяний Петра. По воде плыло легкое судно, оно проскочило под Дворцовым мостом. Кораблям, плывущим по Неве, дают дорогу мощные разводные мосты реки Нева. Артур вспомнил знакомого матроса дальнего плавания. Тот как-то высказывал недоумение относительно того, с какой беззаботностью люди пьют иностранный кофе, какао, чай, даже не подозревая, каких усилий стоит доставка всего этого добра им на стол. Мало того, что товар покупают за чистое золото, это еще полбеды, но ко всему прочему это еще невероятный труд. Ящики громадные, трюмы забиты до отказа, на палубе негде повернуться, а груза – с гулькин нос. Плюнуть бы на все, да без груза никто не выпустит судно в море. Но, что самое интересное, загрузившись кофе и какое, матросы для устойчивости судна вынуждены догружать трюмы балластом, чтобы не мотало в открытом море.

Артур задумался и пропустил остановку, на которой собирался выйти. Трамвай прогромыхал мимо площади Зимнего

дворца. Когда остановился, он вышел и поспешил на набережную Невы. Слева остался желтый дворец Александра Меншикова. Шел и размышлял о том, как уважал Петр I Меншикова. Взгляд его задержался на золотом куполе Исаакиевского собора. Ветер, дувший со стороны Невы, донес до него звуки осетинской песни, звучащей у «Медного всадника». Юноша остановился и прислушался. Чудны твои дела, господи! За тысячи километров от родины он слышал песню, от которой мурашки бегали по спине. Голос певца показался ему знакомым. Артуру почудилось, будто сердце поющего гложет какая-то тоска. Между тем песня закончилась, и послышались громкие аплодисменты. Певец отклонялся и вытер белоснежным платком пот со лба.

Он хотел подойти поближе, но устыдился своей рабочей одежды. Где же он мог видеть этого парня? Вспомнил. Два года назад, перед октябрьскими праздниками, студенты помогали убирать мусор в метро. Артур наполнил носилки отходами строительного мусора и стал ждать напарника. Подошел парень, без лишних слов взялся за передние ручки и они понесли носилки. Это был Аркадий...

– Спой нам еще, – просила молодежь певца.

Артуру было некогда, он спешил на переговоры... Повернулся уже уходить, но тут услышал, как высокий женский голос запел:

...От боли и радости твоей далека...

Недолго думая, Артур вскарабкался на фонарный столб. Ему было так интересно взглянуть на девушку, которая столь красиво пела по-осетински, что он забыл правила приличия. Это была высокая стройная девушка. Она дрожала то ли от ветра, то ли от волнения, но песня свободно струилась из ее сердца. Подняла голову, будто спрашивала у людей, у родной Осетии:

*... Ты чем мне можешь? Умру одиноко,
Ты слез на мой прах не прольешь!..*

Артуру показалось, что это не Коста, а девушка оплакивает свою судьбу. Интересно, кто она?!. У столба стоял милиционер.

Артура так глубоко тронула песня, так сжалось сердце, что из глаз покатались слезы, одна из которых упала на руку человеку в синей фуражке. Милиционер вытер руку, взглянул на него вверх, но ничего не сказал. Из-за песни ли, или из-за присутствия молодежи, но сердце Артура почему-то заволновалось. А девушка, покачав головой, продолжала петь, обращаясь к окружающим:

*... Не смерти боюсь я, но кто над могилой
Костер поминальный зажжет?..*

Она прижала руки к груди и оглядела молодежь:

*... Чья девушка так обо мне зарыдает,
Чтоб дрогнул утес в вышине?
Кто песнь обо мне на гармошке сыграет,
Кто выиграет скачки по мне?..*

Девушка допела, но молодежь продолжала стоять молча в оцепенении, даже милиционер забыл, зачем подошел к столбу. Артур тоже не двигался, будто его приклеили к этому самому фонарному столбу. Возможно, он так и продолжал бы торчать, если бы постовой не догадался дернуть его за ногу. Артур легко спрыгнул на землю, извинился перед стражем порядка и стал протискиваться к Аркадию.

– Прошу прощения, вы Аркадий?..

Аркадий взглянул на него и улыбнулся.

– Постой, постой!.. – он прижал палец ко лбу, вспоминая его имя. – Артур... Артур Дзодзишвили!.. Тебя не узнать, как возмужал и вырос!..

Они рассмеялись и крепко обнялись. Артур хотел спросить его о певице, но тут к ним подошла сама, высокая, черноглазая, изумительной красоты девушка. На ней было темно-синее платье. Толстая, длинная коса тяжело лежала на спине, подрагивая в такт ее движениям. Белые лаковые туфли на высоком каблуке придавали ее фигуре гордую осанку.

Сердце Артура едва не выпрыгнуло из груди. В чем дело?! До сих пор ни одна девушка не вызывала у него такого волне-

ния, никогда еще так сильно не билось сердце. Она подошла к ним и устремила грустный взор на «Медного всадника». Аркадий тронул ее за руку и кивнул на Артура.

– Познакомьтесь.

Девушка взглянула на юношу в рабочей одежде, и в груди у нее екнуло. Она тихо спросила:

– Кто ты?..

Они протянули друг другу руки...

– Артур... – внезапно охрипшим голосом произнес парень.

– Светлана, – заикаясь ответила девушка.

Аркадий был неравнодушен к Светлане, поэтому мгновенно заметил необыкновенное волнение, охватившее юношу и девушку.

– Назовите и свои фамилии...

– Дзодзишвили, – опередил девушку Артур.

– И где учиться? – снова подал голос Аркадий.

– Доциева Светлана, учусь на юридическом факультете.

– На юридическом?! – удивился Артур. – Я же тебя никогда там не видел.

– Ты тоже там учишься?! – захлопала своими красивыми ресницами Светлана.

– Ага, он студент юрфака Ленинградского государственного университета, – пояснил Аркадий.

– Все это, конечно, хорошо, но скажите, пожалуйста, где вы научились так красиво петь? – спросил Артур.

Аркадию понравился вопрос.

– Мы с мамой поем осетинские песни, рассказываем сказки...

– Меня тоже бабушка учила осетинскому, а то из меня получился бы чистейший грузин, – замялся Артур.

Аркадий хотел что-то ответить, но к ним подошли Сергей, Неля и Надя. Они перезнакомились все с радостью. Глаза Нели и Нади заблестели, когда они увидели Артура. Отойдя в сторонку, девушки разговорились.

– Боже мой! – закатила глаза Неля. – Какой красивый парень!..

– Никогда еще такого симпатичного не видела! – согласилась и Надя.

– Наверное, о нем все талдычат, – сказала Неля.

– Кто?! – удивленно спросила Надя.

– Среди осетин в Ленинграде второго такого не найдешь, – сверкнули глаза у Нели. – Сейчас нет, а вот осенью его надо будет обязательно пригласить.

– Куда?

– Домой! Куда же еще?!

Молодежь окружила Артура, осыпала его упреками, сторонисься, дескать...

– Нет времени, – коротко ответил он.

Сергей схватил его за плечо.

– Вчера с нами не был и сегодня собираешься улизнуть? Сейчас пойдем пива где-нибудь выпьем.

Сердце у Нели заплясало в предчувствии вечеринки. Она молила бога, чтобы кучерявый согласился пойти с ними. Но куда там! Артур взглянул на часы и сказал:

– Извините, через час у меня переговоры... Прошу прощения, – попрощавшись, он быстрой походкой направился к троллейбусной остановке...

После встречи с парнем в рабочей одежде на площади Декабристов Неля лишилась сна. Она стала упрекать свою мать Елену в том, что она приглашает всяких безмозглых проходимцев, а Артура ни разу еще не пригласила.

Елена давно слышала от подруг-осетинок, что в Ленинграде учится и работает некий прекрасный парень, но чем же она виновата, если этот юноша не соглашается отведать их хлеба-соли? За щедрым столом Елены сживали практически все молодые осетины города. Однажды между матерью и дочкой зашел разговор о том, как бы завлечь упрямого юношу в гости. После долгих обсуждений Елена предложила:

– Мы можем говорить об этом до утра. Но лучшей причины, чем день рождения твоего отца, мы не придумаем. Давай пригласим его в августе на день рождения его.

Неля нетерпеливо вскочила со своего стула.

– Надо же было папе родиться во время каникул...

У Елены отвисла челюсть от слов дочери. Но она промолчала. Девушка вертелась у зеркала, потом гордо вскинула голову, села возле матери и радостным голосом произнесла:

– Так ты, говоришь, никакого праздника нет? А как же день рождения Нади в сентябре! – и обняла мать.

Однако в сентябре Артур не смог прийти – учеба, работа... Надеялись, что он навестит их семью в праздник Великого Октября, но и тогда ему не удалось выбраться.

— Ладно, до сих пор Артур не соизволил явиться к нам в гости. Но к новогоднему столу мы обязательно затащим его к себе! – решили мать с дочерью.

12 июля 195... Поли проводила Диану в Ленинград к своему брату Хазби. Поезд тронулся... Застучали рельсы под колесами, замелькали в окне зеленые поля, леса, реки.

Через четыре дня Диана сидела в доме Хазби, с ног до головы одетая в Еленину одежду. Пришли Хазби, его дочь Неля и сын Сергей. Они очень обрадовались встрече. Неля оглядела Диану.

– Ничего, – улыбнулась она, – все это на время, потом купим тебе новое платье.

Елена села рядом с Дианой.

– Так, куда мы подаем документы? – спросил Хазби Диану вечером, когда семья собралась за столом.

Диана нерешительно взглянула на него, потом на Елену и тихо ответила:

– Хочу учиться в педагогическом училище. Дома тоже могла поступить, но бабушка сказала, что не сможет мне помогать в городе.

Хазби вытер жирные губы салфеткой:

– Неплохо было бы получить специальность пищевода или пойти по торговой части.

– Ты сирота и тебе надо устроить жизнь так, чтобы иметь верный кусок хлеба. Вон наша знакомая окончила пищевой

техникум и работает на кондитерской фабрике. Живет – дай бог каждому, – добавила Елена.

– Куда хочет, туда пусть и поступает, – вставила Неля.

– Дело не в желании, – возразил Хазби. – Вы еще молоды и глупы, надо прислушиваться к старшим и делать то, что они советуют.

Диана чувствовала себя слабой и беззащитной...

– Пищевой техникум – неплохой вариант, – сказал Хазби. Встал. Полистал телефонный справочник. Поднял трубку, набрал номер и стал с кем-то любезно говорить по-русски.

На следующий день Диана надела Нелино платье от школьной формы с кружевным воротником, Еленины старые босоножки на танкетке, заплела в две косы свои светло-золотистые волосы и собралась в техникум...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом, в котором проживало семейство Хазби, стоял на пересечении Измайловского проспекта и проспекта имени Сталина. Это был тихий район, машины проезжали редко. Ночью Диану разбудили незнакомые звуки. Ей показалось, что с двух сторон на дом наползают какие-то страшные чудища, не могут забраться на крышу, а только воют: «уих-уих!». Утром, когда вышли из дома, она поинтересовалась у Елены, что это был за шум всю ночь?

– Это машины ревели, а слышалось, как канонада. Тут особенная акустика. Днем это почти незаметно, – пояснила Елена.

Где-то поблизости раздался гудок паровоза. Такой же звук Диана слышала в первый день своего приезда. Тогда она спросила об этом звуке, и ей объяснили, что рядом Варшавский вокзал. Словно прочитав ее мысли, Елена кивнула в сторону площади, на которой возвышался памятник Ленину, указывающему народу рукой правильный путь, и сказала:

– Вон видишь, это Варшавский вокзал.

Девушка засмотрелась на здание вокзала, на площадь, на памятник, чем вызвала раздражение Елены.

– Гляди под ноги, это тебе не село.

Среди гула машин по улице организованной колонной следовала группа детей. Внезапно они хором закричали: «Вертолет, самолет!..» Диане приятно было слышать этот крик. В Осетии, увидев в небе самолет или вертолет, дети тоже кричали. На встречу шла молодая пара. У женщины обозначился живот, она была в положении. Ей было странно наблюдать, как муж ухаживает за ней, несет ее сумку, если надо – поддерживает за локоть, а жена бредет себе беззаботно в свободном развевающемся синем платье.

Посреди перекрестка четырёх улиц, в белом круге, стоял регулировщик с полосатой палкой в руке. Она с интересом наблюдала за тем, как точно водители выполняют указание ми-

лиционера. Когда регулировщик поворачивался спиной к потоку машин, на углу загорался красный глазок, а под ним надпись «стой», и все останавливались – и машины, и пешеходы... Если же поворачивался боком и при этом, согнув в локте руку, прижимал черно-бело полосатую палку к груди, загорался зеленый глазок и надпись под ним «идите». Такого в Осетии не видела...

– Наш трамвай, – сказала Елена.

В трамвае народу было немного, дело шло к обеду. Все прилично одеты. Салон чистый, сиденья мягкие, покрытые темно-коричневым дерматином. Диане даже показалось, что трамвай специально предназначен для зарубежных туристов. Если бы не Елена, она наверняка вышла бы обратно. Погода стояла пасмурная, но из окон трамвая город был виден хорошо. Она окинула взглядом пассажиров, они напоминали знакомых из Осетии. Вот вошла пожилая женщина – один в один бабушка Поли. Другая протянула ей деньги – «передайте, пожалуйста, на билеты» – а это вылитая тетушка Косерхан... Когда трамвай миновал Измайловский проспект и проезжал по мосту через Фонтанку, то Елена показала ей слева красивую надпись: «Троицкая церковь».

– Запоминай улицы. Я же не буду тебя каждый раз сопровождать. Сейчас мы едем по проспекту Майорова. Смотри, это Малый театр оперы и балета. А это гостиница «Астория»...

Диана не слушала тетку. Она думала о том, какое счастье жить в таком красивом городе. Ведь многие мечтают просто побывать в Ленинграде, погулять по улицам, полюбоваться ее красотами. Конечно, будет ходить и в театры, и на оперу, и на балет. В школе классный руководитель рассказывал им, что такое балет – там артисты танцуют. А в опере не только танцуют, но и поют. Она узнает и увидит, как поют и как танцуют в этих заведениях. И, конечно же, посетит чудеснейшие, богатейшие музеи Ленинграда. Она выглянула в окно трамвая. Кругом пестрели афиши, указывающие, где какой демонстрируется фильм. «Бро-

дяга», Индия. «Борьба в долине», Египет. Мимо пробежали витрины магазинов, многоэтажные дома...

– Красиво, да? – снисходительно улыбнулась Елена. – Этот город Петра Великого.

– Его строили зарубежные архитекторы и инженеры, – сказала Диана. – Нам об этом говорила учительница истории.

+/ Елена неплохо шила, но Хазби не пустил ее на работу, предпочел, чтобы она присматривала за детьми. Зато у нее оставалось достаточно времени для чтения и для занятия собой. Словом, она была весьма довольна своей жизнью.

– Улица Горохова! – объявил кондуктор.

– Не та ли это улица, на которой жил Обломов? – спросила Диана, и Елена подтвердила ее догадку, а потом добавила еще более интересную новость:

– Техникум, в котором ты будешь учиться, некогда был столовой, куда приходил писатель Гончаров со своей собачкой.

– Наверное, он жил недалеко от этой столовой?

– Наверно.

Она представила зал техникума. Попыталась разглядеть следы ног Гончарова, будто с тех пор, как там побывал великий русский писатель, помещение ни разу не ремонтировалось, не белили стены и не драили полы.

Перед её мысленным взором предстал не пустой зал, а полная народу столовая. За столами, покрытыми белоснежными скатертями, сидели известные люди. Ей хотелось думать, что именно в этой столовой обедали все писатели того времени. Поискала среди них высокого и тучного Гончарова с собачкой, и как только «нашла» его, тут же услышала:

– Следующая остановка наша.

Елена встала и попрощалась с мужчиной, с кем сидела рядом, будто ехали вместе с ним не две-три остановки в трамвае, а в поезде из Осетии в Москву.

– Сейчас мы увидим знаменитый «Зимний дворец», – сказала она. – Имя у него зимнее, но цвет весенний – зеленый. Твой техникум рядом.

Диана удивилась, увидев новые здания среди старых особняков. Елена сказала:

– Во время войны часть города была разрушена бомбардировками. Пришлось строить новые здания. Но старались строить так, чтобы сохранить старую архитектуру.

– Следующая остановка Невский проспект! – объявил кондуктор.

– Выходим, – сказала Елена.

Они вышли из трамвая. Напротив виднелась арка. Диана засмотрелась на нее, и это не осталось незамеченным для тети.

– Помнишь, я тебе показывала открытки с видами Ленинграда? Там было и это строение. Пойдем, поглядим.

Выбрались на Дворцовую площадь, посреди которой возвышалась колонна с ангелом на верхушке.

– Александрьевский столп! – обрадовалась Диана.

– Ты угадала, – кивнула Елена. – А это одно из самых красивых и знаменитых зданий в мире – Зимний Дворец. А площадь называется Дворцовой. Пойдем, закончим наши основные дела, потом погуляем.

Они прошли в арку под зданием Ленинградского военного штаба и вышли к парадному подъезду пищевого техникума на левой стороне.

✓ Диана сдала экзамены. Началась трудная, но интересная жизнь в большом городе. Сразу похолодало. Дождь, промозглая сырость пробирали до костей. Тётя пожертвовала для племянницы темно-синим пальто и фетровой шляпкой. К тому времени Поли прислала белые шерстяные чулки собственной вязки. Они не очень-то подходили к поношенным туфлям Елены на каучуковой подошве, но Диану это мало волновало. Перед ней стояли две цели: получить образование и не замерзнуть.

– Я не знала, что у тебя большое горло! Тут даже люди с богатырским здоровьем болеют, так что береги себя! – строго предупредила ее Елена.

Диана съежилась, как мокрая курица, чувствуя себя вино-

ватой, будто нарочно заболела. Хорошо бы вечером попарить ноги, пропотеть, тогда ей, возможно, станет легче. Но гость есть гость, особо не разгуляешься.

В доме Хазби жила еще и Надя, дочь его фронтового друга. Она училась в пединституте. Он кормил троих студентов, а теперь вместе с Дианой их стало четверо. Жена не работала, поэтому вся семья жила на его зарплату.

Диана училась неважно, так как многого не понимала по-русски. Особенно доставали лабораторные работы по химии. К тому же она не получала стипендию. Чтобы исправить плохую отметку, ей приходилось выкладываться по максимуму, на это уходило так много времени, что она успевала схлопотать очередной «неуд»... Отличные оценки у нее были только по поведению, по практическим занятиям на заводе и по черчению... Неплохо слесарничала. Ее крепкие и мозолистые руки ловко справлялись с металлом. Как-то их группе поручили вырезать из жести величиной с тетрадный лист различные геометрические фигуры. Мастер засмотрелся на ее работу – ни одного лишнего движения, ни одной ошибки. Его восхитило то, как она зажала в тисках металл, как вырезала ножницами фигурки и как обработала их напильником. У многих не хватило металла, а у нее даже оставался лишний кусочек. «Как удалось этой осетинке так точно выверить размеры?» – поразился мастер. Он взял изготовленную ею звездочку и тщательно замерил штангенциркулем все грани. Она не отошла от заданных параметров ни на миллиметр.

Мастер восхищался:

– Смотрите, вот вам пример идеальной работы. Обратите внимание, какие у нее точные и осторожные движения. Многие из вас уже побывали, и не раз, в медпункте и вернулись с перебинтованными пальцами, а у нее даже царапины на руках не найдете.

Не всем нравится, когда кого-то хвалят. Так устроена жизнь. Кто-то выкрикнул:

– Конечно, она только работать и может, как горский ишак!
Мастер нахмурился:

– Не надо грубить! Попробуйте-ка учиться на английском языке.

– А разве я не учусь? – упорствовала девушка.

– Где ты учишься? – насели на нее сокурсницы. – Один-единственный язык и изучала! А попробуй-ка технологию, физику, сопромат или другие предметы изучить на английском языке, поглядим, на что ты способна!

Но девушка не сдавалась.

– Это не совсем так. Ведь после седьмого класса она училась по-русски, только глупая она.

Слово «глупая» ножом кольнуло прямо в сердце Диану. Нет, чтобы они не говорили, она обязательно получит образование.

Наступил праздник Великого Октября. Елена готовилась к нему. Диана вертелась возле нее на кухне, помогала, чем могла, а то и бегала, как всегда, по магазинам. Когда она ставила эмалированную миску с мелко нарезанными овощами на шкаф, вошел Сергей и попросил мать отпустить Диану с ними.

– Пусть идет, – сказала Елена, доставая из духовки ароматный яблочный пирог.

Сергей смерил Диану взглядом.

– Ты бы хоть дома меняла свое платье, – упрекнул он ее.

Девушка покраснела, но промолчала. Тётя заметила замешательство её и одернула сына:

– Тебя забыли спросить!

– А разве нет в доме какого-нибудь старого халата? – не унимался он.

– Не лезь в женские дела! – повысила голос мать. – К тому же на ней передник!

Сергей сердито отвернулся спросив.

– Диана, ты идешь или нет?!

– Нет! – ответила она.

– Иди, девочка, иди, – очень серьезно произнесла Елена.

Она не могла перечить тетушке, поэтому стала снимать передник. Сергей же вернулся в комнату. Диана причесалась и осмотрела свое платье. Спереди виднелось белое пятно, обляпалась чем-то на кухне. Она потерла его, затем провела мокрой рукой – пятно исчезло. Она надевала в коридоре еленины перекошенные туфли, из комнаты, весело переговариваясь, вышли Неля, Надя и Сергей. Елена зашла в свою комнату. Сергей устался на Дианину обувь.

– А это что за лапти?! – взял он в руки правую туфлю, у которой спереди отклеилась подошва, отчего носок напоминал крокодилью пасть. – Скажи, ради бога, как ты в них ходишь? Представляю твою походку.

– Как? – удивленно спросила Неля.

– Как человек, который не умеет танцевать. Он выносит вперед ногу и быстро отводит назад. – Сергей продемонстрировал, как это происходит. – По-другому в этой обуви невозможно ходить!..

Появилась Елена. В руках она держала красивый флакон духов «Красная Москва».

– Возьмите, подушитесь.

Неля с Надей подошли к ней и по очереди стали слегка душиться. Диана отказалась.

– Мама, как эта девушка пойдет в таких туфлях? – показал Сергей туфлю.

– Ну, что я могу поделать? – разозлилась мать. – На одну зарплату всего не купишь. Диана, подними повыше прическу.

– Зачем?! – сказал Сергей. – Как будет смотреться высокая прическа с Нелиным старым платьем?

Елена снова пошла в комнату и принесла старомодные сапожки. Диана с трудом натянула их на ноги. Сергей глянул на девушек. Надя тоже была одета не ахти как. Зато Неля выглядела отлично. На ней был костюм кофейного цвета, сверкающие глянцевые сапожки, каракулевая шапка. А Диана и белый воротничок оторвала от платья. Когда ее спросили, зачем, она спокойно ответила:

– Постирать надо.

– Так постирай быстренько, утюгом высушим, – предложил Сергей.

– Не надо, пожелтеет, – ответила она.

Елена осмотрела девушек, но осталась довольна только своей дочерью.

Примерно через час Сергей с девушками вошли в празднично украшенный зал. Юноша приблизился к Наде и шепнул ей на ухо:

– Твой пединститут очень наряден.

– Педагоги знают свое дело! – гордо ответила Надя.

Диана загляделась на опрятно одетых будущих учителей. К ним подошел высокий морской офицер в парадной форме. Неля и Надя приготовились к танцу, а Диана во все глаза наблюдала за кружащими в вальсе юношами и девушками. Она впервые видела, как танцуют вальс. На удивление, красавец офицер встал напротив Дианы. Кивком головы парень попросил разрешения у Сергея и обратился к Диане:

– Барышня, разрешите пригласить вас на танец!

Она растерянно уставилась на него.

– Диана, иди, – сказал Сергей.

Девушка никак не ожидала, что рядом с Нелей и Надей выберут именно ее. Она зарделась от смущения и ответила, что не умеет танцевать. Офицер добродушно улыбнулся и сказал:

– Пойдемте, я научу вас.

– Иди, неудобно, – подтолкнул ее Сергей.

Но Диана отказалась. Парень приложил руку к груди, повернулся и был таков.

– Что же ты нас позоришь?! – возмутилась Надя. – Что значит, «я не умею?».

Неля иронически усмехнулась, и Диана поняла, что опростоволосилась, дала повод для пересудов. Она опустила голову и увидела на платье вновь проступившее пятно. Высохнув, оно проявилось еще белее на темной ткани. Она не знала, что пред-

принять, как скрыть от чужих глаз это предательское пятно. Прикрыла его ладонью. Но до каких пор она будет так стоять? Диана залилась от стыда краской, уставилась в пол и более не смела поднять глаза. Между тем к ней опять приблизились сверкающие мужские ботинки. Над ними виднелись синие парадные брюки с наглаженными стрелками. Офицер щелкнул каблуками около Дианы и отчеканил:

– Разрешите пригласить вас на танец!

Диана, не поднимая головы, снова ответила:

– Простите, я не умею.

– Пойдемте, я научу, – настаивал офицер.

Диана готова была сквозь землю провалиться. К тому же это проклятое пятно на черном платье не давало покоя. Чем же она могла обляпаться – картофельным пюре, овощным салатом или сдобным тестом? Какая теперь разница. На нее стали коситься Неля с Надей. А Сергей – напротив – был горд ее успехом.

– Почему ты не танцуешь? – спросил он.

Диана взглянула на него грустными глазами. Ну почему они не оставят ее в покое? Вон, как порхают девушки. А какие у них туфли! В такой обуви не грех покрутиться на сверкающем паркете. А Диана? На кого она похожа в этом застиранном платье? С воротником еще куда ни шло, но она, как назло, отпорола его утром. Теперь стоит на виду, как лошадь без седла, и мозолит всем глаза. Если бы Неля догадалась предложить ей платье, в котором она ходит в институт, чувствовала бы себя гораздо свободнее на балу...

Первые такты вальса Штрауса из «Летучей мыши» воодушевили ее, она мысленно закружилась в танце. Что может быть прекрасней этой музыки? Диана обязательно станцует когда-нибудь. Она подняла голову и огляделась вокруг. А, может быть, прямо сейчас и станцует, ведь она ничем не хуже других, разве что пятно на платье, но это неважно. Прекрасно танцует осетинские плавные танцы, у нее неплохое чувство ритма и абсолютный слух. Почему бы ей не справиться с вальсом?! Вот

только бы кто-нибудь показал первые движения, она быстро научится. И никто её более не остановит. Хорошо бы ее пригласили снова...

Перехватив ее взгляд, к ней устремился морской офицер, перекинулся с Сергеем парой фраз, потом обратился к Диане:

– Пойдемте, я научу вас танцевать.

Диана решилась. Однако, как только она подняла руки, а юноша шагнул к ней, то увидела свое белое пятно на платье и, попятилась назад. Офицер хотел остановить ее, но Диана позорно сбежала. Для Нели с Надей давно уж был испорчен праздник, поэтому они тоже последовали за ней...

+ / Сергей нажал кнопку звонка. За дверью послышалось шарканье ног.

– Кто там? – спросила Елена.

– Мы! – ответил Сергей.

– Странно!.. – сказала Елена, впуская их в квартиру. – Что так быстро? Прогнали вас, что ли?!

Сергей весело болтал, а Неля с Надей были грустными. Они молча снимали пальто и обувь.

– Все парни как с ума посходили! Только Диану и приглашали на вальс, прямо очередь выстроилась! – с восхищением говорил Сергей. – Она имела большой успех!..

Диана по наивности подумала, что тётё будет приятно услышать это, но оказалось совсем наоборот.

– Правда? – холодно спросила тетушка и как-то странно покачала головой.

Диану словно ледяной водой окатили. В ужасе она поняла, насколько далека от них. А Сергей, не замечая напряженной ситуации, продолжал ее восхвалять.

– Сегодня на балу трудно было найти парня, который не мечтал бы потанцевать с нашей Дианой!

Девушки пошли в гостиную. Елена звала Диану, но та отказалась идти, закрылась в девичьей спальне, села на свою раскладушку и достала из сумки толстую тетрадь. Вот бы за стол

и писать, писать... Если бы у нее были хоть какие-то средства к существованию, она бы в выходные не приходила к ним. А в общезитии в выходные писала бы... вместо того, чтобы отрабатывать в этом доме свой горький кусок хлеба. Она раскрыла тетрадь там, где был заложен карандаш. «9-й класс. На уборке кукурузы...». Эти строки она писала урывками в поле. Пройдя раньше других свой ряд, она садилась на землю, клала на колени тетрадь и записывала свои мысли и наблюдения, пока ее не догоняли одноклассники...

Диана опять услышала голос Елены и от неожиданности выронила тетрадь. Она быстро подняла ее, убрала в сумку и вышла на кухню...

ГЛАВА ПЯТАЯ

В первый рабочий день после новогодних праздников в цех Орджоникидзеvского хлебозавода вошли директор Зузу Саукалмова и новый технолог Диана Байсангурова. Работницы провожали их взглядом, перешептываясь. «Какая красивая!» – сказала одна. «Особенно рядом с нашей Зузу с ее монгольским лицом!» – добавила другая.

Молодому специалисту дали небольшой срок для ознакомления с производством. Оформили ее не технологом, а тестомесом. Однако вскоре ее назначили начальником смены, предоставили место в общежитии, в большой комнате, где койки стояли едва ли не вплотирку друг к другу. Ютились в этой комнате 13 человек. Слева от двери стояла печь с плитой, на ней готовили еду. Печь топилась дровами и углем. Напротив двери были два окна, которые еле освещали убогое жилище работниц хлебозавода.

Работали в три смены по шесть дней в неделю. Поэтому старались не шуметь. В чулане, где висел алюминиевый рукомоиник, невозможно было умыться – слишком громко звенел шток. Общались шепотом, а ходили на цыпочках, потому что кто-то приходил с ночной смены, а кто-то только собирался заступить.

Начальство было недовольно Байсангуровой. Экспедиторы жаловались директору, что пользы от нее как от козла молока.

Однажды в её бригаду не вышла сменная лаборантка. В подвале, где просеивали муку, поперёк мучного потока-конвейера, подающего муку в цех к тестомесильным машинам, подвешены магнитные пластины, длиной с вытянутой человеческой руки, ширина – 10-12 сантиметров, для улавливания металлических примесей в муке...

Диана пошла к магнитам... Стоя на возвышении, чистой, белой тряпкой провела по магнитам. На них металлические частицы прилипли, как на ветке дерева пчелиный рой, покинувший свой удел. Сняла с магнитов металлические частицы. Аккуратно

завернула их в тряпку и отнесла в главную заводскую лабораторию...

Пока Диана отсутствовала, экспедиторы пользуясь временем, отгружали неучтенный хлеб. Возвращаясь из лаборатории, она вышла на погрузочную платформу и увидела, как загружаются фургоны горячим ароматным хлебом. Тут же из отстойника экспедиции, еще выкатывался полный вагон без паспорта. Диана потребовала документы у экспедитора. Зная ее характер, тот дал команду выгрузить хлеб обратно.

После этого на заводе у Дианы дела пошли наперекосяк. Чуть ли не на каждом собрании ее песочили. За четыре месяца пять раз отстраняли от работы. Однако, как сироту Великой Отечественной Войны, Диану не могли так просто выбросить на улицу, тем более с ленинградским технологическим образованием, которое она получила одна из первых в Осетии в пятидесятых годах. Зузу вынуждена была ее терпеть. Но издевалась над ней как могла – то переводила в разнорабочие, то в цех для вымачивания бракованного хлеба, который вручную крошился и измельчался в резервуарах в холодной воде, после чего превращался в густую вязкую массу, а сама Диана ходила насквозь мокрая, а то и в сахарный цех...

Но, если по какой-то причине на смену не выходил начальник смены, то ее вызывали без зазрения совести, и Диана принимала смену.

За короткое время работы она схлопотала несколько выговоров. Обычно после этого работника увольняли со статьей «за несоответствие». А о том, чтобы руководить бригадой или контролировать технологический процесс, следить по правилам техники безопасности рабочих, или отвечать материально – и речи не было.

Однажды после ночной смены Дианы задержали отгрузку продукции, на выходе с цеха скопились вагоны, заполненные хлебом. Начальство было в бешенстве. Отдел технического контроля, начальник санэпидстанции хромой Цилин метали громы и молнии...

– Вся продукция пропахла керосином! – кричал он.

Заведующая заводской лабораторией, дамочка, напоминающая паразитического червя, сунула под нос ему листок бумаги.

– Так и есть, – сказала она, – керосин!

– Откуда керосин?!. – удивилась Диана.

– Об этом надо спросить у тебя!.. – воскликнул начальник цеха Арсен Бидих.

– Как вам не совестно!.. – возмутилась Диана. – Это же подло!

– Надо вызывать милицию!.. – закричал он.

Диана стала искать работу, но безрезультатно.

В один весенний жаркий день на проспекте Мира Диана встретила свою одноклассницу Зему. Они очень обрадовались встрече. Зема сообщила, что работает заведующей детским садом в городе. Услышав это, она со слабой надеждой спросила ее, нет ли в садике какой-нибудь работы, она готова на любую – хоть уборщицей, хоть дворником. Зема быстро оценила убогий вид подруги детства, обратила внимание на ее шершавые грубые руки и огляделась по сторонам – нет ли кого знакомых поблизости, не дай бог, кто увидит!.. А она еще и на работу просится!..

И все-таки они попались на глаза одному знакомому Земы. Высокий чернявый осетин сидел на скамейке и не спускал с них взгляда. Заметив его, Зема смутилась и покраснела. «Не обижайся, но у меня нет никакой работы», – пролепетала она. Однако, чтобы как-то сгладить свою вину, Зема взяла ее под руку и подвела к киоску, где продавали сладкую газировку. Несмотря на жару, Диана отказалась от воды.

– Конечно, – заметила Зема, – ты скорее от жажды умрешь, чем на улице поднесешь к губам стакан воды!..

Сидящий на скамейке молодой человек загадочно улыбнулся, обнажив белые зубы. У него были черные вьющиеся волосы, глубоко посаженные черные глаза... Парня звали Фидаром, и Зема имела на него какие-то виды. Между тем, ему больше по-

направилась скромно одетая, светловолосая Диана. «Очень даже мила», – подумал он и решил проследить за ней.

Узнав, что ее Зузу оформила в тестомесы, Диана огорчилась. На общем заводском собрании она встала и спросила:

– С каких пор тестомес стал материально ответственным лицом?!. Или каким образом тестомес может работать начальником смены?!. Я знаю, вы хотите меня уничтожить и морально и физически. Вы хотите затащить меня в свою воровскую банду! Вы же воруете целыми фургонами. А у кого воруете?!. У простых рабочих, которые стоят у станков заводов и фабрик, строят многоэтажные дома... в основном у них булка и бутылка кефира – их обед... Ни для кого уже не секрет, что вместо положенных пяти килограммов сливочного масла на сто килограмм муки, вы добавляете только два килограмма маргарина и немного сахара...

– Замолчи!.. – заорала Зузу.

– Вот врет, а!.. – покачал головой Арсен.

– Гнать ее надо поганой метлой!.. – закричал директор Бурнац.

Кричали все: и, директор вместе с заместителем и, экспедиторы и, бухгалтера и, лаборантки заводской лаборатории и, председатель профсоюза и, даже парторг.

Диана поняла – ни перекричать, ни пристыдить этих людей ей не удастся. Она неспешно направилась к выходу из зала, обернулась в дверях. Дождавшись, пока вся эта орава не затихнет и, с гордо поднятой головой произнесла:

– Зузу! Я лишь хотела с вашей помощью облегчить труд пекарей и освободить помещения-цех от вагонов. У печей с одной стороны стоят вагоны с расстойкой, а с другой стороны вагоны с хлебом. Ведь нетрудно подвести транспортер к печи, чтобы пекари сбрасывали только что выпеченный хлеб с форм на сквозные столы, а движущийся под столами транспортер подавал его к крутящемуся столу в экспедиции, откуда девушки будут забирать хлеб и грузить в вагоны... Почему-то вы не согласились со мной, и я догадываюсь, почему. Из комнаты в общежи-

тии исчезли мои проекты. Наверное, вы подумали, что все это мои бредни! Но это не так! Вы зарезали рационализаторское предложение, отказались от новой техники, украли проекты! Но расчеты-то у меня! Я уйду, но, знаете – вернусь! Да, я нищая, но вовсе не падшая! А вы волки! Хищные волки!

И тихо закрыв за собой дверь, вышла.

Арсен наклонил голову влево к Зузу и тихо произнес:

– Крепкий орешек.

– Ничего, мы и не таких ломали, – многозначительно ответила она. Наутро Диана собрала свой чемоданчик. Не успела она выйти из комнаты, как на ее место-койку поселили новую работницу, лет сорока...: «Небось, из колхоза сбежала подальше от каторжных полевых работ, но не без благословения председателей сельского совета и колхоза ей бы не удалось!..» – подумала Диана и стала прощаться с подругами по общежитию... Размышляя о своей дальнейшей судьбе, направилась к автобусной остановке...

Диана вспомнила Фидара, чернявого красавца, который сидел на скамейке, когда они встречались с Земой. Одно время он постоянно сопровождал ее, как тень, все грозился сватов прислать. Диана подумала, что если он еще явится, то даст согласие. И Поли он должен понравиться.

Тем более он времени даром не терял. Заслал сватов и к бабушке Поли, и к тетушке Косерхан, и даже к соседу Тепсарико...

Вскоре, оглашая окрестность выстрелами из револьвера, Диану привели в дом Астановых. Шафером на свадьбе был сын Таймураза Марк.

В доме было две комнаты одна – общая, служившая и кухней, и столовой, и гостиной. В ней к тому же жили дед с бабушкой, деверь... Воду таскали коромыслами издалека. Между этими комнатами стояла саманная печь, которая обогревала лишь половину стены второй комнаты. Диана все лето и всю осень просила Фидара купить кирпичи, чтобы заново выложить печь из кирпича. Тысяча штук стоила семнадцать рублей. Тот вроде

согласился, но осенью умер свекор, и затею пришлось отложить до весны. Дзерасса с Бибо перебрались в старый дом Мынцы и Аминат, которые к тому времени тоже померли.

Однажды, когда у Фидара было хорошее настроение, Диана осмелилась попросить его:

– Фед, а Фед, давай, почитаем вместе рассказ.

Не видя гневного выражения его лица, она начала читать вслух. Фидар выхватил из рук жены тетрадь и зашвырнул в угол.

– Смотрите-ка на нее! – закричал он. – Я работаю, как вол, а она тем временем романы пишет!..

Диана дрожащими руками подобрала тетрадь, прижала к груди и заплакала горькими слезами. Его крик напомнил ей собрании хлебозавода.

В эту минуту в дверь постучались и вошла соседка Диба. Она даже не успела спросить, что происходит, как Фидар стал жаловаться на жену, надеясь найти в ее лице союзника:

– Я работаю, а она, понимаешь, романы пишет! Дрянь такая, видите ли, пи-и-шет!..

Диба приблизилась к Диане и положила ей руку на плечо.

– Когда это она пишет, скажи на милость? – спросила она Фидара. – Да еще романы? Не смей меня, Фидар! Если на то пошло, скажу откровенно – вашему дому всегда не хватило женских рук. А Диана, как ни старается, не может навести порядок, потому что вы все понятия не имеете, что такое чистота. Даже заходя в дом, свою грязную обувь не вытираете о скребки у входа, заваливаетесь в комнату, оставляя ошметки грязи по всему дому. Тут драй ни драй полы, все одно грязно будет! А вам хоть бы хны! – Подошла к нему и заглянула в глаза. – Скажи, когда она сидит за столом и пишет?..

Он молчал, скрипя зубами, и тогда Диба продолжила:

– А я тебе скажу, когда! Когда готовит на всех на вас, когда обстирывает всех вас. А еще она «писала», когда ухаживала за твоим больным отцом, царство ему небесное! И как тебе не стыдно, Фидар, упрекать ее в чем-то?! А может, она писала тогда, когда на третий день после свадьбы ты привел в дом племянников –

одному было четыре года, а другому всего год, правда, он уже бегал, но спал же в люльке. А твоя сестра – их мать жила в шахтерском поселке, со своим мужем и работала в магазине и хоть раз прислала своим детям кусок мыла или килограмм сахара?!. А бедная твоя жена мучилась в аду. Да, в аду! В этом доме батальон будет работать, убирать, и то порядок не будет, потому что вы все неряхи. Не зря Инал говорил перед смертью, мол, хорошая сноха, да никто ее не поймет!..

Диба вернулась к Диане, усадила ее на табурет и стала успокаивать. Фидару почудилось, что соседка натравливает на него жену.

– Да, дура она! – сказал он. – Смотрите на нее, романы пишет! Все писатели ненормальные. Я давно это понял! – он шагнул к жене, но, встретив суровый взгляд соседки, остановился и продолжил изливать злость:

– Слушай, дрянь, как только поднимешь голову от земли – отсеку как пить дать!.. так и знай!.. Да если бы я не взял тебя, ты так и скиталась бы по улицам, как бродяга! На хлебозаводе тебя чуть в тюрьму не упекли! – и выскочил из комнаты...

Диана подняла на Дибу глаза полные слез и сказала:

– С матушкой мне легче было...

Диба в ужасе подумала: «Это какую матушку-то ты имеешь в виду, дорогуша, не ту ли, которая выгнала выращившую ее детей беременную падчерицу – рожать на морозе в поле?!.» Она многозначительно покачала головой, но промолчала. Диану все еще трясло, и Диба посоветовала ей прилечь. Та двинулась к кровати, придерживая руками большой живот. Диба укрыла ее байковым покрывалом и погладила по волосам:

– Родится ребенок, он тут же изменится к лучшему, вот увидишь!.. – а у самой сердце кровью обливалось.

Диана поверила ей. В глазах появилась надежда. Она улыбнулась и попросила гостью убрать тетрадь в старый чемодан под кроватью, который ей купила Поли еще перед поездкой в Ленинград.

Прошло две недели. Картошку в огороде окучили, и фасоль поползла, цепляясь усиками, вверх по палкам. Диана повторно пропалывала кукурузу, когда приехал Фидар. Он несколько дней работал с учениками на дальнем кукурузном поле. Диана воткнула лопату в землю, подошла к нему и напомнила, что неплохо бы купить кирпичей для печки, да трубу не мешало бы убрать, а поставить кирпичную, которая высунется с крыши дома...

– Какую еще трубу?! – строго спросил Фидар.

– Печную трубу, что торчит на чердаке, как пень, это опасно по правилам пожарной безопасности. Давай соорудим нормальный дымоход на крыше, пусть дымится, будет очень красиво!

– Ладно, – согласился Фидар, – куплю, но разбирать печку будешь сама.

– Я не смогу.

– Тогда будешь таскать саманные кирпичи и мусор.

На следующий день подъехал самосвал и свалил кирпичи на улице.

Пролежали они там несколько дней, пока Диана не принялась перетаскивать их во двор и складывать штабелем. Увидев это, деверю стало совестно и он больше не позволил невестке работать, а сам занес остаток кирпичей во двор. Затем съездил на арбе к реке и привез желто-охристой глины. Замесили они с Дианой раствор в большом деревянном корыте, и пока он настаивался, Фидар разбирал старую печь. Пыль стояла столбом. Диана потихоньку перетаскала саманные блоки к забору. Наконец Фидар вооружился мастерком и начал класть новую печь из красного кирпича. Она подносила ведра с раствором и кирпичи. Заметила, что Фидар слишком расточительно расходует раствор, и сделала ему замечание:

– Фед, пожалуйста, набирай мастерком раствору столько, сколько нужно. Смотри, половина шлепается на пол.

– Ах, ты меня еще будешь учить?! – закричал он. – Клади сама, если ты такая умная! Тебе нужно была кирпичная печь! А

меня вполне устраивала и саманная. Послушался тебя на свою голову! Неси кирпич!..

Она растерялась.

– Несу, Фед, несу! – выбежала она во двор, понимая, что он в любой момент может бросить работу – такой уж у него характер.

День клонился к вечеру, а кладка поднималась к потолку. Диана помогала, как могла, но когда Фидар взялся за дымоход, она внезапно ощутила усталость – руки заболели невыносимо, и заняла поясница. И присела передохнуть.

– Ты где запропастилась?.. – услышала она его крик.

– Здесь я... устала очень...

– Не притворяйся, ты никогда не устает! Тащи раствор!..

– Сейчас! – и потащила тяжелое ведро.

– Кирпич!

– Несу! – и понесла два кирпича.

– Ты что издеваешься надо мной?! Ты же всегда носила по четыре кирпича – три в ведре и еще один в руке!

– Не могу...

– Хорошо, носи по два, но быстрее!

– Не могу...

– Что?! И по два не можешь? Носи по одному!

Диана стала носить по одному кирпичу, еле двигаясь.

– Что?! И по одному уже не можешь? Надо закончить сегодня. Сейчас я поднимусь на чердак, а ты мне подноси в ведрах раствор и кирпич – буду поднимать веревкой. Сегодня же надо закончить дымоход! Кирпич!..

– Уже и ходить не в силах я.

– Как?! Надо закончить, а замажешь без меня. Мне же завтра надо ехать на курсы усовершенствования учителей...

– Что?! – с тревогой в голосе спросила она, прислонившись к стенке. – Ты же прошлым летом ездил, а надо через пять лет...

– Это не твоего ума дело! Кирпич!..

Рискуя навлечь на себя его гнев, она попросила:

– Фед, не уезжай, пожалуйста, не оставляй меня одну!.. – и скорчилась от ужасной боли в пояснице...

На рассвете у Дианы родился мальчик.

В палате она была одна. Ей удалось немного поспать. Проснулась от стука в окно. Глядит, а там – Фидар.

– У нас мальчик!.. – чуть приподнявшись, произнесла Диана.

– Знаю!.. – буркнул он.

– Ты поесть ничего не принес?

– А что принести, магазины еще закрыты...

В это время из радио слышался бой Кремлевских курантов и родной гимн СССР.

– Фед, пока будешь идти, и магазин откроется, ведь три улицы отсюда, – застонала и опустила голову на подушку.

– Нет, мне надо ехать, – приоткрыв окно, сказал он, – мать будет у нас.

– Как?! – выдохнула она, – не уезжай, прошу тебя!.. Но он не ответил... Его фигура пропала с окна...

Диана ждала его. Ждала, наблюдая, как солнце медленно поднимается над горизонтом, как тень оконной рамы ползет по стене палаты. Она мысленно проследила за ним: тот зашел в магазин, накупил всяких вкусностей и идет обратно... и заснула. Ее разбудила медсестра – принесла завтрак.

Она приподнялась и выглянула в окно. Фед, конечно, где-то рядом. Он пришел, но, увидев ее спящей, спрятался. Потянулась, приоткрыла по шире окно и позвала:

– Фед, а Фед, я уже проснулась!..

Снова зашла медсестра и сказала, что вставать пока не рекомендуется, пусть лучше мамаша поест, пока еда не остыла.

– Он, наверно, пришел...

Медсестра выглянула в окно, посмотрела налево, потом направо и, бросив, что никого там нет, вышла из палаты. Диане стало жутко. Однако в глубине души теплилась надежда, что Фед, верно, пошел на базар купить хороших помидоров, которые привозят из Кабарды. Это придавало ей сил. Ей ничего

не оставалось делать, как снова следить за растянутой тенью оконной рамы, которая правым углом уж коснулась дощатого пола. Почему-то в голове зазвучали слова из песни «Раскинулась море широко...»

Напрасно старушка ждет сына домой...

Эта фраза повторялась раз за разом. И как она ни старалась выбросить ее из головы, не получалось. Русская народная песня рвала ей сердце. Заставляла себя думать о ребенке – о том, когда он вырастет помощником, станет красавцем – как Фед – женится, и у нее появятся внуки. Она вспомнила бабушку Поли и тетку Ко-серхан и всех, кто был ей дорог, но песня никак не покидала ее.

Напрасно старушка ждет сына домой...

Наконец Диану сморило, и она уснула.

Через семь дней у крыльца родильного отделения стояли две женщины в белых халатах – няня лет тридцати пяти и совсем молодая медсестра и махали вслед рукой удаляющимся Дзерас-се с ребенком и ее снохе. Няня озабоченно произнесла:

– Со времен войны впервые вижу такую бедную роженицу.

– А пеленки?! – покачала головой медсестра. – А туфли?!.

– Видать, у свекрови совсем другое на уме, раз она забыла ей принести обувь, и она пошла в туфлях соседки по палате.

– Да у нее их просто нет! – сказала медсестра. – Потому и «забыла» свекровь. Только она и навестила ее однажды, больше никто не приходил. Кстати, роженицу привезли на носилках, всю измученную...

– Потому и забыли туфли...

– Да нет у нее туфель, говорю! А если есть, то дырявые. Как ему не стыдно, явился в первое утро, а потом как в воду канул! Я бы в его дом не пошла! – гордо заявила девушка.

– погоди!.. – горько усмехнулась няня. – Ты ничего не знаешь о жизни. К ней никто не приходил, потому что у нее никого нет, кроме старой бабки. Никто ей даже не посоветовал, как назвать первенца, и она сама назвала его именем своего погибшего отца – Лазарем. Такие вот дела, милочка.

Они вернулись в отделение. А свекровь с ребенком на руках и ее сноха поехали домой на автобусе... Дзерасса уложила мальчика на кровать, вынула из-за пазухи два рубля и протянула их Диане:

– Он мне оставил пять рублей... – сконфузившись вымолвила Дзерасса.

– Не надо, – покачала головой Диана. – Оставь себе.

– Как себе?!. Ведь у тебя нет ни копейки, а в доме хоть шаром покати! Я Пошла! – сказала свекровь и вышла из дома.

Лето вступило в свои права. В огороде созревали картофель и фасоль. Кукурузные початки распустили свои шершавые листья, выбросив золотые рыльца, поспели фрукты и овощи. Шло время. Пока ребенок спал, Диана замазывала печь. Потом побелила ее. Побелила также и две комнаты. В погребе пополнились ряды банок с соленьями – урожай огурцов и помидоров выдался неплохой, да и фасоль уродилась на редкость крупной и вкусной, с нежно-кофейными полосками, куча ее проветривалась на чердаке. Молодая молочная кукуруза встречалась все реже и реже. Дело двигалось к осени...

Однажды на закате у дома остановилась грузовая машина. Диана с ребенком вышла во двор и видит: Фидар вместе с шофером затаскивают во двор какой-то тяжелый ящик. Увидев его, она тут же забыла все свои обиды. Фидар здорово поправился, загорел. Он привез столько продуктов, что два здоровенных мужика с трудом занесли ящик в сарай, где есть, конечно, мясо, макароны, всевозможные крупы... Она тут же прикинула, что наконец-то она погасит долг и в бакалейной лавке – и за хлеб, и за сахар... да еще день рождения сына отметят. По своей наивности подумала, что Фидара замучили угрызения совести, и радостно произнесла:

– Фед, это сколько же продуктов ты накопил!..

А Фидар фыркнул, как необъезженный конь:

– Тебе бы только пожрать, других забот нет!..

Услышав такое, шофер пулей вылетел на улицу, вскочил в ка-

бину, завел машину и был таков. А Фидар в недоумении остался смотреть ему вслед. Опомнившись, повернулся к Диане и рывкнул:

– Телевизор тебе купил, дур-ра!!! Отнеси ребенка и помоги мне его занести в дом!..

Диана поплелась в комнату. Кружилась голова, ноги подкашивались, только и думала, как бы не выронить ребенка. Положила его на кровать, сама присела рядом и разрыдалась. Не дождавшись ее появления, Фидар заорал:

– Ну, где ты там запропастилась?!

В этот момент во двор вошли свекровь и Дибба.

– О, явился, не запылится! – с иронией произнесла соседка. – Ну, здравствуй. Где гулял, в каких краях прохлаждался все лето, бросив жену и новорожденного сына на произвол судьбы? Я сама только что приехала, гостила у родных. Выходит, и соседка, и отец родной увидят ребенка в один день, когда ему исполнился от роду семь недель. И что же ты привез из дальних стран в подарок своей жене, сыну и матери?..

«Теперь ясно, кто ее натравливает на меня!» – подумал Фидар, но поздоровался с ними...

– Нет смысла больше говорить с тобой! Ты так ничего и не понял! – бросила ему Дибба и направилась в дом.

Фидар взглядом обратился к матери за поддержкой, но та промолчала. Вдруг Дибба обернулась в дверях и сказала:

– Представляю, с какими деньгами ты уехал, если все лето гулял беззаботно, аж морду отъел! – и, понизив голос, добавила – Да еще телевизор прикупил!

– В кредит взял!.. Крикнул Фидар.

– Не смей меня, когда ты успел оформить кредит?!. Или школьный бухгалтер с утра ждал тебя в конференц-зале районно с документами? Ты утром приехал на конференцию в районный центр. При мне помню, как-то купил шифоньер в хозмаге за семьдесят рублей, а матери объявил, что в кредит взял. И целый год ни копейки не давал семье, все «кредит» выплачивал, Иуда!..

На четвертый год их совместной жизни Фидар как всегда, хотел купить себе костюм, перед учебным годом.

– Вот тебе сто тридцать рублей, – сказал он Диане, – я вчера присмотрела себе костюм-тройку, только денег при мне не было, пойди и купи.

– Не пойду! – ответила Диана. – Сам покупай, если надо!

– Что-о? Ты смеешь мне перечить?!

– Каждый учебный год ты покупаешь себе по два-три костюма, и почему-то всегда посылаешь меня в магазин. Вон Агубе, друг твой, пять лет ходит в одном костюме, и ничего, а ты их сжигаешь. А жене своей, между прочим, он недавно подарил платье аж за сто сорок рублей!

– Я сжигаю их потому, что они быстро изнашиваются.

– Может быть, и изнашиваются, но до дыр ты их не протираешь. Другая причина – боишься, чтобы я, не дай Бог, не перешила из твоих брюк юбку себе!..

– Прекрати!..

– Нет, послушай! Зачем пальто шерстяное, московское в клетку сжег весной?!. Зачем, а?!. Чтобы я себе из него сарафан не пошила. В магазине для меня продавщица отложила туфли за тридцать два рубля. Вот уже полтора года не могу расплатиться. Только четырнадцать рублей и внесла, с горем пополам.

– Принеси, костюм, пожалуйста, вот тебе сто тридцать рублей! – А это тридцать рублей за долг и туфли, и чтобы я не видел больше в магазине этот позорный список!

– Ах, позорный?!. – не стала уступать ему Диана. – Люди покупают мешки муки и сахара, варенье варят на зиму, компоты, а я не могу этого себе позволить!

Фидар ходил из угла в угол – как она смеет!

– Ты в своем уме? Мешок муки стоит двадцать один рубль, а сахар...

– Тридцать девять рублей! – тут же подсказала Диана.

– Где такие деньги?!

– У тебя в кармане! – сказала она. – Небось, и каникулярные получаешь, и коммунальные тоже...

Он решил было отругать жену за невиданную дерзость, но боясь, что она не принесет костюм, сменил тон.

– Я же дал тебе на туфли, доплати восемнадцать рублей, а оставшиеся – на хлеб...

– Все лето ты тоже одним хлебом питался?! Думаешь, я ничего не понимаю?!

– Иди, принеси...

Диана пошла в магазин и забрала костюм. Это был темно-синий бостоновый, австрийский костюм. И за туфли тоже заплатила. Зашла в ювелирный отдел и купила себе колечко аж за один рубль и шестьдесят три копейки. После чего вернулась домой. Фидар примерил обновку. Когда же она вместе с туфлями показала ему кольцо, тот взбесился:

– Что?! – заорал он. – Да на эти деньги можно купить восемь буханок хлеба и три коробки спичек! Как ты только посмела?! – выбежал с кольцом в своём прекрасном костюме в огород и швырнул кольцо в навоз и вскоре вернулся обратно. – Я его выбросил. Определенно, это тебе кто-то купил!..

Утром Фидар вышел во двор и крикнул Диане, полowej кукурузу в огороде, что он поехал. Она хотела проводить его, полюбоваться новым костюмом при утреннем солнце, но тот юркнул за калитку и исчез. Диана прислушалась, не проснулся ли ребенок, а сама села на землю и задумалась. Через некоторое время все-таки подал голос Лазарь. Оставив тяпку в огороде, она пошла к сыну. Умыла его, покормила и переодела в чистое. Затем прибрала в доме и занялась стиркой. Выстиранные детские вещи повесила сушиться во дворе на веревке. Пошла вместе с сыном к свекрови предупредить, чтобы та присмотрела за домом, так как они с Лазарем собираются в гости к тётке. Когда вернулись, белье уже было сухим. Диана собрала вещи – детские уложила в сумку из мешковины, свои – в старый чемодан, где лежали ее тетради. Написала Фидару три слова: «Не ищи меня» и покинула дом.

Диану давно подмывало бросить Фидара, но ее останавливала забота о сыне. Она видела, как страдали дети, чьи родители вынуждены были расстаться, в особенности, мальчики. Жизнь у этих мальчиков в дальнейшем складывалась по-разному, но в основном из них получались самовлюбленные баловни, иные попадали в тюрьму. В послевоенные годы безотцовщину можно было объяснить, но теперь, когда жизнь постепенно налаживалась, вряд ли. Сомнения терзали её. В левой руке она держала чемодан с сумкой, а в правой – ладошку сына. Подул ветерок, зашумели деревья, заволновались в огороде зеленые листья кукурузы, зашевелились картофельные грядки. Диана поняла, что всего этого у нее больше никогда не будет, что городская жизнь на асфальте, в чужом углу, сулит тяжелые испытания, но возврата не могло быть. И она заплакала. Ветер трепал ее волосы, раздувал подол платья, а она все еще стояла во дворе. В конце концов смахнула слезы, выпрямилась и вышла на улицу...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В городе близ хлебозавода у хороших людей Диана сняла комнатуху в полуподвальном помещении. Лазаря пристроила в ближайший детский сад. Не найдя нигде работу, она заявила к директору хлебозавода.

Увидев ее, Зузу позеленела:

– Явилась собственной персоной?

– Конечно, – не моргнув глазом, ответила Диана. – Я же обещала вернуться. Прошу предоставить мне работу по своей специальности. – технологом.

– Ни за что!

– Это почему же?

– Потому. Поработай сначала начальником смены.

– Опять бригадиром?

– У тебя неплохо получается.

– Пожалуйста, возьми меня технологом в дневную смену, у меня ребенок.

– Где ты его нажила?

– Это тебя не касается. По закону мне положена дневная смена.

– Хорошо, хоть ты меня и считаешь своим врагом, но я беру тебя в цех, как сказала, начальником смены. Будешь хорошо работать, будешь технологом.

– Мне необходимо место в заводском детском садике, в круглосуточную группу, работа же трехсменная.

– Посмотрим.

Спустя два месяца, в конце ночной смены, Диана вышла на погрузочную платформу. У пандусов скопились вагоны, полные хлеба.

– Что опять такое?!. Что это значит?!. – с тревогой спросила она. Между вагонами шныряло начальство.

– В продукции обнаружена крошка от битого кирпича, – буркнул Арсен.

– Откуда?!. – вскрикнула Диана...

– Об этом тебя спросят! – ответил он.

Подошли Зузу, Цилин...

– В тюрьму ее! – закричал Цилин.

И тут, на удивление всех присутствующих, Диана обратилась к главному санэпидинспектору и, прямо глядя ему в лисьи глаза, спокойно проговорила:

– Зная жизнь и зная вас, я сомневаюсь в том, что в вашей ноге сидит немецкий осколок!..

– Что?! – рявкнул он, да так громко, что вагоны чуть не дернулись на своих колесах.

– А теперь можете жаловаться. Я отвечаю за свои слова! – И, гордо вскинув голову, добавила. – Честь имею, товарищ Цилин – в военную комендатуру!..

– Милицию! – бесился хромой санэпидинспектор.

Арсен не отставал от него.

– В тюрьму!..

– Это очередная авантюра, – сказала Диана, и успела еще услышать: «Что с ней? В медпункт!»

С повесткой в руках Диана пришла в центр города к трехэтажному зданию. Сначала она решила, что это какой-то универмаг, но когда открыла тяжелую входную дверь и ее тут же встретил милиционер, и сердце ее тревожно забилося. Она поняла, что за дом. Поднимаясь по широкой лестнице, никак не могла унять дрожь. На втором этаже другой милиционер, сидевший за столом записал ее данные в толстую книгу и указал на дверь слева от лестницы. Диана постучалась. «Заходите!» – послышалось из-за двери, и она перешагнула порог, будто перепрыгнула через пропасть.

Посреди кабинета стоял плечистый, выше среднего роста, военной выправки красивый молодой человек, капитан милиции. Любезно поздоровавшись с вошедшей, указал ей на открытую дверь слева от нее. Но Диана не двигалась.

– Прошу! – сказал он, сделав два шага с намерением зайти следом за ней. Но она продолжала стоять, будто ноги ее прилипли к полу. «Зачем туда? Да еще там никого нет, судя по мерт-

вой тишине!» – в страхе подумала она. В двух смежных комнатах капитан был совсем один, и это ее пугало. Напротив двери виделось большое окно, выходящее на улицу. Возле окна – стол с пишущей машинкой и со всеми письменными принадлежностями, рядом венский стул, слева от него – сейф...

– Я к вам обращаюсь, – снова услышала она его голос, – заходите в кабинет.

«Что? Ни в коем случае! Только не во внутренний кабинет, лучше смерть!» – решила Диана. Судя по всему, окно соседнего кабинета тоже выходило на улицу, потому что стена напротив входа была глухой. Между двумя дверьми в углу влево стоял стул и она крадучись опустилась на него. Следователь улыбнулся еле заметно и сел за стол. Для начала он стал задавать совсем простые вопросы – сколько лет, откуда родом и т.д. Однако и на них Диана отвечала, путаясь. Следователь подумал, что если бы она села поближе, возможно, дело двинулось бы лучше. Но, когда гостя пересела на один из трех стульев справа от него, выполнив его просьбу, капитан почему-то ухмыльнулся. «Чего он добивается?» – мелькнуло в голове у Дианы, и она уставилась на его черные туфли из дорогой кожи.

– Я с вами говорю, Байсангурова! – невольно повысил голос капитан. Диана вздрогнула, взгляд ее переместился на его большие руки.

– Сознавайтесь, что вы допустили ошибку, все ошибаются! Вы хотели насолить директору за свои обиды. Сознайтесь, и вам дадут и жилье, и работу по специальности...

Она покачала головой.

Капитан поднялся из-за стола и почти закричал:

– Меня удивляет ваше поведение и ваше спокойствие! Вы хоть представляете, где находитесь?! Понимаете, где находитесь?! – повторил он вопрос, сделав ударение на слове «где».

– Понимаю, – ответила Диана.

– И где же?! – В повестке это не отмечено.

Диана тоже встала, выпрямилась, как лань, в своем выцветшем ситцевом платъице, подняла голову и произнесла:

– Знаю.

– И, это вам ни о чем не говорит?!

– Прошу таким тоном со мной не разговаривать.

– Интересно знать, на каком основании вы так спокойно себя ведете?!

– Во-первых, я – дочь погибшего красноармейца, воевавшего с немецко-фашистскими захватчиками. Во-вторых, совесть у меня чиста. Поэтому сегодня я здесь. Здесь! – указала пальцем Диана на пол. – Здесь, где количество входящих сюда людей, не соответствует количеству выходящих! – А в-третьих... – она запнулась.

Капитана охватило беспокойство, и чтобы не выдать своего смущения он выпрямился во весь рост, встал. «Как бы не замкнулась опять», – подумал он, а вслух произнес:

– Неплохо говорите, присаживайтесь.

– Да, говорить-то я умею, – сказала она и, дождавшись, когда сядет он, тоже опустилась на стул. – Нехорошо, когда такие, как вы, доверяют плохим людям. Своими черными делами они унижают нас. Лучше разберитесь, на какие средства живут Зузу, Бурнац, Цилин, Арсен... Они же в золоте купаются!

– Зависть – дурное качество! – снова повысил голос капитан и тут же понял, что эти слова неуместны. Но он выполнял свою работу, а где надо – разберутся.

– Зависть?! – Переспросила Диана и покачав головой, улыбаясь.

Внезапно ее чистое лицо показалось капитану таким родным, что у него екнуло сердце. Но он быстро взял себя в руки.

А между тем Диана продолжила:

– Слава Богу, я лишена таких пороков, как зависть, корысть, ложь, тщеславие, жадность... Я счастлива, что могу беречь чистоту своей души такой, какой вложили в меня мои родители.

Капитан задумался. Диана заметила это и спросила:

– Могу ли я еще говорить?

Он опомнился и ответил:

– Да, я слушаю.

– В песне «Хотят ли русские войны» есть слова: «Спросите вы у тех солдат, что под березою лежат...»

Капитан перебил ее:

– Простите, здесь не самодеятельность!..

– Да, не самодеятельность, – кивнула Диана. – Однако хорошо, когда ты знаешь, что твой отец покоится под березкой и его не нужно искать по всей Европе, где шла война. А нам, сиротам, наши погибшие отцы оставили в наследство лишь похоронки. Мы лишены возможности вымолвить слово «ПАПА...»

Капитану стало не по себе. Он расстегнул верхнюю пуговицу кителя, будто воротник был слишком тугой и мешал дышать...

Диана растерялась. Перед ней сидел представитель власти, большой и сильный, и боролся со своими чувствами. Вдруг под правым ухом у капитана она заметила две черные родинки и изумилась. Сердце тревожно забилося. Она вспомнила ленинградские события. Передовая молодежь Осетии училась в высших учебных заведениях. Отличные парни и девушки. Но был среди них молодой человек, которого в доме дяди прочили в зятя. Звали его Артур, и было у него две родинки под правым ухом. Чтобы она не путалась, не попалась ему на глаза отряжали £ то в магазин, то куда... Неужели это он?! Диана подошла к капитану и тихо произнесла:

– Артур, это ты?..

Капитан опешил, услышав свое имя из уст «виновной».

В этот момент открылась дверь, и в кабинет вошел совершенно седой мужчина в генеральском мундире.

Артур вскочил, вытянулся по струнке и приставил правую ладонь к виску.

– Товарищ генерал...

– Оставить! – прервал его генерал. – Капитан Дзодзишвили, проводите даму домой, если есть у неё дом!.. – и вышел из кабинета.

На улице Артур с опаской предложил Диане перекусить

где-нибудь. На его удивление, она кивнула в ответ. Они направились в сторону Терека, в ресторан «Нар».

Вечером они вошли во двор, где на скамейке сидели пожилые люди. В руках Диана держала большой кулек с конфетами. Увидев Артура, сидящие на скамейке женщины дружно ахнули. Поздоровавшись, Диана предложила им конфет. Те поблагодарили и угостились. И Диана с Артуром спустились в комнатушку. До полуночи они говорили о своей жизни. Диана избегала упоминания дома дяди и его обитателей, рассказывала про учебу, но когда Артур прямо спросил ее о том, почему она мучается здесь имея родственников в Ленинграде, она ответила:

– Длинная история, сразу не расскажешь.

– Ничего, у меня профессия такая – слушать, – улыбнулся он.

– На первый раз слишком много информации будет...

– Бывает и больше. Но мне кажется, что мы знакомы с детства.

– Нет, дорогой, сказала Диана, – завтра доскажу, только мои рассказы утомительны.

– Завтра я к твоим услугам.

➤ Следующим вечером Артур пришел к Диане. Заварили чай. Напротив сидела она, слева – маленький Лазарь. Артур рассказывал о чудесном городе Ленинграде, о семье Доциевых, о том, с каким уважением относились к нему, особенно, Магина.

– Почему же ты тогда не остался там? – спросила Диана.

Вопрос удивил Артура. Прикусив губу, он ответил:

– Во-первых, меня тянуло в Осетию, а во-вторых, Доциевы сами собирались домой. – Артур задумался, брови его сошлись на переносице. – Это сложный вопрос. Рано или поздно надо возвращаться на Родину. Особенно мужчине... Но, послушай, с такими родственниками, и как дядя Хазби и тетушка Елена, с их связями и знакомыми, ты благополучно могла устроиться в Ленинграде. А ты, оказывается еще и в общежитии жила.

Диана уложила спать Лазаря, вернулась к столу и повела рассказ о Шувалово, о театре, и о многом еще...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

...Общежитие Ленинградского техникума пищевой промышленности находилось на северо-западной окраине города Ленинграда, между озерами Большое Суздальское и Средне, в населенном пункте Шувалово. Летом оно утопало в зелени гигантских деревьев, которые и защищали его от лютых морозов.

Двухэтажное деревянное здание общежития стояло на улице Корякова, по которой ходили трамваи. Почти все студенты техникума были сиротами Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На занятия к 9 часам утра добирались на двух насквозь промерзших трамваях, трясясь больше часа. Через Шувалово проходили и поезда дальнего следования с Выборгской стороны, а также электрички. До железнодорожной станции от общежития было порядочно, зимой туда редко ходили пешком. Впрочем, ехать в электричке было гораздо теплее, чем в трамвае, да и мчалась она напрямик к Финляндскому вокзалу. Оттуда трамваем через Неву по Дворцовому мосту – выход к Зимнему Дворцу. Дворцовая площадь встречала студентов пронизывающим холодом. Александрийский столп стоял гордо. Девочки спешили к огромной арке главного военного штаба. Сразу за аркой, на улице Герцена, находился и техникум...

В то морозное утро Диана вышла из общежития раньше обычного. Она не успевала по аналитической химии, преподаватель предложила до начала лекций позаниматься в лаборатории. В трамвае она расположилась на последнем сидении слева. На ней было демисезонное пальто, поэтому и дрожала от холода. Почти все пассажиры читают, и вагон напоминал читальный зал. В Ленинграде все читали в транспорте. Впереди она заметила знакомых студентов с бродильного отделения своего техникума. Они были из Бурятии и по-русски говорили гораздо хуже Дианы. Видимо, тоже ехали на дополнительные занятия. На остановке «Озерки» в трамвай вошел коренастый мужчина с пушистой елкой. Ветки ее были перевязаны розовой лентой. По вагону рас-

пространился хвойный запах. Ощувив аромат морозного леса, пассажиры, как по команде, подняли головы. Диана захлопнула тетрадь с конспектами, так как не могла сосредоточиться. Царила праздничная атмосфера, но она думала совсем о другом...

+ Вечером к приходу Дианы, Елена расстелила на полу в гостинной ватное одеяло в синем ситцевом чехле. Она поручила ей простегать одеяло. Это была трудная работа. Непросто стегать ватное одеяло иголкой. Ей не доводилось еще этим заниматься, только видела, как бабушка стегала трехгранной иглой, которой осетинки обычно шьют чуквыки из грубой ткани и сырмятной кожи. К тому же бабушка расстилала одеяло на двух сдвинутых столах, а тут предлагалось работать на полу. На корточках – адский труд. Диана попросила помочь Нелю:

– Ты мне хотя бы края подшей. Это же проще, чем протыкать иглой толстый слой ваты.

– Нет, – отказалась она, – это не по мне. Ты же знаешь, я не могу. – И села на диван вышивать скатерть болгарским крестом для пианино.

– По-твоему, эта работа мне в радость? – спросила она.

Неле не понравился тон Дианы, и она высказала ей:

– Убей меня, но я скажу то, что думаю. Видать, тебе перепадет откуда-то, ведь тех копеек, которые тебе дает мама, не хватит даже на дорогу. Да и в столовой, небось, обедаешь?..

Диана чистосердечно призналась, что ни разу не переступала порог столовой своего техникума и вообще...

– Значит, кушаешь в другом месте, раз дома ничего не ешь.

– Как не ем? – Утром я пью два стакана кофе с хлебом и вечером тоже.

У Нели округлились глаза.

– О, кофе это замечательно! Черный кофе?

– Да нет! Когда вода в чайнике закипает, мы туда насыпаем щепотку кофе.

– Странные люди, – поджала губы Неля. – Можно же и чай пить также.

– Чай пить неэкономно. В комнате нас двенадцать человек, и одной пачки нам только на два дня хватает. А кофе – на более длительное время, мы скидываемся и покупаем его впрок. А на счет «перепадает»... Наш директор, Святослав Всеволодович Коновцев, детдомовцам и сиротам оказывает материальную помощь. Именно на эти деньги я купила в уцененном магазине мулине и черный сатин – собиралась вышить наволочку для подушки, да и туфли на каучуковой подошве приобрела там же... Можно подумать, – добавила Диана с обидой, – я купила московские туфли или венгерские ботинки, как у тебя?!

– Сравнила!!.. – хмыкнула Неля.

– Если бы хоть один раз тетя Елена дала мне сразу за две недели сорок рублей, – я бы одно воскресенье побыла дома, в общегостиини – и замечталась о счастливом утре... – И не надо было бы вставать чуть свет, чтобы занять очередь за молоком для вас на Измайловском, в магазине «Молоко».

– Что-о?!.. – не скрывала изумления Неля. – А кто будет здесь убирать, стирать и таскать мокрое белье на чердак? Я не могу, и мама не может... Значит, так ты хочешь отблагодарить маму за все добро, что она для тебя делает?!

Диана прекрасно понимала, почему Неля ничего не может делать. Просто одни вкалывают сызмальства, да еще сироты, так как в селе иначе нельзя, а другие живут беззаботно. Ее подмывало высказать домочадцам в лицо свое недовольство, но сдерживала себя, и не потому, что боялась, просто совестно было перед бабушкой, которая сделала все, чтобы Диана не попала в детский дом. Она не могла огорчать больную бабушку, которая хвасталась перед сельчанами, что ее внучка учится в Ленинграде... Иначе бы сбежала давно из этого города, где она мерзнет и голодает, где не может сходить ни в музей, ни в кино, и даже на вечеринки в своем же техникуме. Не говоря уже о мраморном зале Ленинграда...

✂ ...На день рождения Сергея пригласили друзей, знакомых и осетинскую молодежь. У Елены голова шла кругом от забот. Диа-

на хлопотала на кухне, но дома все равно кавардак. Ей очень хотелось научиться сервировать праздничный стол, но, как всегда, стол накрывают мать и дочь. В семье ждали особого гостя. Неля думала, что желанный гость непременно придет раньше и, пока будут собираться остальные, они успеют вернуться из театра.

Приглашенные стали подтягиваться. Но тот не появлялся. Время поджимало, и чтобы не пропали билеты, Елена обратилась к дочери:

– Неля, солнышко мое, давай отправим в театр Надю с Дианой.

– Да ты что, мама?!

Елена повернулась к Наде:

– Иди с Дианой в театр, а то билеты пропадут.

Надю передернуло. Покачав головой и скривив губы, она заявила:

– Тетушка, вы же сами все прекрасно понимаете! Неужели не видите, какой у Дианы убогий вид? Ее же за порог нельзя пускать в таком виде, не то, что в театр! Если и пойду, то только с Сергеем...

Она догадывалась о взаимоотношениях сына с Надей. Первое время та еще что-то делала по дому, а с тех пор, как приглянулась сыну, вообще перестала заниматься домашними делами. И пожала плечами:

– Жаль, пропадут билеты.

Надя хмыкнула и, растягивая слова, произнесла:

– Меня, как Диану, на мякине не проведешь. Вам нет никакого дела до билетов, просто не хотите, чтобы Артур видел меня и Диану. Лично мне он не нужен. Только хочу предупредить – как бы его зоркие глаза не приметили вашу Золушку. Да, да, я не шучу!.. – расхохоталась она.

– Что ты такое несешь, девочка?!. Ты думаешь, что говоришь?!. – шагнула к ней Елена.

Надя придержала ее за руку и сказала:

– Не посылайте её в театр. Да ей и пойти не в чем!

– Елена резко повернулась и ушла к себе в комнату. Она была подавлена, словно ее уличили в воровстве. Как это Надя догадалась, что у нее на уме. Ладно, черт с ней, с этой девчонкой. Не выгонять же ее из дома, к тому же она нравится Сергею. Пусть только придет Артур, поглядим, на кого он станет пялиться. Но где же он до сих пор?!. Хорошо, что он круглый сирота – такого нетрудно захомутать. Елена ни на минуту не сомневалась, что дело выгорит, что она добьется желаемого. Конечно, Неля видела его не раз и теперь сохнет по нему. Парень вряд ли откажется от всего готовенького. Захочет – пусть живет с ними под одной крышей. А не захочет, трехкомнатная квартира на краю города свободна, пожалуйста, заселяйся туда вместе с молодой женой. Услышав голос дочери, она встала, подошла к шифоньеру, распахнула его и принялась подбирать одежду для Дианы.

Выйдя из душной кухни, Диана сразу же замерзла. Ветер пробирал до костей. Она поспешила к остановке и села в подошедший автобус. Выходить ей нужно было на проспекте Майорова, возле Малого театра оперы и балета. В вестибюль театра Диана вступила с волнением. Как-никак – впервые в жизни! Сняла пальто, шапку, варежки и передала пожилой гардеробщице. Она видела, что всех женщин сопровождали кавалеры, которые галантно ухаживали за ними – не только принимали их пальто, шубы... но также, присев на корточки, помогали снять теплые сапоги и надеть легкие красивые туфли. Диана не знала, куда идти, поэтому машинально последовала за симпатичной парой – женщиной в дымчатом платье и высоким мужчиной, в черном костюме, которого та держала под руку. Они зашли в буфет, и Диана повернула обратно. Пошла за пожилой парой, которая неспешно прошествовала в фойе, где беспечно, с гордо поднятыми головами, гуляли люди. Станный народ! Зачем они пришли сюда – ужинать, бродить по коридорам или смотреть спектакль? Как будто и не торопятся в зрительный зал. Она вернулась в вестибюль, чтобы дожидаться опоздавших. Уж они-то, наверняка, поспешат в зрительный зал, а она последует

за ними. Перед огромным зеркалом прихорашивалась молодая женщина в черном бархатном платье. Рядом с ней стоял мужчина. Внезапно женщина увидела в зеркало Диану, обернулась и сказала:

– Девушка, до чего же вы небрежно одеты!..

И тут же прикусила губу, заметив, как меняется выражение лица Дианы. Она пожалела о том, что сделала замечание, подошла к ней, взяла за локоть и отвела в сторону.

– Простите меня, я не хотела вас оскорбить. Но в белых чулках некрасиво, покрасьте их, пожалуйста.

Она никогда не думала, что чулки можно красить. И подсказать ей никто не догадался.

– Спасибо, – через силу улыбнулась она. – Большое спасибо.

– Краску для шерсти можно купить в «Пассаже», – продолжила незнакомка, – в «Ленинградском торговом доме» на Невском. – Легким движением она открыла сумочку. Может быть, у вас нет денег?

– Нет-нет, что вы! – покраснела Диана. – Я завтра же куплю краску, только не знаю, какой цвет?..

– Черный, только черный! – заговорщицки наклонилась к ней незнакомка и улыбнулась мужу, томящемуся в ожидании у зеркала.

Прозвенел второй звонок. Зрители устремились в зрительный зал. Диана провожала их взглядом. Только что она носилась по фойе в поисках входа в партер, а теперь не могла сдвинуться с места, ровно приклеилась к паркету. Решила было забрать в гардеробе пальто и бежать подальше из театра, но остановилась. Вернуться домой раньше времени она не посмела бы – ей подарили билет на спектакль... Слушай потом их упреки. Можно было бы переждать на улице, но там холодно, да и небезопасно, вдруг кто-нибудь прицепится. Другого пути – кроме как в зрительный зал – у нее не оставалось. Попыталась смешаться с толпой, но ей казалось, что все обращают на нее внимание. Наконец она добралась до своего места, опустилась в кресло

и вздохнула с облегчением. Сидевшему слева от нее мужчине было не до нее, он общался со своей путницей. Справа же кресло пустовало.

Погас свет, открылся занавес, к пюпитру под аплодисменты вышел дирижер и раскланялся. Заиграла увертюра к опере «Евгений Онегин». Диана сидела как на иголках. Сначала она надеялась, что с первыми тактами музыки вся ее нервозность пройдет, однако этого не произошло. Ей все чудилось, будто она сидит на краю пропасти и ее вот-вот толкнут. К тому же она не все фразы певцов понимала и это ее тоже раздражало. В довершение, из головы никак не шли её злосчастные белые носки. Уж и музыка была не в радость, и исполнители, и замечательные декорации. Не могла дождаться, когда закончится этот ад... Между тем первый акт подошел к концу. Бархатный занавес закрылся, и зрители потянулись к залу. Диана не знала, что означает слово «антракт», но по разговору и движению зрителей сидящих рядом догадалась, что это перерыв между действиями. Стараясь быть незамеченной, она направилась к раздевалке...

Ночной Ленинград встретил ее холодными, пронизывающими, порывами ветра. Редкие снежинки падали на мостовую и при свете фонарей напоминали пчел возле ульев. Диане тяжело было идти против ветра. Она неторопливо шла по тротуару, будто прогуливалась в Осетии по набережной реки Терек. Мимо, словно дразня ее, проносились автобусы, трамваи и троллейбусы. Она с удовольствием села бы в один из них, но торопиться было некуда. Странно устроена жизнь. Когда человек спешит, ему кажется, что время летит слишком быстро, а когда нет, то тащится как черепаха. Пройдя по проспекту Майорова до моста через Фонтанку, она заметила, что навстречу ей идет мужчина в коричневых теплых ботинках. Не поднимая головы, она подалась в сторону, чтобы обойти незнакомца, но тот преградил ей дорогу и посмел спросить:

– Красавица, можно с вами познакомиться?..

– Нет, – ответила Диана.

Незнакомец смотрел на нее оценивающим взглядом. По внешнему виду можно было подумать, что перед ним нищенка. Диана продолжила путь, а мужчина пошел рядом. Заглянув ей в лицо, он опешил – правильные черты лица и надменный взгляд заставили его сменить тон и быть более учтивым. Однако девушка не желала с ним разговаривать. Он стал проявлять излишнюю настойчивость, и тогда Диана спокойно дала ему понять, что лучше ее оставить в покое. Парень чувствовал, что задето его самолюбие и не хотел так просто сдаваться.

– Вам не идет такая надменность, – сказал он. – Прошу вас, не гоните меня. Давайте лучше познакомимся. Вы же скромная, воспитанная девушка. Или вы думаете, что я, русский парень... кстати, а вы русская?

– Осетинка.

– Я хорошо знаю осетин. У нас один парень учится, хорош собой. О чем, бишь, я? Я Коля. Днем работаю, вечером учусь в военно-механическом институте. Возвращаюсь от товарища, который живет на углу Майорова и Фонтанки. Нам задали курсовую и мы над ней корпели. Вам Путиловский завод знаком?.. Сейчас это Кировский, вон за Нарвской заставой. Тема моего дипломного проекта: «Реконструкция старых цехов под новое оборудование». Мы собирались работать до полуночи, но товарищу позвонила любимая девушка и пригласила в театр.

– В какой театр?! – В ужасе вырвалось у Дианы.

– В театр комедии. Там идет интересный спектакль «Женихи». Не русский, какой-то национальный.

– Это наша комедия! – гордо воскликнула Диана. – Нашего осетинского драматурга Ашаха Токаева.

– Правда?! Вот видите, как тесен мир! Раз так, то давайте последуем примеру моего друга.

Диана не отличалась изысканностью, но парней привлекала в ней вовсе не одежда, а стать и красивое лицо. Они, как репейники, цеплялись к ней, она же оставалась недосягаемой. В этот раз тоже все происходило по обычному сценарию, и девушку

стало это раздражать. Да, хороший парень, но ведь они все хороши до поры до времени. Диана не раз видела, как девчонки с общежития сначала души не чаяли в кавалерах, а потом раскаивались... Но она никому не позволит подшутить над ней. Ах, тетушка, тетушка! Кабы не она, этот парень не приставал бы к ней здесь, на мосту, причем ночью. Послушать их, так они готовы звезды с неба доставать, а на деле все наоборот... Диане ничего не нужно. Она не поддастся обману, лучше будет ходить голодной и нищей – не то что в елениных старых туфлях, но и в драных чувяках, лишь бы не поступиться своей гордостью. Ясное дело, всем хочется красиво одеваться, сидеть вечерами в кафе в обществе хорошего парня. Но кроме чувств и желаний, нужно и голову на плечах иметь!.. Да и что скажет бабушка Поли? Как посмотрят на это осетины, которые живут здесь, или те, что остались дома? Интересно, откуда в Осетии узнают все, что творится в Ленинграде? Стоит только девушке сделать один неверный шаг, как в Осетии сразу же все становится известно, словно новости передаются по беспроводному телефону. Не дай бог опозориться!..

Незнакомец тронул ее за руку.

– Нам обязательно надо посмотреть, как у вас женятся. – Он сделал ударение на слове «нам», но, поняв, что на это не обратили внимания, повторил: – Я говорю, давайте вместе посмотрим комедию. Соглашайтесь. В вас есть что-то, чего нет в других девушках... По правде сказать, мне богатые и разряженные куклы не нравятся. Это во-первых. Во-вторых, я вижу, что вы порядочная девушка. Глупому рассказчику нужен умный слушатель. Если вы меня считаете дураком, то будьте умнее и выслушайте меня, ради бога, – стал убеждать девушку Николай. – Когда мы встретимся? У меня есть квартира, нас всего двое, я и мама. Вы будете третьей. Я отведу вас домой...

– Не показывайтесь мне больше на глаза.

– Напрасно. Со мной бы вы увидели настоящую жизнь. Я показал бы вам свет, лучшие места нашего города, где замечатель-

но можно провести время. Праздничные вечера в мраморном дворце... и еще много чего интересного, что сотворено человеческими руками для человека же. Хотелось бы знать, откуда вы шли одна?!

– Ниоткуда я не шла, а ждала жениха.

Парень усмехнулся.

– Вы совершенно не умеете лгать! А потом, разве можно лгать человеку, который просит вашей руки? Никого вы не ждали, но очень интересно, откуда вы шли в такой холод? Скажите мне, пожалуйста, если это не секрет.

– Понимаете, если меня увидят с вами, то выгонят из дому! – вырвалось у девушки.

– Вот было бы здорово! Я бы забрал вас к себе домой!

Диана смутилась.

– Николай, ради бога, не ходите больше за мной! Вы знаете, осетинские ребята и отлупить могут.

Парень тихо рассмеялся, как человек, уверенный в своих силах.

– Думаю, им не так-то просто будет это сделать. Я не собираюсь ни от кого прятаться. Кстати, в следующем году в Ленинграде пройдет чемпионат области по футболу, приходите. А хотите, я покажу вам Ленинград? Никто лучше меня не знает город, я его исходил вдоль и поперек. А если замерзнете, я укутаю вас в мое пальто.

Больше всего ей понравилось предложение с теплым пальто, поскольку у нее и так зуб на зуб не попадал. Однако хмуро взглянув на него, она произнесла:

– Один бог знает, за кого вы меня принимаете.

– Ну, зачем вы так!

Позади остались Троицкий проспект, Троицкая церковь, Красноармейские улицы. Дошли до Обводного канала. Диана остановилась. Ей нужно было возвращаться обратно, но она не знала, как оторваться от назойливого попутчика.

– Где вы живете, где учитесь? У меня серьезные намерения...

– Прошу вас, уходите. Ничего из всего этого не получится, потому что я дала слово одному парню.

– Вам не к лицу врать!

– С чего вы взяли, что я вру?

– Девушки, у которых есть женихи, совершенно другие.

– Послушайте, вы мне начинаете надоедать! – Диана повернула обратно, дошла до продовольственного магазина и ледяным голосом заявила:

– Я пришла. Здесь работает моя тетя, мы вместе пойдем домой!..

Диана посмотрела на Артура и спросила:

– Не утомила тебя?..

– С потрясением слушал и готов слушать до утра...

– Полно. Другой раз, – сказала она и, выпроводила его...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В прихожей слышались детские голоса, это сосед привел свою дочь и Дианиного сына. В садике повреждено отопление и ему пришлось забрать детей. Диана покормила ребенка и стала готовить обед. Она сидела перед духовкой и следила за тем, как медленно допекается хлеб. Что делать? Как жить дальше? В какую сторону податься? Не так-то просто определиться, когда у тебя маленький ребенок. Она подошла к окну, выглянула наружу и увидела ноги прохожих. Мужские – в теплых ботинках или сапогах гармошкой, женские – в аккуратных сапожках на каблуке. Иная обувь поскрипывала. По походке можно было определить, кто куда шел, одни возвращались с работы – еле тащились после трудного дня, другие направлялись на прогулку всей семьей, и в движении их ног сквозила радость, третьи останавливались внезапно, словно вспомнили что-то очень важное, размышляли немного и неторопливо продолжали путь. Когда у тебя комната в подвальном помещении, и из окна видны только ноги людей, то поневоле начинаешь определять их характер по походке.

Диана глянула на спящего Лазаря и вернулась к старому, но чистому столу без скатерти. Раскрыла книгу и углубилась в чтение.

Внезапно она вздрогнула от стука в дверь.

– Ты очень громко стучишься! – сказала она, увидев Фидара.
– Ребенка можешь напугать!

– Как я вижу, ты нисколько не поумнела, – ответил тот, – видимо, потому, что предоставлена сама себе.

Диана промолчала, придвинула стул ему.

– Некогда рассиживаться! – сказал он. – Я здесь по работе, мастерскую нашу расширяем. Скоро нам новые станки дадут, работы будет по горло.

– Небось, и себе что-нибудь отхватишь.

– Ради кого?!. Ради этой крокодилицы? Давай возвращайся

домой, будем жить как прежде. Вон мать тоже тебя ждет, говорит, когда ты вернешься, эта стерва уйдет из дома. Недурно устроилась, ничего не скажешь, а меня вытурила. Ну и наскоро сложил печку в комнате, не помирать же от холода.

Диана улыбнулась:

– Дым из двух труб одного дома – к счастью!

– Довольно! – оборвал ее Фидар. – Лучше подумай, как жить дальше!

– Хорошо, что еще на развод не решилась!

Во дворе раздался автомобильный сигнал. Фидар выглянул в окно:

– Завтра у меня времени не будет, но ты будь наготове. Как только выдворю эту негодницу, тотчас же поедешь домой!

И ушел.

«Москвич» выехал за пределы города. Дорога была скользкой – гололедица, и сидящий за рулем Марк вел машину осторожно. Рядом сидел самодовольный Фидар.

– Ты же вроде хотел забрать жену, – сказал Марк.

– Рано пока. – Пусть узнает, кто я такой! От истощения едва на ногах держится, а все нрав свой показывает. Но ничего, пусть поголодает. Вдобавок ко всему, детский сад закрыли, паровой котел вышел из строя. Говорят, и за месяц не отремонтируют. И чем только ребенка будет кормить все это время, непонятно. Я бы забрал ее, но когда увидел, что в доме есть нечего, понял – она надеется на то, что я ей денег подкину.

– Она просила? – спокойным тоном спросил Марк.

– Да нет, не просила, – пожал плечами он. – Но про алименты и про причитающуюся ей часть имущества напомнила.

– А почему ты не отдаешь ей то, что причитается по закону?

– Ребенок круглые сутки в садике.

– А за это платить не надо? В выходные-то, небось, надо забирать и кормить. И вообще, ничего ребенку не нужно?

– Пусть помыкается. Мало ей этих мучений, пусть осознает, кто я для неё.

– Рассуждаешь так, будто не ты, а она тебе разбила жизнь. Диана сама должна была подать на развод, а подал ты – все удивляются.

– Кто-кто? А ты как смеешь говорить такое? Да ты и понятия не имеешь, какая в ней течет кровь! Ты же сам видел, как она ругалась постоянно. Ну, подал я на развод и что? Я больше терпеть ее не мог!..

– Теперь-то не будет ругаться? – спросил Марк. – Тебя не то, что жена, даже привязанный к дереву осел не потерпит. Стало быть, в скором будущем ты их не собираешься перевозить домой?

– Нет! – уверенно ответил Фидар.

– Воспитываешь!.. – покивал головой Марк.

– Да, воспитываю. Чем больше горя она хлебнет, тем выше будет ценить меня.

– Дурак ты, парень! Все видели в селе, и я видел тоже, как вы жили. Один ты никогда не гнул спину, твоя жена всегда рядом была, как твоя тень. А сил в ней всегда было предостаточно, люди не дадут соврать. И что ты бедной женщине устраиваешь испытания, если хочешь забрать ее, то давай вернемся и заберем...

– Что ты, что ты?! Куда ее повезу? Одна жена уже сидит дома и вторую туда же?!

– Ты не сравнивай Зему с Дианой!

– А что Зема? Мы с ней не расписаны, она мне тоже ничего не сделает.

– Значит, и девочку не признаешь?

– По закону она мне никто.

– Вот как?! Гляди-ка, как устроился, и Земе жизнь испортил.

– Ничего не испортил!

– А денег сколько им оставил?

– Нисколько!..

– Ты что, к своей семье с пустыми руками приехал? Если у тебя денег нет, сказал бы мне, я бы тебе одолжил! Да хоть на молоко оставил бы ребенку...

– У кого нет денег?!. – высокомерно произнес Фидар и вытащил из внутреннего нагрудного кармана пачку купюр. – Это разве не деньги? Алименты за пять месяцев... Но я их ей не отдал.

– Замечательно! – процедил сквозь зубы Марк, но Фидар понял это по-своему.

– Ну да! – воодушевился он. – Представь, живет в подвале, голодная и раздетая, все ее нищенкой называют, и на работе оказалась никудышной, выгнали ее. Я думал, она умнее стала, а все наоборот...

Фидар продолжал говорить что-то, но Марк его не слушал. Как раз проезжали Мичурино. Он остановил машину на обочине с твердым намерением высадить его, даже взялся за ручку двери, но подумал: хоть он и подонок, но бросать его посреди дороги зимой... Вдруг с ним что-то случится, отвечай потом.

– Почему остановился?!.

Марк не ответил. Он вышел из машины и встал на дороге, заложив руки в карманы. Его переполняло чувство негодования. Постояв несколько минут, вернулся и резко тронулся с места.

– Эй, эй, не гони так! – занервничал Фидар. – Так мы не доедем до дому! Ну, кому я говорю!

На повороте машину занесло, и Фидар ахнул, а потом вжался в кресло и замолчал. С чего это Марк так печется о Диане? Может, глаз на нее положил? И как он раньше не догадался? Подъехали к двухэтажному зданию. При свете уличных фонарей Фидар разглядел у входа табличку: «Милиция города Ардон». Марк вынул ключ из замка зажигания и направился в здание. Пока он отсутствовал, Фидар устроился поудобнее и даже задремал. Через некоторое время его разбудил стук в окно – возле машины стояли Марк и двое милиционеров.

– Выходи! – сказал Марк. – Дальше я тебя не повезу!

– Что за новости?!. – возмутился Фидар. – Ночь на дворе!..

– Выходи! – повторил он. – Без лишних слов! Машина моя!

Фидар стал бурчать что-то под нос, повторяя имя Дианы, но никто не обратил на это внимания.

– Вылезай! – закричал Марк.

– Предатель! – произнес он в сердцах. – Куда я пойду в такой поздний час?!

– Еще рано! – возразил один из милиционеров и расплылся в улыбке.

– А если дома спросят, что ты ответишь?

– Не беспокойся, тебя никто не хватится.

Марк сел в машину, завел ее и, на удивление Фидара, поехал в обратную сторону. По пути он притормозил у сельмага, купил продуктов и поехал дальше. Остановился возле дома Дианы и направился к ней, но встретил Аркадия и Светлану. Аркадий работал главным врачом районной больницы, а Светлана работала юрисконсультom.

Они обрадовались встрече.

– Пошли с нами, мы идем в гости к твоей соседке, – сказал Аркадий, – она наш хороший друг.

– Вы идете к Диане? Прошу вас, передайте ей эти пакеты, Фидар просил.

– А где он сам? – спросила Светлана.

– Задержался на работе.

Аркадий принял пакеты.

– М-м-м! Как приятно пахнут! – сказала Светлана. – Фидар, кажется, весь магазин скупил.

Марка проводили, а сами зашли к Диане и стали выкладывать продукты на стол.

– Фидар передал через Марка, – пояснил Аркадий.

Диана была приятно удивлена, но опешила – на Фидара это абсолютно не похоже, уж слишком расщедрился. Колбаса, несколько пачек сахара, сливочное масло, кофе, чай, сгущенное молоко...

– Что с тобой? – спросила Светлана.

– Все это Марк сам купил, – уверенно ответила Диана.

– Ну, тогда еще лучше! – обрадовался Аркадий и стал накрывать на стол. А Марк ехал со счастливой улыбкой на лице: Он

представил, как Диана с гостями подсаживаются к столу и пьют горячий кофе с булочками, а Лазарь то и дело тянется к сладостям...

Когда Аркадий со Светланой вернулись домой, у них завязалась беседа о судьбе Дианы и Артура.

– Если бы мы чуть раньше отнесли к делу серьезнее, – сказал Аркадий, – то, возможно, из этого что-то и получилось бы. А теперь ее увезет муж.

– Еще неизвестно, увезет ли! – засомневалась Светлана. – Тем более на днях...

Диана стояла между письменным столом и швейной машинкой. Возможно, она станет обшивать людей, но как же тогда недописанная повесть? Подобно проросшим сквозь мешковину побегам ячменя, мысли ее рвались наружу... Насколько хороша ее проза, решать редактору. Она сжала руками голову. Мозг бушевал подобно шторму на море. Временами, как Луна из-за туч, появлялся образ Артура. Его отношение к ней внушало определенную надежду. Она села за письменный стол. За ночь ей удалось закончить новеллу «Паром». Утром, когда вышла за хлебом, встретила соседку Валентину Ивановну и хозяйку квартиры Нину. Поздоровалась с ними и пошла дальше.

– Что-то часто муж стал ее навещать, – сказала Валентина Ивановна.

– Лично мне он не нравится. Не хочется, чтобы они снова сошлись, – отозвалась Нина, – лучше жить одной...

– И мне не нравится. Есть у нее вроде хороший парень, но вряд ли он ее возьмет с ребенком, – выразила Валентина Ивановна.

– Думаешь?..

– Как хочешь, так и суди меня, но я бы на месте Дианы подкинула отцу ребенка, а сама бы вышла за другого.

– Я бы тоже так поступила. Одному богу известно, какая судьба уготована ее сыну, – заключила Нина.

– А разве мы не такие были в ее возрасте? Только для детей

жили и живем, а о себе забываем. Это женщине дано природой, – закивала головой Валентина Ивановна. – Из ее женихов мне больше всех нравится шофер. Правда, у него две дочери, зато собственный автомобиль и дом за городом.

– Да, он приличный парень, но мне больше по нраву другой – милиционер, – вымолвила Нина.

– И все же мне верится, что милиционер его воспитает, как собственного сына, но у него нет никакой родни, а традиции у вас, осетин, почитаются. Правда, сейчас на это уже мало кто обращает внимания. По слухам, он и не осетин вовсе, его воспитала русская женщина, – покачав головой, сказала Валентина Ивановна.

Диана узнала стук Артура. Она стояла за дверью, все слышала, но не спешила открывать. «Ушел!» – подумала она, хотела вернуть его, окликнуть, даже за щеколду схватилась, но сдержалась. Вместо этого она прислушалась к разговору во дворе. Когда Артур замолчал, Диана решила открыть дверь, но снова услышала его голос. Чего же она медлила? Ведь согласилась же развестись с Фидаром...

– Ну-ка, открывай дверь! – прозвучал командный голос хозяйки...

Артур снял шапку, пальто и повесил на крючок. Затем пригладил большими руками коротко остриженные волосы. Поднял с табуретки сверток и сказал:

– Диана, можно эти цветы поставить тебе на стол?

Диана смутилась:

– Большое спасибо за внимание, но не нужно. Скоро приедет... и я... – запнулась она.

– Кто приедет?!. Куда?!. – взорвался вдруг парень, поняв о чем речь, крепко сжал руками голову и очень решительно произнес: – Никто не приедет! И ты никуда не поедешь!.. Прошу тебя, выходи за меня замуж... – и зашагал взад-вперед по комнате, затем остановился возле нее так близко, что Диана даже испугалась и отступила назад. – Неужели я тебе столь неприятен?!. – вымолвил он и, тяжело опустился на стул...

Бывает, ласточка вьет гнездо в пустом доме, выводит птенцов, пестует их и лелеет. Но однажды, вылетая из комнаты, попадает в проем двойной рамы. Она видит через стекло своих птенцов с открытыми клювами, слышит их голодный писк, но ничего не может поделать. Отец не в силах справиться с ними, а мать старается высвободиться из плена, больно бьется о стекло и погибает. Неужели Диана подобна ласточке? Что же будет с ее сыном? Или она ради него готова вернуться в ад?! А ведь он нравится ей...

Вечером она дошивала курточку сыну... в дверь постучали. Диана вздрогнула – узнала стук Артура. Она подошла к двери и спросила:

– Кто там?

– Это я! – ответил знакомый голос.

– Уходи, прошу тебя, уходи...

Когда шаги удалились, Диана прикусила губу. Вцепилась в ручку двери и затрясла ее изо всех сил, словно ее заперли. Потом опустилась на пол и заплакала навзрыд.

Все это не прошло незамеченным для Нины...

– Ну-ка, открой! – крикнула она из-за двери.

Дверь медленно отворилась.

– Ой, как у тебя тепло! – сменила тон хозяйка, увидев лицо Дианы. – А как приятно пахнет пирогами.

Нина вела себя нарочито развязно, будто и не замечала слез на её глазах. Бросила пальто на кровать и под села к столу, искоса поглядывая на нее.

А Диана не находила себе места, все сновала по комнате из угла в угол. Нина обеспокоенно спросила:

– Ну что с тобой, голубушка?

Диана не отвечала, и тогда хозяйка сказала:

– Не знаю, как ты, а я голодна. – Она положила себе на тарелку кусок пирога и собралась поесть, как вдруг ее взгляд уперся в висящий на стене портрет отца Дианы Лазаря: – Диана, Артур надежный человек, то же самое сказал бы тебе и твой отец. Я уже не ребенок, всякого навиделась...

Диана молчала.

– Ладно, я же тебя не в пропасть толкаю, да и хирург Доциева, её дочь Светлана и зять тоже... Я Доциеву знаю еще с войны. В одном госпитале работали, она хирургом, а я санитаркой, потом медсестрой... Без оглядки беги, как только Артур позовет тебя... Если еще позовет...

Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент в дверь тихонько постучались.

Диана вздрогнула.

– Это он!.. – ткнула указательным пальцем в потолок Нина и расплылась в улыбке. – Заходите!

Открылась дверь, вошел Артур в сверкающей милицейской форме с майорскими погонами на плечах.

– Всем добрый вечер.

– Здравствуй! – ошарашенно смотрела на него Нина. – Легко на помине. Диане приятен был приход Артура. Но она боялась, как бы внезапно не появился Фидар. Впрочем, что тут такого, ведь Нина тоже здесь. Однако куда это она засобиралась?!

– За своим куском пирога приду попозже, – сказала Нина и вышла.

– Носи на здоровье свою новую форму, – сконфуженно проговорила Диана.

– Спасибо, – с улыбкой ответил он и одернул ворот кителя.

– Артур, зачем ты пришел?

Он не спешил с ответом, а сам думал: «Как ей идет произносить мое имя». Он продолжал улыбаться в усы, делая вид, что вопрос его не касается.

– Тебе пора домой, – сказала Диана.

Артур направился к двери, но вдруг остановился и грустным голосом произнес:

– Странно, что любящий человек не встречает взаимности!..

Эта фраза вырвалась из самого сердца, как объяснение его состояния, как способ облегчения сердечного страдания. Но

именно она направила их запутанную судьбу по правильному руслу.

Диана покраснела, Дзодзишвили заметил это и шагнул к ней. Но она машинально отступила назад и с горечью выпалила свою сокровенную мечту, совсем не к месту, но чтобы разрядить напряженную обстановку.

– Как бы я хотела съездить на могилу отца!..

– Поедем вместе! – воскликнул в восторге Артур, и тут же его лицо охватила грусть и отвернулся...

– Что с тобой?!.

Артур посмотрел на неё:

– Ты счастливая – знаешь место гибели своего отца.

Диана дотронулась до его руки...

Когда Лазарь играл во дворе с детьми, зашел Артур. В правой руке он нёс картонную коробку размером с чемодан.

– Мой мальчик, сказал он, как ему самому говорила его прекрасная няня, – пошли домой.

Диана увидев их поздоровалась с ним, а потом выпалила в сердцах:

– Что ты опять принёс, скажи на милость?

– Ничего особенного, – ответил Артур.

Через минуту-другую, он распаковал коробку и на удивление матери и сына, вытащил игрушечную красивую лошадку на роликах. Увидев её, мальчик в восторге запрыгал, а Диана ахнула...

– Это тебе, сынок, – сказал он и тут же посадил его на чудесную лошадку с зоркими глазами и гордой головой.

– Зачем такой дорогой подарок? – она его упрекнула, – ведь и так много игрушек купил, – указала на большой фанерный ящик.

– Такой игрушки у него ещё не было.

– Можно во дворе поиграть? – спросил мальчик.

– Конечно, можно, – ответил Артур, – и пусть ребята тоже покатаются. Только дружно и по очереди.

– Все, все?!. – с округленными глазами спросил Лазарь.

- Да, даже те, которые обидели тебя. Ведь есть же такие?
- А если поломают?!
- Куплю новую...

Диана открыла сыну дверь комнаты и он верхом вступил на подъем, но тут же забуксовал, но при помощи Артура мальчик преодолел подъем и выехал во двор. Где его тут же окружили дети...

Артур взял Диану под руку и сказал:

- Пусть наш сын всегда будет на коне, – и зашли в комнату.

СЕЛ НА ДИВАН И ОН С УЛЫБКОЙ НА ЛИЦЕ РАССКАЗАЛ:
 + – В жизни случайно ничего не делается. Вчера на партийной конференции встретил своего ленинградского товарища, добрейшей души человека – Махарбека Кабанова. Мы очень обрадовались встрече. Бывало, и он подрабатывал со мной в ленинградском метрополитене. Учился в железнодорожном институте. После его окончания был направлен в Сибирь прокладывать железнодорожную магистраль через тайгу БАМ. Теперь он начальник железнодорожного вокзала нашего города. Я ему рассказал все и о тебе тоже, о твоём образовании. Он хочет познакомиться с тобой и Лазарем, у них есть мини-хлебозавод и нужен технорук. Технологи есть, а вот специалиста по оборудованию нет. Он ждет нас с тобой, хоть завтра же...

У Дианы на глаза навернулись слезы и в порыве радости подошла к нему и впервые потрогала его пышные волосы. В её душе проснулось счастье.

Наступил счастливый воскресный день. До обеда к Диане пришли Артур и Махарбек. Поздоровались... Артур познакомил Махарбека с Дианой.

– Хороший у тебя сын, Диана, говорит Кабанов, – увидев нас, он тут же слез со своего «коня» и, ведя его за уздечку, подошел к нам. Своих мальчиков познакомлю с ним. Пусть дружат.

Диана смутилась, поблагодарила его за трудоустройство.

– Да не стоит, сказал он, – и продолжил, – директор хлебозавода Хасан – хорошего мнения о тебе. Это и мне приятно...

Представляешь, в первый же день своей работы, она на стол директору положила отчет аж о четырнадцати недостатках в производстве, – обратился уже к Артуру.

Артур хотел что-то сказать, но открылась дверь и вошли Аркадий и Светлана.

– Кого я вижу! – воскликнул Кабанов.

Светлана положила на стол большой круглый поднос с тремя пирогами, торт: – Это мама прислала, – сказала она...

В этот же день Артур со своими друзьями забрали Диану с сыном в свой, недавно купленный домик в общем дворе в городе, на левом берегу реки Терек...

Фидар стучал в дверь Дианы. Он надеялся, что они вместе вернутся домой... Однако в квартире было тихо. Эта мертвая тишина пугала его. Выбрался из подвала и остановился посреди двора. Вышла Нина и поздоровалась с ним. Фидар справился о Диане, а Нина возьми да и спроси в лоб:

– Зачем она тебе?!

– Как это зачем? Она моя жена, я её забираю.

– Куда, в кино? – ухмыльнулась Нина.

– Да нет, домой! – как настоящий мужчина ответил Фидар.

– Опоздал ты, друг! Кому она была дорога, тот и забрал ее с сыном.

Фидар опешил и со злостью выпалил:

– Бесстыжая!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Что с тобой, что-то тебя тревожит? – *спросила Диана*
Артур медленно опустился на ~~пол~~^{стул} и сказал:

– Вчера из Ашхабада получил письмо, пишут из Министерства Внутренних Дел... Я тебе говорил, что моя мать уехала в Среднюю Азию с одним грузином. Так вот, где-то в горах... он скинул ее со скалы...

– Что?! – поразилась Диана. – Как скинул?!

– Забрал, скорее всего, у нее деньги и толкнул!.. – но я не верю. Мне придется ехать.

– О деньгах не беспокойся...

– Те деньги, которые мы собрали для поездки на могилу твоего отца, нельзя трогать...

– Видя твое состояние я тебе еще не говорила, что мои рассказы начали печатать. Вчера сообщили...

– Похвально!

Скрипнула дверь, Диана вышла из комнаты, но вскоре вернулась с извещением на алименты и повесткой в суд. Ей сообщалось, что за раздел имущества, половина которого принадлежит Диане, Фидар не смог внести полную сумму денег, и если к назначенному сроку задолженность не будет погашена, причитающаяся ей часть подлежит конфискации. Дальше было сказано, что чета разведена законно.

– Правда?! – обрадовался Артур. – Здорово, что ты окончательно порвала с ним. Отныне ты будешь носить мою фамилию! Не нужны нам ни половина его дома, ни алименты!..

Она выдержала паузу. Потом на удивление ему сказала:

– Понимаю твоё великодушие и благородство. Но, прошу понять и меня, Лазарь его ребенок, да притом – мальчик. По закону, что полагается – это возьму: и алименты, и половина дома, точнее одну комнату с приусадебным участком. А с твоего позволения, будем собирать его алименты – ему же на однокомнатную кооперативную квартиру на первый взнос, в

том микрорайоне, где строится твоя трехкомнатная кооперативная квартира.

У Артура глаза округлились. Он не ожидал таких слов.

– Конечно, согласен, умница моя!

Артур рассказал еще одну историю:

– Сегодня утром у вагоноремонтного завода я видел инвалидную машину «Москвич». Когда мы подъехали, я велел отогнать ее в сторону, чтоб не мешала уличному движению. Мы вышли с ним одновременно из машин, и тут я увидел, что он подволакивает правую ногу, видимо, у него протез ниже колена. Я повернул обратно, чтоб больше не беспокоить его, а он вдруг позвал меня, будто мы давно знакомы. Он мне всучил заводную ручку и попросил покрутить. Машина завелась, он меня поблагодарил. Я застыл и смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду.

– И что было с тобой?! – спросила Диана.

– Не знаю, – сплел пальцы на затылке Артур. – Когда инвалид высунулся из машины, мне показалось, что он похож на...

– На кого?!

– На моего отца... Только не смейся надо мной, пожалуйста... Помню, жили мы с мамой и няней в этом же городе. Няня обещала привезти меня в Северную Осетию и показать родительский дом. Но нам не удалось... Бедность не позволила осуществить мечту. Пусть земля ей будет пухом. Но почему, почему он показался мне похожим на отца?!

– А разве его очень трудно найти?

– Не так-то легко, – многозначительно ответил Артур. – Надо затребовать данные на все инвалидные «Москвичи». Но для этого нужны основания. Я же не скажу, что ищу человека только потому, что он мне показался похожим на отца. И как я прозвал номера машины! Хотя что толку? Допустим, разыскал бы его, и что бы я ему сказал? Здравсьте, вы похожи на моего отца? Смешно!..

– Ну ладно, успокойся! – утешила его Диана. – Главное, чтобы он был живой, а встретиться с ним – еще удастся...

Артур повеселел. Ему стало немного легче, а до этого сердце готово было выскочить из груди. Он не мог объяснить, но чувствовал, что мужчина с протезом – его отец. Во всяком случае, так ему хотелось верить...

– Как быстро время бежит, – сказал Артур и бросил нежный взгляд на Диану. – Надо подумать о билетах. Только у меня одно условие – плакать в рамках приличия! Помни, тебе в твоём прекрасном положении нельзя нервничать, – и обнял ее...

Диана едва заметно улыбнулась.

Стали приходиться извещения на гонорары. Театр принял к постановке ее пьесу «Против ветра». Прислали извещения из журналов «Мах дуг», «Фидиуаг», а также из радиокомитета...

Ранним утром 9-го мая, в двадцатую годовщину Победы 1945 г., едва взошло солнце, на станцию Зикеево прибыл поезд «Москва-Брянск». Из вагона вышли Светлана, Артур и Диана. Кроме них в Зикеево приехало еще несколько человек. Казалось, пассажиров было немного, но на привокзальной площади образовалась толпа. У входа в здание стояли виллисы, грузовики ГАЗ-51 и автобус ПАЗ... Подошел голубоглазый парень и спросил:

– Вы, как я вижу, издалека, может, вам надо в военкомат?

Артур ответил:

– Мы приехали на братскую могилу деревни Улемец...

– Тогда садитесь, – пригласил парень.

В автобусе уже сидели пассажиры, они не сдерживали слез. Водитель завел машину, закрыл дверь, и они тронулись с места. Диана стеснялась плакать в присутствии Светланы и Артура, хотя у самих слезы на глаза наворачивались. Она смотрела в окно и видела бесконечные поля с кустарниками по краям. Посреди пашни ползли сеялки. Не верилось, что в этих тихих степях когда-то бушевала война. Но именно здесь воевал отец Дианы. Вот по этому полю бежал, настигая врага. Хорошо бы рвануть из автобуса да босиком по пашне, пока не почувствуешь подошвами следы отца, пока легкие не наполнятся воздухом, которым

он дышал перед смертью, а потом рухнуть ничком там, где он последний раз мучился жаждой, и поклониться земле, навсегда приютившей его. По щекам её струились слезы, но она уже не стеснялась их.

Они познакомились с попутчиками. Одни из них приехали из Горького, другие из Омска и Казани, третьи из Смоленска, были с Украины, Грузии, Башкирии, Калмыкии... У всех разные лица, волосы, разрез глаз, только слезы у всех одинаковые. Да, слезы, кровь и материнское молоко у всех людей одинаковые. Это их объединяет.

Автобус остановился на повороте, и водитель объявил:

– Кто едет в деревню Ослинка, выходите здесь.

Попутчики попрощались и вышли из автобуса. Остались Артур, Светлана и Диана.

Голубоглазый водитель разговорился.

– В братской могиле Улемца захоронено много солдат, а в Ослинковской братской могиле – более двух тысяч...

– Мой отец похоронен отдельно, – сказала Диана.

– Есть и отдельные могилы, – согласился водитель, – только их немного и они все находятся в начале села, возле леса. Они мешали пахать, поэтому мы их вынесли и похоронили на холме...

Слух Дианы резануло слово «мешали». Как это так? Разве можно тревожить их покой?!

– Вы их снова выкопали?! – в ужасе спросила она.

– Да, сестра, – склонив голову набок, ответил водитель. – Но я скажу вам, что мы делали это без всякого удовольствия. – Он шмыгнул носом, – собрали всех в одном месте, так ведь удобнее. Да и то, одни бы мы вряд ли справились, нам военные помогали.

Колхозные поля остались позади. Автобус подъехал к лесу и сбавил скорость на ухабах. Внимание пассажиров привлекла табличка с надписью: «Брянские леса Партизанской Славы!» Шофер остановил автобус, открыл дверь, все вышли и приблизились к табличке, чтобы отдать дань доблести и самоотвержен-

ности советских партизан. На выезде из леса была еще одна такая же табличка...

Наконец подъехали к главной аллее кладбища. Артур, Светлана и Диана вышли из автобуса, водитель попрощался с ними и уехал. За оградой виднелись длинные ряды одинаковых надгробных плит, кое-где росли кустарники и молодые деревца...

– Может, не все еще подъехали, – сказала Светлана.

– Не видать никого, – Артур посмотрел на часы. – Хотя еще рано. К тому же намечаются и праздничные мероприятия, конечно.

– Должны подъехать, – с уверенностью произнесла Светлана, – ведь, по словам нашего водителя, в центре села установили новый памятник погибшим.

– Этих тоже не забудут, – заметил Артур.

Они направились на поиски могилы Лазаря.

Село утопало в зелени. Кругом росли огромные деревья. По полю, подобно жукам, ползали трактора. Из леса выполз гусеничный трактор и, оставляя за собой борозду, поволок огромный комель. На опушке паслись черно-белые, рябые и красные коровы. Вокруг все расцветало, пахло весной...

Могилы Лазаря оказалась крайней. Они подошли вплотную, и Артур громко прочитал надпись на камне: «Здесь похоронен Байсангуров Лазарь...».

Диана со Светланой заплакали навзрыд.

– Ну-ну! – успокаивал их Артур. – Что же тогда мне делать? Я же не знаю ни материнской, ни отцовской могилы... – И смахнул слезу...

К ним подошел пожилой сторож в телогрейке. Снял шапку и учтиво поздоровался с гостями, а потом сказал, что на этой могиле накануне были мужчина с женщиной. Однако никто не обратил внимания на слова старика. Мало ли кто мог навестить могилу, тем более в День Победы. Казалось, старик остался недоволен их реакцией и добавил:

– Они тоже из ваших краев. Светлая ему память! – посмотрел

он на Могилу Лазаря. – По всему видать, и женщине, и мужчине Байсангуров был дорог. А мужику-то он был еще и боевым товарищем.

– Кто они могут быть?!. – с удивлением спросила Диана.

Все трое переглянулись...

Старик присел на бревно и закурил.

– Отец! – обратился к сторожу Артур. – Где они?!

– Да тут, в селе, остановились у кого-то. Сначала в лес пошли поглядеть место, где стоял их полк, а потом сюда. Байсангурова сам мужик и хоронил.

– А потом?!. – заинтересовался Артур.

– А потом к ним вышли из села и пригласили. Я тоже их звал к себе, но разве же супротив молодых сельчан старик потянет. Пришлось уступить. А вас я уж не отпущу, не взыщите, – улыбнулся сторож и провел мозолистой рукой по пожелтевшим от никотина усам.

– Они еще здесь?!. – озабочено спросил Артур.

– Зде-есь! – растянул старик. – Сегодня праздник намечается, кроме того, они хотят дерево посадить у могилы Лазаря, плакучую иву привезли с собой.

Гости снова переглянулись.

– Поздно, конечно, деревья сажать, – продолжил старик, – ну, да ничего, авось приживется. Ивы плакучие выносливые, да и место тут особенное. – Внезапно он сглотнул застрявший в горле комок и расплакался. – У меня самого сын единственный провоевал всю войну с самого начала до конца, а девятого мая погиб, вот ведь как бывает! Невеста у него была, так и осталась просватанная.

Все смотрели на него с сочувствием.

– А-а! – махнул рукой сторож. – Проклятая война дважды прошла по нашим краям. Первыми немцы вломились к нам, ни одного целого дома не оставили, все пожгли окрест, одни печки остались да зола. Люди знали, что они повернут обратно. Все же вернулись из лесов, стали отстраиваться помаленьку, а

как же иначе – жить-то надо! А второй раз «проутюжили» нас, когда наши гнали фашистов от нашей земли. – Он помолчал немного, вытирая несвежим платком глаза, потом продолжил: – Я часто думаю вот о чем: ведь нынче не так трудно ездить, билеты недорогие, садись в поезд, поезжай и посмотри, где воевали и где погибли твои: отец, брат и сестра... Если бы вы знали, как я доволен вами! Я к сыну ездил в Берлин. По чужой земле, доложу вам, откуда пришло столько горя, не так-то просто ходить... Я как будто босиком по битому стеклу ходил – так тяжело было по немецкой земле ходить. Его мать тоже хотела ехать, но куда ей – хворой – не разрешил я ей. Вас тоже, видать, война не пощадила. Вы кто же будете покойному Лазарю-то? Ты сын что ли? – спросил он у Артура.

– Нет, – ответил Артур и кивнул на Диану, – она его дочь.

– Ты его зять, скорее! – Старик повернулся к Светлане! – А ты золовка его дочери?..

– Нет, это наша хорошая знакомая! – выпалил Артур.

– Как знакомая?! – удивился старик. – Зачем вы меня обманываете?! – и, указав на Артура со Светланой покачал головой, – вы похожи друг на друга. – Кавказцы похожи друг на друга... А вот и ваши земляки!

– Как Вас зовут, отец? – обратился к старику Артур.

– Николай Иваныч.

Все трое одновременно повернули головы в ту сторону, куда указал сторож. К ним приближались мужчина и женщина. Мужчина чуть прихрамывал, одной рукой он опирался на палку, а другой держал саженец плакучей ивы.

Артур приблизился вплотную к Диане и удивленно проговорил:

– Если я не сошел с ума, это тот самый мужчина, автомобиль которого перекрыл движение у вагоноремонтного завода...

Диана во все глаза смотрела на мужчину и женщину и думала – надо же, этот человек, похож на Артура. А женщина похожа на Инала! Чудеса, да и только!..

Артур не выдержал и пошел им навстречу, Светлана и Диана – следом.

Мужчина бросил палку, и они с Артуром встали друг против друга в позе соболезнующих. После общепринятых в таких случаях слов соболезнования, мужчина спросил:

– Ты майор, который помог мне завести машину?! Давай наконец познакомимся, – Сослан Дзодзиков!

Артур машинально пожал ему руку.

– Сослан?! – удивленно переспросил он. – Моего отца тоже звали Сосланом... Я Артур...

– Артур?! – мужчине было трудно стоять, но он крепился, как мог. – А как твоя фамилия?

– Дзо-о-дзи-швили! – заикаясь, проговорил Артур.

Сослан держал руку парня и чувствовал, что фаланги пальцев, да и сами пальцы у парня точно такие же, как и у него самого. У него пересохло во рту.

– Асят... – прозвал он нетвердым голосом.

– Асят?! – оглянулась на женщину Диана. – Вы Асят?!

У Асят на миг потемнело в глазах, она провела ладонью по лбу и стала переводить взгляд с Дианы на Светлану и обратно...

– Да, я Асят! А вы?.. – и сжалась от страха, будто сейчас на них обрушится небо.

– Я Диана, дочь Лазаря.

– А я Светлана Доциева...

– Асят!.. – снова позвал Сослан...

Но та не слышала его, и если бы не Диана со Светланой, она упала бы на землю.

– Погляди, Асят, у парня под правым ухом должно быть родимые пятна.

– Есть!.. – отозвался сам Артур и обнял своими крепкими руками Сослана. – Есть родинки под ухом!..

– А где твоя мать?! – высвободился из объятий Сослан и, присел на землю.

Артур опустился на корточки так близко к нему, насколько это было возможным, и спросил:

– Кто ты?!. – и, не дождавшись ответа, вымолвил. – Моя мать Сафят! Сафят моя мама!

Сослан смотрел на него сияющими от счастья глазами и тяжело дышал.

– А Анна?..

– Анна – моя няня! – сказал Артур и заплакал.

– Асят!.. – закричал Сослан. – Наш мальчик!.. – и стал утирать Артуру слезы теплой ладонью.

В это время Асят стояла в оцепенении.

– Асят! – тормошила ее Диана. – Я Диана! А это Светлана Доциева!..

– Доциева? Мадина?! – наконец-то поняла Асят все и заплакала навзрыд. – Сослан, наша девочка – нашлась!..

Слез было много в тот день, слез радости и печали. Артур с Сосланом посадили иву, а женщины принесли воды и полили деревце. Затем они присели и залюбовались ивой. Не зря ее везли из Осетии, она окрепнет, прорастет корнями в землю, раскинется над могилой Лазаря, и много лет еще будет укрывать от солнца и дождя, пришедших навестить героя, внуков и правнуков.

Конец

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ВСАДНИК

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	60
ГЛАВА ПЯТАЯ	81
ГЛАВА ШЕСТАЯ	95
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	102
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	113
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	130
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	142

ЧАСТЬ II. ДЕТИ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	153
ГЛАВА ВТОРАЯ	177
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	187
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	201
ГЛАВА ПЯТАЯ	212
ГЛАВА ШЕСТАЯ	228
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	234
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	245
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	257

